

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть IV

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2014

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Авторы:

Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 1—2); *В.Д.Пузанов* (разд. 1, гл. 3);
Л.В.Алексеева (разд. 2, гл. 1; разд. 3, гл. 1—2; разд. 4, гл. 2);
Н.С.Салимова (разд. 2, гл. 2); *Л.В.Алексеева, К.Г.Букренева* (разд. 2, гл. 3);
И.Н.Стась (разд. 2, гл. 4); *Н.В.Сапожникова* (разд. 3, гл. 3);
И.В.Курышев (разд. 4, гл. 1); *Н.М.Игнатова* (разд. 4, гл. 3);
В.В.Митрофанов (приложения)

Под общей редакцией

доктора исторических наук, профессора *Л.В.Алексеевой*

Рецензенты:

доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин филиала Южно-Уральского
государственного университета в г.Нижевартовске *В.В.Митрофанов*;
доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных
и экономических дисциплин филиала Тюменского нефтегазового
университета в г.Нижевартовске *В.Я.Мауль*

П 99 Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография. Ч. IV / Под общ. ред. проф. Л.В.Алексеевой. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2014. — 201 с.

ISBN 978-5-00047-142-5

В монографии рассматривается широкий спектр проблем политической, экономической и социокультурной истории Ханты-Мансийского национального (автономного) округа.

Книга предназначена для студентов-историков, аспирантов, специалистов, а также всех, кто интересуется историей Югры и сопредельных территорий. Монография может быть использована при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири.

ББК 63.3(253.3-6Хан)

Уважаемые читатели!

Перед вами четвертый выпуск коллективной монографии «Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы».

В ней представлены результаты научных исследований ее постоянных авторов: Я.Г.Солодкина, Л.В.Алексеевой, Н.С.Салимовой, И.Н.Стася, Н.В.Сапожниковой, Н.М.Игнатовой, В.В.Митрофанова, отражающие широкий спектр проблем по истории автономного округа и сопредельных территорий. Впервые опубликованы исследования В.Д.Пузанова (Сургут), К.Г.Букрениевой (Нижневартовск) и И.В.Курышева (Ишим).

Очередной выпуск научного труда претерпел и структурные изменения. Традиционный для коллективной монографии методический раздел выделен в отдельную книгу по теории и методике обучения истории. В новом выпуске появился и раздел «Приложения», представленный оригинальными историческими источниками.

Коллективная монография предназначена для студентов-историков бакалавриата и магистратуры, аспирантов, специалистов, а также всех, кто интересуется историей Югры и сопредельных территорий. Данный труд может быть использован при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири. Материалы книги могут найти применение и в школьной практике: при подготовке учителей к занятиям по истории, при изучении тем региональной истории.

Всем авторам большое спасибо! Выражаем надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Л.В.Алексеева
*доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки ХМАО — Югры*

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

Глава 1

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА КНЯЗЦУ ЛУГУЮ И РАННЯЯ РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПРИБОЬЯ (О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ УНИКАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА)

В конце лета или первые недели осени 1585 г., примерно через год после гибели Ермака, за Урал по следам князя С.Д.Болховского «с товарищи» прибыла новая русская рать под началом воеводы И.А.Мансурова. Узнав, что лишившиеся своего «храброго смлада» атамана казаки, предводительствуемые уже головой И.В.Глуховым, покинули город Сибирь (Кашлык), где водворился наследник Кучума Али (Алей), а затем Саид-Ахмед (Сейдяк), Мансуров двинулся обратно, и чтобы перезимовать, в устье Иртыша, на правом берегу «великой» Оби, у Белогорья (там позднее выросло село Самарово), «срубил» крепостицу, которую не сумевшие ею овладеть остяки и их потомки называли Русским городком (Руть-ват, Руш-ваш). Вскоре после того, как воевода, скорее всего следуя распоряжению, полученному из Москвы, северным «чрезкаменным» путем вернулся в «царствующий град», оставив, по-видимому, в заложенном служилыми людьми остроге небольшой гарнизон, в августе 1586 г. князю Лугую в российской столице выдали жалованную грамоту (по определению И.В.Щеглова и Н.А.Балюк, охранительную или охранную). Этот документ, впервые опубликованный Г.Ф.Миллером¹, неоднозначно интерпретируется в историографии, начиная уже с того, что Лугуй считается князцом приобских остяков², властителем Ляпинского³, Куноватско-Ляпинского⁴, Куноватского⁵, Обдорского⁶, Кодского⁷ княжества и даже правителем Вымской земли, добившимся права «на владение городами по реке Оби»⁸. Однако, как писал уже Г.Ф.Миллер, Лугуй — «знатнейший в тамошней стране (по впадающей в Обь Сосьве. — Я.С.) князец», представлявший остяцкие городки Куноват, Илчму, Ляпин, Мункос, Иуил и Березов, — получил разрешение в Москве привозить дань на реку Вымь раз в два года (к Дмитриеву дню, т.е. 26 октября) с тем, чтобы ее не собирали русские, появившиеся в новом городке на Оби. Выдающийся

ученый «Века Просвещения» при этом указывал, что население Вымской земли было тесно связано с жителями Нижнего Приобья, занимаясь торговлей и промыслами⁹, остяки же, потерявшие, пытаясь захватить Мансуровский городок, своего «кумира», опасались насилий со стороны воеводы. Как допускал Г.Ф.Миллер, «поставление» этого городка обусловило появление в царском титуле оборота «и великия реки Оби» (его уникальность недавно отметил и С.М.Каштанов). Основоположник научного сибиреведения пришел к выводу, что грамотой 1586 г. была впервые установлена норма взимания ясака с новых подданных московского государя. В российской столице, на взгляд Г.Ф.Миллера, про Обский городок вначале узнали от Лугуя, отправившегося «бить челом» ко двору Федора Ивановича с наступлением зимы 1585/86 г., и позднее лета 1586 г. вернувшегося пожалованным «белым царем»¹⁰. О том, что Лугуй зимой отправился или прибыл в Москву, писали и другие исследователи¹¹. Скорее всего, как отмечал А.Т.Шашков, югорского князца сопровождали в этой поездке русские служилые люди — посланцы Мансурова. Не исключено, однако, что в российскую столицу Лугуй приехал с самим воеводой и следом получил жалованную грамоту. В таком случае следует отказаться от мысли П.Н.Будинского, повторенной Н.А.Балюк и А.В.Матвеевым, что именно от остяцкого князца в Москве впервые узнали о появлении русского городка на «великой» Оби, в устье Иртыша, а Федор Иванович «подписал» эту грамоту спустя несколько месяцев после того, как владелец Куновата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Иуила и Березова прибыл к «царскому порогу»¹². (Мотивы такого промедления остаются неясными¹³).

По словам Н.Н.Симачковой, интересующей нас жалованной грамотой «тюменским воеводам запрещалось посылать (своих приказных или служилых людей. — *Я.С.*) в Вымскую землю, которая сохраняется во владении Лугуя»¹⁴. Но речь должна идти об администраторах Обского городка, «Вымь» же, разумеется, остяцкому князцу не принадлежала.

А.В.Полетаев признает жалованную грамоту «миропреподобного» Федора Лугую курьезной, т.к. столичные подьячие, ее составлявшие, понятия не имели, о каком русском городке на Оби шла речь, ведь строить его ратных людей никто не отправлял¹⁵.

Но Мансуров мог к августу 1586 г. возвратиться в Москву, а его посланцы, как находил А.Т.Шашков, побывали там за полгода до этого¹⁶. Маловероятна и мысль, что основатель первого русского укрепленного поселения в Сибири, по-видимому, никогда о Лугуе не слышал, а последний в испуге отправился в российскую столицу (через Усть-Вым), как только узнал о прибытии служилых людей «белого царя» на берега «великой» Оби¹⁷. Остяцкий князец, возможно, очутился в Москве вместе с Мансуровым либо его подчиненными, которые привезли туда вести об экспедиции, предшествовавшей походу с целью основания Тюмени. Отправиться же в «царствующий град» Лугуя могло заставить то обстоятельство, что гарнизон сооруженного поздней осенью 1585 г. русского городка приступил к объясачиванию населения Нижнего Приобья¹⁸.

П.И.Небольсин называл Лугуя первым «добровольным данщиком» России¹⁹. Добровольность подчинения была, разумеется, относительной, в противном случае этот князец, вероятно, оказался бы еще в большей зависимости от Москвы.

Сохранились сведения о том, что в 1586/87 г., т.е. вслед за Лугуем, жалованных грамот удостоились казымский князец Цынгоп (Сенгеп) и югорская «самоядь»²⁰. Эти документы, и прежде всего рассмотренный, позволяют судить об основах политики Московского государства в Северо-Западной Сибири в ту пору, когда Кучум еще не оставил надежд на возрождение своего ханства.

Напомним, что вслед за основанием Тюмени и Тобольска русское градостроительство в Сибири возобновилось только через шесть лет, когда были «поставлены» Пелым и Березов. Как можно думать вслед за В.И.Сергеевым, до 1593 г. правительство Бориса Годунова довольствовалось вассалитетом югорских князьков, в частности, в той форме, которая нашла отражение в жалованной грамоте «крестоносного» Федора Ивановича Лугую.

Примечания

¹ Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. Кн. 1. М., 1998. С. 159—160; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 337—338. Недавно эта грамота, хранившаяся во времена «отца сибирской истории» у остяков Куноватской волости Березовского уезда «яко некая святыня», была

издана вновь. См.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. М., 2002. С. 237. О судьбе списка жалованной грамоты Лугую см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 490.

² Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С.Пархимовича. Тюмень, 2000. С. 35. По словам М.Б.Шатилова, Лугуй «изъявил покорность Московской Руси» в 1585 г.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 58, 113, 137; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 93; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 263. С.В.Бахрушин почему-то писал о признании Лугуем, которому подчинялись казымские и куноватские ханты, власти «освященного» Федора Ивановича в 1595 г., хотя жалованную грамоту, поставившую правителя Ляпинского княжества в полунезависимое положение от Москвы, датировал 1586 г. (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 55, 137). По утверждению В.И.Шункова, это княжество было обложено данью с постройкой Тобольска (Очерки истории СССР: Период феодализма: Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 696), т.е. в 1587 г. Мнение Р.Г.Скрынникова, что Лугуй оказал поддержку Мансурову, — всего лишь догадка.

⁴ См. о нем: Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 136—137. Таково определение А.Т.Шашкова. См.: Шашков А.Т. Югорские князья в XV—XVIII вв. // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1 (3). С. 176, и др. В одной из работ А.Т.Шашков указывал, что к концу XV в. Ляпинское княжество оказалось под властью куноватских князей, и в 1580-х гг. «большим» среди них являлся Лугуй (Он же. Княжеские династии обских угров в XV—XVII вв. // Северный регион: экономика и социокультурная динамика: Сб. тез. Всерос. науч. конф. Сургут, 2000. С. 8).

⁵ Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 54, 55, 57.

⁶ Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 175.

⁷ Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 146. Вместе с тем Н.А.Балюк и А.В.Матвеев считают Лугую ляпинским и куноватско-ляпинским князем, а кодским (относительно 1580-х гг.) называют Алача (Там же. С. 102, 148, 150—151, 167. Ср.: С. 50, 99).

⁸ Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI—XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 14. По мнению видного историка, обнаруживающаяся в анализируемом документе тенденция «связывать сибирский титул (Федора Ивановича. — Я.С.) с рангом не повелителя, а обладателя», могла быть вызвана «новыми попытками овладения ... территорией (за Уралом. — Я.С.), предпринятыми после смерти Ермака» (Там же. С. 15).

⁹ Н.А.Балюк и А.В.Матвеев повторили это объяснение (Со времен князя Самара ... С. 146).

Взгляд, что рассматриваемая жалованная грамота адресована сибирским воеводам (Там же. С. 52), представляется как минимум односторонним, ибо

в документе, который должен был быть прочитан «по всем нашим (русским. — Я.С.) городам» в Сибирской земле и затем храниться у Лугуя и, очевидно, его наследников, кроме запрета «воевать» укрепленные поселения этого владельца, взимать с него «дань, поминки и посулы», определяется размер ясака (семь соколов соболей лучших), который князю надлежало периодически доставлять в Вымскую землю. Под упомянутыми городами московские приказные подразумевали острог, выстроенный Мансуровым, и, возможно, Тюмень, заложенную летом 1586 г. ратниками В.Б.Сукина и И.Н.Мясного.

¹⁰ Описание ... Кн. 1. С. 159—162, 165—166; Л. 2; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 262, 263, 265. С.М.Середонин подобно Г.Ф.Миллеру писал о Лугуе как владетеле шести остяцких городков (Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 330. Примеч. 1).

Г.Ф.Миллер отождествил Мансуровский городок с известным по царской грамоте 1610 г. Муалымским, располагавшимся в устье Иртыша. Однако первый из них, согласно наказу 1594 г. основателям Сургута князю Ф.П.Барятинскому и В.В.Оничкову (Аничкову), следовало сжечь. Мнение, что это предписание не было выполнено (Балюк Н.А. Крепость святого сына // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 34), лишено каких-либо оснований.

¹¹ Бущинский П.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 87; Очерки истории Югры. С. 120, и др.

¹² Со времен князя Самара ... С. 148—149. Утверждение А.В.Матвеева, будто Федор Иванович с Лугуем не знали, что Мансуров в августе 1586 г. покинул Обский городок (Казак Тюме́нского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 18), по меньшей мере сомнительно.

Рассматриваемая жалованная грамота, между прочим, опровергает представление Д.Я.Резуна (см.: Каменева В.А. Д.Я.Резун — грани таланта // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 14), будто аборигенные поселения, упоминаемые в документах как городки, — это стойбища кочевников. Очевидным домислом следует признать и взгляд, что в 1586 г. Ляпинский городок был заново отстроен, уже как государева крепость (Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 18).

¹³ Известно, впрочем, что в Москве весной 1586 г. сложилась напряженная политическая обстановка, в мае Кремль даже пережил «осадное время», а Федор Иванович тогда покинул столицу, скорее всего вынужденно. См., напр.: Корещкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 95—99.

¹⁴ Симачкова Н.Н. О «ясачных» функциях первых администраторов Сибири // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 64.

¹⁵ Березово ... С. 54, 55.

¹⁶ Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 39—41, и др.

¹⁷ Березово ... С. 57. Заметим, что начало «постоянному русскому присутствию в Сибири» положило основание не Тюмени и Тобольска (Ярков А.П. Кучум

и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. Вып. 10. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 47), а Обского (Мансуровского) городка.

¹⁸ См.: Шашков А.Т. К истории Обского (Мансуровского) городка // Великий подвиг народа: Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл. Екатеринбург, 2001. С. 173; Миненко Н.А. Тюмень: Летопись четырех столетий. Тюмень, 2004. С. 41, и др. В нескольких редакциях Сибирского летописного свода констатируется, что остяки, не сумев захватить появившийся на Белогорье Мансуровский или Обский городок, «государю ясак начаша давати» (Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. С. 186, 252, 312, 365. Ср.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 566).

Н.А.Лапин вслед за Ф.Ласковским ошибочно называл этот городок Белгородским (Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 40. Примеч. 34).

¹⁹ Небольсин П.И. Покорение Сибири: Историческое исследование. СПб., 2008. С. 122. Говорить о том, что с помощью Лугуя низовья Оби стали подвластны России (Там же. С. 124), стоит лишь предположительно.

²⁰ См.: Очерки истории Югры. С. 121; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург, 2004. С. 10. Цыгноп обязался с трех своих городков вносить в пользу московского самодержца четыре сорока соболей и двух лучших черных лисиц.

Мнение, что Цыгноп, Лугуй и кодский князь Игичей Алачев стали добровольно платить дань московскому государю в начале 1590-х гг. (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 147), неверно.

Глава 2

ОТПРАВИЛИСЬ ЛИ «ЕРМАКОВЫ КАЗАКИ» В ЮГОРСКУЮ ЗЕМЛЮ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СВОЕГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ?

В начале августа 1584 г. в бою с «кучумлянами» на берегу Иртыша, возле Вагайской «перекопи», ермаковцы потеряли своего главного атамана, имя которого уже стало неотделимым от удивительно быстрого «Сибирского взятия». Вскоре на помощь казачьей «дружине» прибыла рать воеводы князя С.Д.Болховского и головы И.В.Глухова, включавшая, о чем мы узнаем из Погодинского летописца (далее — ПЛ), сотню казанских и свияжских стрельцов, столько же пермичей и вятчан, сотню «иных ратных людей»¹. Там же сообщается, что все или многие «присылные люди», у которых «запасу ... не было никакого», да и многие ермаковцы, умерли от голода, в том числе Болховский, и, «беззапасные» «до конца», девяносто сподвижников «храброго смлада» атамана оставили завоеванное, но далеко не подчиненное «Кучумово царство»².

Согласно летописным версиям различного происхождения, лишившиеся своего «велеумного» «наставника» «ермаковы казаки» из города Сибири (Кашлыка, Искера) по Иртышу и Оби (как подчас говорится, и Соби) через «Камень» вернулись на «Русь» (34, 40, 64, 87, 114, 125, 133—135, 185, 250, 311, 364)³ либо прибыли в Москву (где, как иногда добавляется, «возвестиша царю Федору Ивановичю о своем падении») (74, 138, 189. Примеч. 31—33; ср.: 73, 78)⁴. Порой летописцы упоминали о «бегстве» ермаковцев из Сибири «чрез Камень», не указывая, куда именно (96, 345). Иногда при этом говорится о том, что по Соби русские добрались до Березова⁵, который, однако, был «поставлен» восемь лет спустя.

Д.Я.Резун счел приведенные свидетельства не вполне достоверными, рассудив, что хотя после гибели Ермака многие его соратники стали нести государеву службу, остальные же вернулись «казаковать», возможно, они отошли в существовавшие уже в середине 1580-х гг. Мангазейский или Березовский городки либо пополнили отряд какого-то мурзы, если не Сейдяка (Сеид-Ахмада, Сеййид-Ахмада); ведь немало «православных воев» хотело

возвратиться на «Русь» еще в начале похода⁶. Видный сибиревед последних десятилетий не учел, что ко времени, когда ермаковцы покинули Кашлык, они были малочисленны и (повторим летописную заметку) «безопасны до конца». Их небольшая группа, если бы предложила свои услуги одному из татарских мурз или Сейдяку, могла быть легко истреблена (подобно тому, как недавний ханский «везирь» Карача поступил с четырьмя десятками казаков, причем «с вогненным боем», атамана Ивана Кольца). Такая же участь скорее всего постигла бы ермаковцев, решивших осесть (хотя никаких надежных сведений об этом нет) близ «срубленных» позднее Березова либо Мангазеи. Предположение Д.Я.Резуна, что Березовский острог существовал до 1591 г.⁷, даже задолго до «поставления» городских стен и башен⁸, восходящее к заключению Г.Ф.Миллера (развитому Н.А.Миненко и А.Т.Шашковым), не может, однако, считаться обоснованным⁹. Следует отклонить и представление Д.Я.Резуна, будто отличающее некоторых сибирских книжников расхождение с документами на несколько лет при определении времени основания ряда первых русских городов в «Закаменской стране» — это «сознательное концептуальное построение, воспринявшее народную традицию»¹⁰. Так, в материалах сыска 1636 г., на которые ссылался и Д.Я.Резун¹¹, говорится о расспросе тобольскими воеводами князем М.М.Темкиным-Ростовским и А.В.Волынским старожилов «начальнейшего града» Сибири про время и обстоятельства сооружения Березова. Последний, как заявили эти старожилы и березовский казак Т.Семенов, «поставлен» в царствование Федора Ивановича, но когда именно, они не ведают, «потому что у того городского дела не были»; сургутский же казак Я.Вергун (находившийся во время сыска в Тобольске) утверждал, что в пору сооружения Березова служил «на Таре»¹². В березовском же «городовом списке» 1634/35 г., присланном в сибирскую столицу из Березова его воеводой А.М.Толочановым, и «в березовском сыску» (год спустя) тобольского сына боярского П.Хмелевского сообщается о «поставлении» Березова в 1592/93 г.¹³ О каком-то предшествовавшем городу в бассейне Северной Сосьвы русском поселении привлеченные к «сыску» при этом не вспоминали.

Между прочим, его материалы не подтверждают вывода о том, что в основе летописных датировок возникновения Тюмени,

Тобольска, Березова и Сургута «лежали сведения о назначении первых воевод, память о чем стиралась довольно быстро»¹⁴. Летописец, поведавший о закладке Березова в 1592/93 г.¹⁵, скорее всего располагал каким-то документом, не исключено даже, указанным «березовским сыском», ибо перечислил помимо воевод и письменного головы И.Змеева даточных людей, «ставивших» город близ устья Северной Сосьвы, — вятчан, пермичей, вымичей и усольцев, приняв их, однако, за ратных (139, 369).

Пелым, согласно сибирским летописям, возник не ранее 1590/91, в 1591, 1592/93 или в следующем году (98, 139, 190, 259, 315, 346, 369). Любопытно, что по свидетельству табаринских татар, «Пелымский город ставили» в 1592/93 г. Но в 1618 г. те же татары утверждали, будто этому городу исполнилось тридцать лет¹⁶ (в действительности — двадцать пять). Сошлемся на челобитную участвовавшего в строительстве Пелыма известного атамана Т.Федорова от 1 ноября 1626 г. о службе в течение 35 лет в Сургуте, начиная с его «поставления»¹⁷, т.е. на три года больше, нежели к тому времени было самой крепости «в верх Оби». В этой челобитной говорится и о существовании «Томского города» в конце 1590-х гг., что опять-таки следует признать неточным¹⁸.

Таким образом, полагать, будто сибирские летописи XVII — середины XVIII вв. сохранили достоверные сведения о казачьих поселениях, которые могли предшествовать первым русским городам Азиатской России, нет веских оснований¹⁹. В частности, вслед за Д.Я.Резуном вряд ли стоит думать, что покинув Кашлык, некоторые из уцелевших сподвижников «ратоборного» атамана предпочли вместо возвращения на «Русь» отправиться к устью Северной Сосьвы или к месту впадения Бардаковки в «великую» Обь и поселились близ выросших семь — восемь лет спустя «Березова города» и Сургута, если даже не двинулись в бассейн Таза. (Примечательно, что предприняв поход в низовья Оби, возможно, и на Тавду, Ермак и его «товарыщи», насколько известно, не попытались пробиться к тому «златокипящему» краю, где в самом начале XVII столетия был заложен Мангазейский острог, а вскоре и город).

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 133. Ссылки на это издание памятников «группы» Есиповской летописи (далее — ЕЛ) следом приводятся в тексте главы.

Заметим, что, как позднее сообщается в ПЛ, отряд Болховского и Глухова состоял из казанских и свияжских стрельцов, пермских и вятских людей, наконец, казанских, свияжских, пермских и вятских стрельцов (133, 135). Возможно, редактор «истории» Саввы Есипова, передавая содержание ставших ему доступными редких документов, во второй и третьей соответствующих записях опустил упоминания об иных ратных людях и превратил пермичей и вятчан в стрельцов.

² Видимо, со времени прибытия в Кашлык С.Д.Болховского, а после его скорой смерти И.В.Глухова (представлявших в Сибири московского государя) в их подчинение перешла вся казачья «дружина», включая ее атаманов Матвея Мещеряка и Ивана Грозу, который следом вместе с головой И.С.Киреевым повез в российскую столицу плененного ермаковцами царевича Маметкула (Мухаммеда-Кули ибн Атаула). Быть может, с гибелью предводителя экспедиции и отъездом Грозы единственным атаманом в русском «войске» остался Мещеряк, к тому же казаков уцелело около сотни, а именно она чаще всего находилась под началом атамана, и маловероятно, что после гибели Ермака его соратники избрали еще одного. Из них в основном состоял отряд, который Глухов около полугода возглавлял в Сибири, а затем повел на «Русь». Возможно, что не все ермаковцы желали признавать своим атаманом Мещеряка, который до похода за «Камень» предводительствовал «воровскими» казаками, а позднее, как отмечалось П.П.Сахаровым, вернулся на Волгу, соединился там с Богданом Барбошей и двинулся на Яик (см.: Мининков Н.А. Неизвестная страница историографии похода Ермака: ростовская рукопись // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 60—61). Возвращение Мещеряка в Поволжье следует приурочить не к 1586 (так полагал П.П.Сахаров), а к предыдущему году.

³ См. также: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 38, 84, 102, 302, 344, 435.

⁴ См. также: Там же. С. 310; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 34. Данная версия подтверждается приходе-расходной книгой Чудова монастыря, где сообщается о пребывании в «царствующем граде» в феврале 1586 г. сибирских атаманов Ивана (Черкаса) Александрова и Саввы Сазонова сына Болдыри, сибирского казака Иева Вышаты, из-за болезни принявшего постриг в этой кремлевской обители (Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С.Н.Богатырева. М., 1996. С. 39, 43, 46, 48).

В Соловецком летописце одной из ранних редакций читаем, что Ермак «с товарищи» привели к Москве сибирского царя (вероятно, имеется в виду Маметкул — близкий родственник хана Кучума), но о возвращении атаманов и казаков из-за Урала при этом прямо не сказано (Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 240).

⁵ См. также: Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения 2005: Провинция

в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 397, 398. В книге «Два царя: Федор и Борис» (М., 2001. С. 85) об этом пишет и Л.Е.Морозова.

⁶ Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер.обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 20; Он же. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 56. Исследователь присоединился к мнению С.Ф.Платонова, что поход Ермака рассматривался как сухопутная часть экспедиции в Мангазею. Точнее, на взгляд выдающегося историка конца XIX — первой трети XX вв., вторжение казачьего отряда в Сибирское ханство готовилось одновременно с такой же морской и речной экспедицией. См., напр.: Митрофанов В.В. Проблемы первоначального освоения Сибири в трудах С.Ф.Платонова // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 4. Тюмень, 2001. С. 33; Он же. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С.Ф.Платонова. Нижневартовск, 2005. С. 148.

⁷ Эту дату мы находим в продолжении Абрамовского вида ЕЛ (98). Согласно же другим разновидностям Сибирского летописного свода (далее — СЛС), Березов был выстроен не ранее 1590/91 или в 1592/93 г. (139, 190, 259, 315, 346, 369; Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 76).

⁸ Резун Д.Я. К истории «поставления» ... С. 43; Он же. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 33, 66. Ср.: С. 101, и др. См. также: Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 108—109.

⁹ См., напр.: Солодкин Я.Г. Когда был заложен Березов? // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 38—42; Он же. О некоторых спорных проблемах начала освоения русскими Северо-Западной Сибири // Проблемы региональной экологии. 2006. № 3. С. 130—131; Он же. Из истории Югорской земли конца XVI — начала XVII веков // Вестн. Сургут. гос. ун-та. 2013. Вып. 1 (1). С. 7—8.

Мысль Д.Я.Резуна, будто «остатки» ермаковой вольницы могли осесть в районе построенного в 1594 г. Сургута, уже была аргументированно оспорена (Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 99—100; Солодкин Я.Г. О некоторых дискуссионных вопросах основания Сургута // В.И.Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: Мат-лы научно-практ. конф. Сургут, 2007. С. 62—63; Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 93—94). К тому же в наказе о сооружении Сургута, врученном его первому письменному голове В.В.Аничкову, местоположение новой крепости сколько-нибудь точно не определяется.

Недавно, кстати, В.Д.Пузанов объяснил назначение Ф.П.Барятинского сургутским воеводой главным образом тем, что отец этого князя (однако вовсе не знатного, а захудалого) к началу 1594 г. стал вторым, а не одним из четырех воевод Тобольска, т.е. положение сосланного в Сибирь П.И.Барятинского упрочилось (Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 94; Он же. Гарнизон Сургута в конце XVI — начале XVIII в. // Северный регион: Наука, образование, культура. 2013. № 1 (27). С. 165). Исследователя, думается, ввели в заблуждение сведения наказа князю П.И.Горчакову о постройке «Пельмского города» и разрядных книг первых

месяцев Смутного времени, — сведения, которым подобно А.Т.Шашкову следует предпочесть нам уже знакомые данные березовского сыска 1636 г. Судя по этим данным, в канун основания Сургута первые администраторы Березова Н.В.Траханиотов и князь М.П.Волконский не входили в число тобольских воевод.

¹⁰ Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки ... С. 18—19. Ср.: Он же. К истории «поставления» ... С. 36; Он же. Очерки истории изучения ... С. 41, и др.

¹¹ Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 118; Резун Д.Я. Очерки истории изучения ... С. 75. Ср.: С. 87. Подчас Д.Я.Резун датировал возникновение Березова 1593 г. См., напр.: Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 19.

А.С.Хромых заблуждается, полагая, что «актового материала, в котором была бы указана точная дата основания» Березова, не сохранилось. Документально не подтверждается и заключение этого ученого, будто в то время, как князь П.И.Горчаков «начал постройку Пелымского острога», отряд Н.В.Траханиотова заложил Березов в ходе преследования кондинских князей (захваченных в плен «около селения Сугмут-ваш») (Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронта: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2008. С. 78, 79): к устью Северной Сосьвы, как можно полагать, русские служилые люди продвигались целенаправленно.

¹² Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск. 1996. С. 73—75 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7). Ср.: Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 176. О необходимости критического отношения к показаниям такого рода свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что в челобитной пеших казаков «старой станицы» «первоимянитого града» Сибири (1637 г.) говорится про их службу «в Тобольском городе от Ермакова взятъя лет по сороку и по пятидесят», тогда как занятие «русским полком» Кашлыка и основание Тобольска разделены пятью годами. См.: Никитин Н.И. О «старой» ермаковой сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И.Буганова. М., 2012. С. 226, 229—231. Ср.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 8. СПб., 1884. Стлб. 567, 593; Первое столетие ... С. 42.

Напомним, что Тара была построена позднее Березова, в 1594 г. В одной челобитной, составленной в 1628/29 г., говорится о 36-летнем существовании Тары (РИБ. Т. 8. Стлб. 567. Ср.: Стлб. 462), т.е. получается, ее основание приходится на 1592/93 г. Кстати, в сибирских летописях закладка «Тарского города» приурочена и к 1587/88, и к 1591/92, и к 1593/94, и к 1594/95 гг. (98, 140, 190, 259, 315, 345, 369).

¹³ Первое столетие ... С. 74. См. также: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 409. В 1621 г. березовцы литвин К.Григорьев, казаки П.Яковлев и Т.Иванов показали в Москве, что город и острог в Березове «срублены» при царе Федоре Ивановиче двадцать восемь лет тому назад (Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск,

1994. С. 183 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4)). Возможно, эти служилые люди входили в состав березовского гарнизона с самого начала и знали о времени основания Березова по своим послужным спискам.

Кстати, в ходе упомянутого сыска 1636 г. сто пятьдесят два местных служилых сообщили, что в 1616/17 г., при воеводах Б.Л.Зюзине и В.С.Нармацком, были воздвигнуты новый острог и Лесная башня города (Сергеев В.И. Первые сибирские города ... С. 118; Первое столетие ... С. 75). В СЛС об этом умалчивается (145, 194, 261, 318), что лишний раз заставляет расстаться с выводом Н.А.Миненко и Д.Я.Резуна о Березове как одном из центров сибирского городского летописания.

¹⁴Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска / Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 36. Утверждение, что основание Березова, как и Сургута, в старшей из сохранившихся редакций СЛС — Книге записной (далее — КЗ) — и Повести о городах Таре и Тюмени относится к 1591—1595 гг. (Там же), неточно: в названной повести (атрибутировать которую Савве Есипову, кстати, преждевременно) об этом вовсе умалчивается, в КЗ и Академической редакции СЛС сказано о «поставлении» Березова и Сургута в 1592/93 и 1594/95 гг.; в других редакциях обширной летописной «книги», создававшейся в Тобольске, оно, как и сооружение Пельма, Томска, Нарымского и Кетского острогов, приурочено к 1590/91—1593/94 гг. (139, 140, 190, 259, 315, 346, 369).

¹⁵Ср.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 119; Трофимова О.В., Коновалова Е.Н. Описания городов и уездов Сибирской губернии первой половины XVIII века в архивах Тюмени и Санкт-Петербурга // Сибирская, Тобольская, Тюменская губернии: исторический опыт и современные управленческие практики: Докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф., посвященной 300-летию образования Сибирской губернии (20—21 ноября 2008 г., г.Тюмень). Тюмень, 2009. С. 141.

¹⁶См.: Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): Сб. ст. памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973. С. 39, 44.

¹⁷Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 186. Указанная датировка челобитной принадлежит Н.Н.Покровскому.

¹⁸См.: Древний город на Оби ... С. 122.

¹⁹См. также: Солодкин Я.Г. О происхождении летописных датировок первых русских городов и острогов на северо-западе Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Мат-лы II научно-практ. конф. Сургут, 2008. С. 68—73.

Глава 3

БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД: ГОСУДАРСТВО И СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

Главным русским центром на севере Западной Сибири был город Березов. Город построили на месте остяцкого городка в 1593 г. после основания Пельма. По данным Книги Записной, в 1593 г. воеводы Никифор Траханиотов и кн. Михаил Волконский поставили г.Березов с отрядом ратных людей из Вятки, Перми и Поморья «и воеводствовали они в нем первые воеводы». Вопрос о строительстве Березова до сих пор не решен окончательно. Было высказано несколько точек зрения на вопрос о времени основания города. Г.Ф.Миллер, изучив актовый материал, нашел царский наказ 1592 г. князю Петру Горчакову и первым в литературе высказал мнение, что Березов был построен в 1593 г. Историк справедливо связал его строительство с основанием Пельма. Г.Ф.Миллер считал, что основателем Березова является представитель московской знати, член государева двора Никифор Траханиотов [12. С. 196]. Начиная с работ Г.Ф.Миллера, именно этот аристократ считается первым воеводой Березова [7. С. 145]. А.Т.Шашков предположил, что Никифор Траханиотов построил первым Березов, а затем уже отправился строить Пелым. Я.Г.Солодкин справедливо показал, что это мнение не подкреплено документами, при этом он присоединился к точке зрения Г.Ф.Миллера, что основателем Березова являлся Никифор Траханиотов [19. С. 125].

Обычно предполагается, что Н.В.Траханиотов из Пельма пошел в Тобольск, откуда направился в Березов и основал этот город [19. С. 126]. Между тем, царский наказ 1592 г. князю Петру Горчакову, на котором историки основывали свои рассуждения, не содержит подобного маршрута. В наказе Н.В.Траханиотову «с товарищи» приказано перед походом на Пелым взять наряд «на Березов остров», затем построить Пелым, а через неделю после строительства с его отрядом идти в Тобольск. О дальнейшем движении отряда Н.В.Траханиотова наказ ничего не сообщает [10. С. 348]. Кроме наказа 1592 г. князю Петру Горчакову к проблеме

основания Березова необходимо привлечь и данные разрядных книг — очень ценного источника по истории Русского государства. Разрядные книги сообщают, что пребывание Н.В.Траханиотова в Тобольске не было короткой остановкой.

В Тобольске Никифор Траханиотов по царскому указу стал служить вторым воеводой в городе с князем Федором Лобановым-Ростовским. Однако служба Никифора Траханиотова в Тобольске закончилась по указу царя, «в Тобольске был немного и государь велел ему быти в Березове городе». Характерно, что Н.В.Траханиотов был послан в Березов не «поставить город», как разрядные книги традиционно пишут об основании городов и острогов, а должен был служить в уже имевшемся городе. Таким образом, ко времени прихода в Березов Н.В.Траханиотова город там уже был.

Кто же был основателем Березова? По данным разрядных книг, поставив Пелым, по указу царя первым должен был идти в Березов воевода князь Михаил Волконский. «Государь велел быти Никифору Траханиотову в Тобольске, Михаилу Волконскому на Березове» [15. С. 41]. Мы полагаем, что именно князь Михаил Волконский начал строительство Березова в то время, когда Н.В.Траханиотов служил вторым воеводой в Тобольске. После прихода в Березов Н.В.Траханиотова князь Михаил Волконский стал служить вторым воеводой. Почему же в разрядных книгах нет записи о поручении основать Березов Михаилу Волконскому? Возможно, что ко времени прихода Михаила Волконского в Березове уже был русский острог, где служили годовальщики из Тобольска, как в Обском городе. Таким образом, город Березов появился во время воеводства Михаила Волконского.

Русские отряды совершали походы на земли по р.Оби еще в удельное время. Персидские историки отмечали, что в земле народа Югры добывают прекрасную пушнину соболей. По данным ПВЛ, в 1096 г. новгородцы проникли в земли Югры за пушниной. В XII—XV вв. новгородцы ходили в экспедиции к Югре и собирали с нее дань [6. С. 37]. Походы на север на «югорских данников», как их называет Новгородская летопись под 1187 г., были в это время частыми. Летописи Новгорода отмечают эти походы только в особых случаях, при поражениях новгородцев от югры

или устюжан. Так, отмечена крупная военная экспедиция на Югру в 1193 г., когда новгородцы были разбиты [13. С. 38—448].

Новгородская летопись под 1445 г. отмечает, что в походах новгородцы захватывали пушнину, а также жителей — мужчин, жен и детей. В рассказе Новгородской летописи о походе на Югру в 1445 г. сообщается численность новгородской рати — 3 тысячи человек. Надо отметить, что это достаточно большое войско для северной военной экспедиции [13. С. 445]. Однако один из новгородских отрядов в этой экспедиции был разбит югрой.

По данным Новгородской летописи, в отношениях с Югрой Новгород столкнулся с Устюгом, который вел свою политику на севере [13. С. 99]. В 1323 г. устюжане поймали новгородцев, которые ходили в Югру и ограбили их. В 1324 г. Новгород для наказания отправил военную экспедицию на Устюг, новгородцы взяли город на шит и заключили мир с князьями города. Однако борьба городов за Югру на этом не закончилась. По летописи в 1329 г. устюжские князья избили новгородцев, которые шли на Югру. Земли Югры в это время занимали Приуралье, Северный Урал и север Западной Сибири. В 1364 г. новгородцы из земли Югры воевали на севере Сибири по р.Оби до океана [5. С. 81—83].

В XV в. отношения с Югрой переходят от Новгорода к Русскому государству. В историографии принято в качестве начала политики Ивана III в Югру отмечать походы 1483 и 1499 гг. Однако по данным северных летописей, первым походом Москвы на Югру был поход 1465 г., проведенный силами рати Устюга и Выми по приказу Ивана III. Поход 1465 г. стал началом подчинения Русским государством Югры [2. С. 91].

А.А.Зимин считал, что Иван III начинает подчинение северных районов Сибири, связанных с Новгородской республикой, только после подчинения Новгорода в 1478 г. По мнению ученого, русский поход 1483 г. был первой военной экспедицией Москвы в Югру [9. С. 65]. К сожалению А.А.Зимин не исследовал поход 1465 г. в Югру, который действительно был первой военной экспедицией Ивана III. Этот поход был совершен еще до подчинения Новгорода, он состоялся после получения власти Иваном III над северными городами, что показывает важность отношений с Югрой для Москвы. По мнению Ю.Г.Алексеева, в ходе похода 1483 г. русские вообще первый раз оказались в Сибири [1. С. 275].

Это положение историка не подтверждается новгородскими летописями, которые отмечают отношения Новгорода и Югры на протяжении XII—XV вв. Гербенштейн приводит на основании рассказов русских географических данные о Северном Урале и Сибири, которые показывают хорошее знание русскими людьми этих территорий [8. С. 125].

По данным Устюжского летописца, в 1465 г. великий князь Иван Васильевич приказал устюжанину Василию Скрыбе воевать Югорскую землю. Войско было собрано из «охочих людей» и жителей Выми и насчитывало, как можно предположить из сведений летописи о рати Устюга в других походах, более тысячи человек. Отряд Устюга воевал Югру и привел много полона, среди которого были югорские князья. По летописи, Иван III пожаловал князей и отпустил их в Югру, наложив на Югорскую землю дань [20. С. 46]. Архангелогородский летописец дает более подробные сведения о походе 1465 г., отмечая, что русское войско привело Югорскую землю за великого князя Ивана III. Государь на Москве принял пленных князей Югры и пожаловал их властью над княжествами, положив дань на Югру [2. С. 91]. Таким образом, северные летописи определяют в качестве даты установления власти Москвы над Югрой 1465 г.

Однако зависимость Югры от Русского государства в это время не была полной. Москве приходилось посылать рати на север для сбора дани, а также для борьбы со знатью ханты и манси. В 1483 г. в Сибирь на р.Обь и р.Иртыш был совершен крупный поход под командой государевых воевод И.И.Салтыкова и Ф.С.Курбского. По данным летописи, в походе 1483 г. приняли участие дети боярские государева двора, а также рать северных городов. По Устюжской летописи, русская рать разбила манси, а затем по р.Тавде направилась на р.Иртыш и на р.Обь, разгромив князей Югры. После похода весной 1484 г. князья Сибири и Югры принесли присягу великому князю [20. С. 49]. Ю.Г.Алексеев справедливо полагал, что поход 1483 г. на р.Обь стал грандиозным предприятием Русского государства по освоению Северного Урала и Зауралья [1. С. 275].

В 1499 г. Иван III направил в Югру войско на лыжах под началом князя С.Ф.Курбского и П.Ф.Ушатого с ратью северных городов Устюга, Вятки, Перми и других [20. С. 51]. В разрядных книгах

имеются сведения о численности этой рати. Ю.Г.Алексеев показал, что войско похода 1499 г. насчитывало около четырех тысяч человек, главным образом, его составляли рати северных городов [1. С. 367]. Как уже отмечалось, военные экспедиции новгородцев в Югру достигали 3-х тысяч человек, отряды Русского государства — 4-х тысяч человек. Это были достаточно крупные военные экспедиции для севера. В результате этих походов в XV в. в России хорошо знали народы югры и ненцев.

По территории Березовский уезд был самым большим в Западной Сибири. В уезде по нижнему течению р.Оби от устья Иртыша и ее притоков жили ханты и ненцы. В уезд входило Кодское княжество, ханты которого не платили ясак в казну, а несли военную службу с князьями Алачевыми до 1644 г. Позднее из княжества были образованы 3 волости, и в результате в уезде оказалось 11 волостей ханты. В 1668 г. 4 волости Березовского уезда вошли в состав Тобольского уезда. Количество плательщиков ясака постепенно увеличивалось. На протяжении XVII в. ясачное население ханты выросло с 6 040 до 9 770 человек. В отличие от ханты, ненцы платили ясак не по окладу, а кто сколько мог принести. Русские делили ненцев на 2 большие группы: казымских ненцев (лесных) и обдорских ненцев, живших на Крайнем Севере, большинство которых платило ясак в Обдорском городке. Всего в уезде жило около 5 740 ненцев. Всего ясачное население составляло, таким образом, около 11 780 человек.

К 1712 г. в уезде имелось 6 волостей и 1 658 плательщиков ясака. Население севера уезда, казымские и обдорские ненцы платили к 1712 г. ясак «не по окладу». Они приезжали в городки Казымской и Обдорской волости из тундры в первый месяц зимы для покупки у ясачных людей рыбы. В это время сборщики ясака собирали с них ясак, кто сколько хотел дать [3. С. 86]. Русские из Березова писали, что на ненцев нельзя положить правильный ясак по причине их кочевого образа жизни. Ненцы кочевали на оленях по тундре, переходя от дальних мест к океану. Если ненцы не приезжали из тундры для покупки рыбы, то найти их было невозможно по причине больших расстояний в уезде. В документах 1712 г. ненцы считаются еще «иноземцами». В результате эти группы населения платили мало ясака. В 1711 г. с казымских ненцев было взято пушнины только на 163 руб., а с обдорских ненцев

на 364 руб.; в 1712 г. с казымских ненцев на 167 руб., с обдорских ненцев на 302 руб. [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1580. Л. 71].

Укрепления Березова состояли из города и острога. Первые укрепления 1593 г. были не очень хорошо сделаны и уже через 6 лет требовали серьезного ремонта. В 1599 г. новый воевода И.Г.Волынский починил укрепления города, покрыв стены и башни крышей, и построил новый острог. Общая длина городских креплений составляла 285 метров, длина острожных стен, которые подходили к городу, к 1635 г. составляла 935 метров. В 1606 г. воевода князь Петр Черкасский (1605—1608) писал, что стены и башни города подмыло рекой, в результате они требуют серьезного ремонта, который невозможно провести по причине частых командировок служилых людей [16. С. 118]. Царским указом воеводе было приказано построить новый город. Однако этот указ не был выполнен. В 1610 г. воевода Степан Волынский получил разрешение не строить новый город, а только увеличить острог по просьбам служилых людей. В 1610 г. царской грамотой было приказано построить у стен Березова надолбы. В 1617 г. На Березове был поставлен новый острог и башня. Позднее острог Березова строили несколько раз. В 1627 г. городские стены были усилены четырьмя башнями — двумя с воротами и двумя глухими. В стенах острога насчитывалось 5 башен — 4 с воротами, 1 глухая, кроме того, там было двое ворот без башен. В 1664 г. после попытки восстания ясачных людей в Березове около посада и дворов служилых людей был построен новый острог в 878 метров с 5 башнями. В 1701 г. острог имел длину стены 300 метров, высотой около 6 метров, и включал 3 башни.

В 1593 г. в Березов был привезен наряд, который, как можно предположить, насчитывал 12 пищалей. К 1627 г. артиллерия города насчитывала 11 пищалей — 2 полуторные медные, к ним 331 ядро железное весом в 4 фунта с четвертью, 1 полуторная медная, к ней 183 ядра железных весом 2 фунта с четвертью, 2 пищали железных полковых, пищаль железная, к ним 378 ядер свинцовых и 33 ядра железных весом по 1 гривенке без четверти, 2 пищали затинные, к ним 789 пулек железных. На башнях острога стояли 2 пищали: пищаль железная полковая и пищаль затинная. Одна пищаль находилась в государевой казне. К 1638 г. в городе осталось 8 пищалей: 5 крупных и 3 затинных. К 1660 г. в Березове

имелось 10 пищалей: 3 пищали медные полуторные, 1 пищаль медная, 3 пищали железные полковые и 3 пищали затинные. К 1678 г. в городе имелось 7 пищалей: 4 пищали медные и 3 пищали полковые железные. В 1684 г. число пищалей вернулось к 10 орудиям. В 1701 г. в городе было 10 пищалей [РГАДА. Ф. 214. Ст. 25. Л. 30].

Эти укрепления долго были нужны гарнизону города для защиты от восстаний ясачных людей Березовского уезда. В 1595 г. остяки подняли восстание и пытались взять Березов. В 1596 г. правительство направило в Березов на подкрепление гарнизона отряд донских казаков во главе с князем Петром Горчаковым [10. С. 395]. По данным Книги Записной, позднее, при службе на Березове воеводы кн. Петра Черкасского была «измена от иноземцев», которые осадили город и перебили часть гарнизона. Из Москвы в Березов воеводе был прислан товарищ Иван Игнатьев сын Зубов с конскими ратными людьми. Отряд освободил город и казнил вождей восстания — 30 иноземных князцов. По данным актов, это восстание произошло в апреле 1607 г. Березов осадили 2 000 ханты и ненцев, во главе которых находилась знать Березовского и Сургутского уездов. В результате в Березове служилые люди 2 месяца сидели в осаде, «острог ставили и город крепили». Это движение было разгромлено, служилые люди получили, кроме годового жалования, по полтине на человека [17. С. 143].

Гарнизон города был организован уже в 1593 г. В 1635 г. тобольские воеводы по требованию Москвы сообщили, что в Березове город и острог были построены в 1593 г. ратными людьми из Поморья. Тобольский казак Трофим Семенов, участник строительства Березова, сообщил, что при царе Федоре Ивановиче в Березов на жительство было послано 300 ратных людей, которых набрали на Москве, в Коломне и Переяславле Рязанском. Кроме того, с отрядом прибыло 150 даточных людей. Отряд пришел в район Березова весной, поставив город и острог в течение лета [16. С. 118].

Разрядная книга 1625 г. отмечает наличие в городе 6 начальных людей, 4 детей боярских и 2 атаманов, это же количество отмечают списки 1633 и 1638 гг. Увеличение количества детей боярских начинается в середине XVII в. В 1647 г. в город был прислан дополнительно еще 1 сын боярский, и эта корпорация

увеличилась до 5 человек. В списке 1649 г. отмечается наличие 6 детей боярских и 2 атаманов. Один из детей боярских Федор Игнатьев умер в Тобольске в 1649 г., а на его место еще не успели никого назначить. К 1660 г. количество начальных людей Березова выросло до 11 человек, из них 8 детей боярских, 2 атамана казачьих и 1 городничий. К 1672 г. в городе было 16 начальных людей: 12 детей боярских, 3 атамана, 1 городничий. Это количество отмечают списки 1678 и 1685 гг. В 1689 г. на Березове служили 11 детей боярских. Из них 5 человек принадлежало к семье Лихачевых. К 1696 г. количество детей боярских составило 13 человек.

Оклады детей боярских назначались за службы и составляли от 7 до 18 руб., от 2 до 10 пудов ржи, от 2 до 10 пудов овса по списку 1691 г. В 1624 г. администрация Тобольска предложила назначить казакам северных городов Березова и Нарыма оклад в 5 рублей с четью по примеру гарнизона Сургута. 30 марта 1624 г. государь Михаил Федорович утвердил это предложение, разрешив назначать жалование казакам и стрельцам городов Сибири по решению разрядного воеводы. По царскому указу, в назначении окладов воеводам надо было заботиться, чтобы государственной казне было прибыльнее, а служилым людям не было тягости. К 1632 г. в городе имелось 306 жалованных людей, которые получали оклады 1 676 рублей [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1139. Л. 6].

В 1607 г. в Березове служили 314 человек литвы и казаков. В 1621 г. 30 служилых людей из Березова были посланы в Томск на постоянное жительство. В 1627 г. гарнизон города насчитывал 301 человека, из которых было 295 служилых людей и 6 обротчиков. Главную группу составляли городские казаки — 280 человек, кроме того, служили 9 человек литвы, немец и черкас. К 1628 г. В Березове служили 295 служилых людей, в том числе 289 литвы и казаков. В начале 1630-х гг. гарнизон города был уменьшен на 50 человек. Разрядная книга 1631 г. насчитывает в городе 289 человек литвы и казаков, а список 1633 г. отмечает только 235 литвы, немцев и казаков из общего состава гарнизона в 243 человека. 50 служилых людей были по государственной грамоте посланы в Енисейский острог [РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 48]. В 1638 г. гарнизон насчитывал 242 человека, в том числе 232 казака, 2 литвы и 2 пушкаря. К 1647 г. в гарнизоне было 247 человек,

в том числе 237 казаков; в 1649 г. — 246 человек, в том числе 236 казаков и 2 пушкаря.

В 1660 г. гарнизон города был восстановлен до прежнего уровня и насчитывал 291 человека, в том числе 7 пятидесятников казачьих и 271 казака. Кроме того, 2 казака были взяты по государственной грамоте в Тобольск, где им приказано быть у солдат в начальных людях. К 1672 г. в городе было 302 человека, в том числе 7 пятидесятников казачьих, 277 десятников и рядовых казаков, 3 пушкаря. В 1678 г. имелось 7 пятидесятников казачьих, 275 десятников и рядовых казаков и 3 пушкаря. В 1691 г. в городе служили 11 детей боярских, 277 казаков, 3 пушкаря. К 1703 г. в Березове имелось 13 детей боярских, 3 сотника, 287 пеших казаков, 3 пушкаря, всего 306 человек. Однако правительство стремилось уменьшить количество служилых людей в Сибири и сократить средства на их содержание. В 1701 г. Сибирский приказ распорядился, чтобы на Березове служили только 8 детей боярских. К 1712 г. в Березове было 325 жалованных людей — служилых людей, обротчиков и ружников.

В 1627 г. в городе было 6 обротчиков — 1 толмач, 1 воротник города и 1 воротник острога, дворник гостиного двора, сторож съезжей избы, тюремный сторож. К 1649 г. на месте дворника гостиного двора появился таможенный сторож, общее число обротчиков осталось прежним. В списке 1660 г. исчезают воротники, зато отмечаются 3 толмача, 2 остяцких толмача и 1 самоедский толмач, 3 сторожа. В списке 1672 г. отмечены 2 толмача, 2 воротника, 2 человека разных служб. К 1678 г. в городе были 2 толмача, 2 воротника, 2 человека разных служб. В списке 1691 г. отмечен городничий и 2 толмача. Значительную роль в службах уезда играли остяки. В списках 1638, 1647 гг. отмечается, что 39 остяков Березова возили людей и грузы по уезду [РГАДА. Ф. 214. Кн. 209. Л. 50—51].

Березовский уезд по территории был крупнейшим в Западной Сибири. Гарнизон города должен был совершать разные службы на громадной территории и служить в гарнизонах других городов и острогов Сибири. Служилые люди переводились на житье в другие уездные центры, Мангазею, Сургут, Тобольск и на р.Лену. В.И.Сергеев справедливо полагал, что Березов в первое десятилетие XVII в., пока существовал морской путь, был не только военной

крепостью, но и опорным пунктом на торговых путях промышленных и служилых людей. Государственный запрет морского пути и устройство Маковского острога привели к резкому сокращению торговли по пути через Камень, который использовали жители Поморья [16. С. 119].

Казаки Березова участвовали в основании Сургута и затем направлялись в этот город в качестве подкреплений. 70 казаков Березова участвовали в походе в Пегую орду и взяли город, захватив там пленных. По царскому указу воевода Василий Плещеев (1597—1599) отпустил ясырь на свободу, но многие пленные остались в Березове. В 1602 г. царским указом по просьбе казаков ясырь был возвращен им назад. В 1604 г. служилые люди Березова участвовали в основании Томска. После этого из Березова долгое время отправляли годовальщиков на службу в Томск. К 1625 г. в Томск отправили 20 служилых людей, в 1627 г. — 12 человек, в 1628 г. им на смену еще 12 человек. Из Березова в Томск направляли не только годовальщиков. В 1621 г. царским указом 30 служилых людей из Березова были посланы в Томск, которому грозило нападение ойратов, на постоянное жительство [11. С. 306]. В 1628 г. государевым указом 86 служилых людей из Березова были переведены в Томск на житье.

Значительной была роль гарнизона Березова в присоединении Восточной Сибири. Березов стал северными воротами на восток, городом, откуда была отправлена экспедиция для основания первого русского уездного центра на востоке Сибири Мангазеи, а затем поддерживалась связь с центром. В Березове делали корабли для отправки в Мангазею, оттуда отправляли служилых людей и хлеб. В 1601 г. для основания Мангазеи была послана экспедиция в составе 300 служилых людей — 200 тобольских, 70 березовских, 30 сургутских. По наказу планировалось оставить в Мангазее 50 тобольских и 50 березовских служилых людей. 25 января 1603 г. царь приказал послать на смену служилым людям атамана и 50 казаков из Березова и 50 человек литвы, казаков и стрельцов из Тобольска. Экспедиция 1601 г. была известна в государствах Западной Европы. Англичане собирали данные о русском продвижении в Сибирь, надеясь на разрешение правительства торговать по р.Оби с Китаем. 20 июня 1617 г. английский посол сообщил Михаилу Федоровичу, что в правление Бориса

Годунова русские люди ходили по Оби к Енисею и видели там новые острова и реки [14. С. 146].

В гарнизоне Мангазеи годовальщики из Березова играли большую роль, составляя там первоначально до половины всех служилых людей. Посылки в Мангазею начались сразу после основания города, однако здесь, надо думать, прежде всего, в связи с географическим положением, затянулось формирование собственного гарнизона, и потому годовальщиков посылали еще очень долго. Позднее к гарнизону, насчитывающему 53 служилых человека, отправляли 50 годовальщиков из Березова. В отдельные годы количество годовальщиков могло быть несколько меньше обычного. Так, в 1627 г. из Березова посылали годовальщиков в Мангазею — 1 сына боярского, 50 человек литвы и казаков, а в 1628 г. — с тобольским стрелецким сотником 40 человек. Посылка 50 годовальщиков из Березова в Мангазею закончилась между 1631 и 1633 гг. В 1633 г. из Березова в Мангазею было послано с воеводой только 2 человека. В списках 1638, 1660, 1672 гг. о службах гарнизона Березова нет сведений о «годовой службе» в Мангазее. Однако в Березове долго помнили об этой северной службе. В 1652 г. один из служилых людей города писал, что после строительства Мангазеи туда отправляли из Тобольска и Березова «по вся годы с города по 50 человек» [18. С. 81]. Гарнизон Мангазеи с 1630-х гг. подкреплялся главным образом из Тобольска. Но служилые люди Березова еще долгое время выполняли важную роль в снабжении Мангазеи припасами из Тобольска. В 1647 г. с «государевым хлебным запасом» 1 человек был отправлен в Мангазею на судно в должности кормщика, в 1649 г. 6 человек — в должности кормщиков и проводников. В 1649 г. служилые люди Тобольска били челом о необходимости дать им вожей и кормщиков из Березова для пути на Север. Тобольский воевода Василий Шереметьев приказал посылать из Березова с тобольскими служилыми людьми в этом качестве 6 человек.

Однако позднее 6 служилых людей Березова, отобранных воеводой города Михаилом Лодыженским для посылки в Мангазею, заявили, что они не знают морского пути и никогда не были в Мангазее; служилые люди, которые участвовали в подобных экспедициях, посланы на дальние службы. Алексей Михайлович приказал посылать на кораблях в Мангазею в качестве вожей

и кормщиков промышленных и гулящих людей, нанимая их из доходов Березова. В ноябре 1652 г. служилые люди Березова били челом царю, сообщив, что со времени основания Мангазеи в город каждый год отправлялся отряд из служилых людей Тобольска и Березова, по 50 человек с каждого города. После того, как в Мангазее появились жилацкие служилые люди, служилые люди Тобольска били челом царю, чтобы им одним было позволено сопровождать хлебные запасы в Мангазею. В результате, по 1649 г. служилые люди Тобольска ездили в Мангазею одни, без казаков Березова.

Служилые люди Березова писали, что из старых служилых людей Березова, плававших на восток, «многие на службах побиты, а иные по нашему указу, с Березова выведены по городам». Грамота отмечает здесь наиболее крупные посылки служилых людей — 30 человек в Томск, 50 человек в Енисейск, а также на службу в Якутском остроге. Кроме того, служилый мир Березова понес большие потери в результате столкновений с народами Сибири. По данным служилых людей, к 1652 г. из них были «иные многие побиты», на место которых были взяты новики. В результате, к этому времени гарнизон Березова так изменился, что не нашлось даже людей, которые могли бы проводить корабли на восток [18. С. 83].

Из Мангазеи служилые люди Березова продвигались на восток. В 1609 г. годовальщики из Березова пришли на р.Енисей и обложили ясаком остяков, уже плативших в Кетский острог, что вызвало споры воевод [11. С. 253]. В 1622 г. воевода Тобольска требовал направить годовальщиков из Тобольска и Березова далеко на восток для поиска новых ясачных людей. Служилые люди должны были получить здесь для экспедиции жалованье из Тобольска на 2—3 года. В 1632 г. в Мангазее служили 1 сотник стрелецкий, 4 черкаса, 88 стрельцов, всего 93 человека. В 1632 г. было послано на государеву службу для ясачного сбора на Тунгуску и на Енисей мангазейских и березовских людей 45 человек.

В 1633 г. из Березова отправилось на р.Лену 8 служилых людей, остававшиеся там еще к 1638 г. В 1634 г. на Лену был послан отряд сына боярского Воина Шахова, в котором было 20 казаков из Березова, отправленных на 3 года. Позднее в списке Тобольского разряда 1638 г. отмечалось, что 8 березовских «годовальщиков»

до сего времени находятся на востоке с Воином Шаховым, остались «в новых землях» на реке Лене. В 1639 г. в экспедицию Головина было послано 50 казаков, из них к 1647 г. вернулись в город только 5 человек. В списке 1647 г. отмечено, что 4 человека из служилых людей Березова были убиты на р.Лене. В 1647 г. из Березова на р.Лену послали еще 10 казаков. В списке 1649 г. отмечалось, что на р.Лене служит 37 казаков. В экспедицию 1655 г. было взято 35 казаков. В 1656 г. в Илимский острог на житье было послано 12 казаков. В 1628 г. 30 казаков были отправлены на р.Енисей в экспедицию Якова Хрипунова. В 1634 г. 50 служилых людей было переведено в Енисейский острог.

Большое значение имела служба казаков в Южной Сибири. Казаки Березова с 1668 по 1678 гг. посылали в Красноярск по 25 человек. В 1675 г. из Березова отправилось на годовую службу 25 казаков в Красноярский острог, в 1678 г. им на смену послали вторую партию в 25 человек. Часто годовая служба в городах Восточной Сибири продолжалась несколько десятилетий. Так, по данным списка 1689 г., атаман казаков Березова Юрий Андреев служил в Даурии с 1655 по 1674 гг. Поэтому служилые люди стремились получить свободу от годовой службы. Материалы списков служилых людей свидетельствуют, что они часто отправляли на годовую службу за себя наемников из гулящих людей [РГАДА. Ф. 214. Кн. 614. Л. 57].

Важной обязанностью служилых людей Березова было содержание северных застав. В 1628 г. 25 служилых людей было послано на Нижнюю Тунгуску для защиты русских от нападений иноземцев, а также 25 человек на заставу для защиты Мангазеи от прихода немецких кораблей. Кроме того, в 1628 г. на заставы Обдор, Обское устье и на новую заставу на р.Киртас для сбора десятой пошрины были посланы 30 человек. В 1633 г. из Березова на заставы Обдор и Киртас с письменным головою, с тобольскими детьми боярскими были отправлены 65 человек; в 1638 г. — сын боярский и 50 казаков, а также 10 человек на таможенную. В 1647, 1649 гг. на заставы посылались 30 казаков, а в 1660 г. 50 человек. К 1678 г. на Обскую и Киртасскую заставы направляли уже 65 казаков. В конце XVII в. из Березова на северные заставы направлялись дети боярские и 50 служилых людей.

Большой отряд служилых людей был нужен для контроля за северными дорогами на Русь, по которым шли беглые люди. В особых случаях на эти дороги отправляли отдельные отряды для поиска беглых. В 1635 г. служилые люди Березова были посланы для поиска воровских беглых людей отряда Балашова [РГАДА. Ф. 214. Кн. 922. Л. 5]. В 1674 г. по северной дороге на Русь из Сибири бежали астраханец Борис Голышенков с товарищами. Служилые люди города поймали этих беглых людей и привезли их в Березов. Эти далекие посылки постоянно забирали значительную часть гарнизона Березова. В северном городе было трудно найти новых казаков. К 1647 г. В Березове на место годовальщиков, ушедших на р.Лену, зачислили в казаки всего 4 человека.

По мнению В.И.Сергеева, резкое сокращение гарнизона привело к проблемам выполнения служилыми людьми их традиционных занятий. Данные до 1627 г. сообщают, что за службами в городе оставалось около 100 служилых людей, к 1628 г. подобный резерв сокращается до 43 служилых людей, в 1636 г. их количество снизилось до 30, а к 1646 до 20 человек. В 1607 г. в царской грамоте отмечалось, что по данным воеводы, в Березове большинство служилых людей «живут на наших службах» в посылках, и в городе остаются «немногие люди». В царской грамоте 1610 г. отмечалось, что в Березове остается во время командировок, годовой службы и посылок менее 1/3 служилых людей.

Однако позднее число служилых людей, в период посылок находящихся в Березове, еще более уменьшилось. В 1625 г. воеводы города писали, что на дальних службах — в Томске, Мангазее, на северных заставах и в экспедиции на озеро Ямыш — участвует около 140 человек. В Томск и Мангазею годовальщиков приходилось отправлять еще до прихода посланной партии служилых людей. Служилые люди находились в этих городах больше года и приезжали в Березов осенью или зимой. В результате, в Березове большая часть гарнизона находилась на дальних службах и в разъездах. Это создавало значительные трудности для воевод города [РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 392—395]. В 1628 г. на службах и в посылках находились 250 человек: 1 сын боярский, 249 литвы и казаков, а в городе на караулах стояли только 43 человека: 3 детей боярских, 40 литвы и казаков. Часть служилых людей несла

городовые службы, сторожила хлебные запасы, служила в целовальниках и содержала караул в городе и остроге. В списке 1638 г. на городских службах отмечены 6 человек. В 1672 г. всего на службах и в посылках находились 224 человека, а остальные служилые люди постоянно стояли на караулах по городу и по острогу. В списке 1691 г. отмечалось, что на городских службах находились 12 служилых людей, в 1692—1700 гг. на эти службы направляли 17 служилых людей.

В первой трети XVII в. в городе отмечается и небольшое количество жилецких людей (жилецкие люди — не служилые, посадские люди, крестьяне), к 1625 г. их было 6 человек. Однако в 30—40-е гг. XVII в., по данным списков города, жилецких людей на Березове не было. Это отсутствие жилецких людей отмечалось источниками. Так, в царской грамоте 1610 г. отмечается, что «торговых и всяких гулящих людей живет мало, потому что хлеб на Березове дорог». В результате служилые люди должны были выполнять обязанности, которые в других городах возлагались на посадское население. В списке 1672 г. отмечается, что на кружечном дворе в целовальниках были 5 служилых людей.

Большое количество служилых людей каждый год надо было отправлять в уезд для сбора ясака. В 1638 г. в уезд отправились 17 служилых людей. В 1647 г. в уезд для «государева ясачногобору и для сыску воровской самояди» было послано 30 служилых людей, в 1649 г. — 1 сын боярский и 43 казака, в 1660 г. — 56 служилых людей, в 1672 г. в ясачные волости отправились 65 служилых людей, а в 1678 г. — 55 служилых людей. В списках 1691—1700 гг. отмечается отправка на север в Обдорскую волость для защиты государевой ясачной казны сына боярского и 35 служилых людей. В 5 волостей уезда отправлялись за ясаком в 1691, 1692 гг. 20 служилых людей, в 1693 г. 13 служилых людей, в 1696—1700 гг. 12 служилых людей. В Москву с ясаком и сметными списками обычно ездили 8—10 служилых людей. По данным списков 1691, 1692, 1693, 1696, 1698, 1700 гг., в конце XVII в. из Березова в Москву отправляли только 6 служилых людей.

Каждый год служилые люди доставляли хлеб в город с юга, в 1638 г. в Тобольск за хлебом были отправлены 20 человек, в 1647 и в 1649 гг. 38 человек, в 1678 г. 50 человек. В 1691, 1692 гг. за хлебом в Тобольск с пятидесятником были отправлены

65 служилых людей. В поздних списках 1693—1700 гг. отмечается отправка пятидесятника и 50 служилых людей. Кроме того, служилые люди часто посылались с отписками в Тобольск. Так, в 1649 г. воевода послал в Тобольск сына боярского и 2 казаков [РГАДА. Ф. 214. Кн. 110. Л. 44]. Традиционно из гарнизона Березова отправляли служилых людей в экспедицию на озеро Ямыш, в 1620-е гг. обычно 25 человек, в 1630-е гг. количество увеличилось до 40 человек, а затем вернулось к старому значению. В списках 1691—1700 гг. отмечается посылка 25 служилых людей из Тобольска на озеро Ямыш. В списке служилых людей Березова 1689 г. отмечалось, что 9 человек из 11 детей боярских не бывали на отъезжих службах и посылках, но служили только городовые службы и участвовали в экспедициях на озеро Ямыш. Таким образом, эти экспедиции в конце XVII в. стали для служилых людей Сибири уже обычным делом.

Казаки Березова часто посылались в уезд для выполнения особых служб. Гарнизону Березова надо было бороться с движениями ясачного населения в огромном уезде. С.В.Бахрушин отмечал большую воинственность кочевников севера Сибири, особенно ненцев, которые были хорошо вооружены. Отряды ненцев часто нападали на служилых людей и промышленников в уезде. В 1642 г. сын боярский Федор Игнатьев с отрядом служилых людей Березова был отправлен в Обдорскую волость для поимки «воровских людей» ненцев. В списке атамана Григория Ярославцева отмечалось, что в 1647 г. он в отряде служилых людей города ловил в Обдорской волости ненцев аманатов. Этот поход закончился удачно, служилые люди, взяв аманатов, пришли в Березов. В 1663 г. служилые люди ловили воровских ненцев и изменников-ханты в Кодской и Ляпинской волостях. В материалах Сибирского приказа отмечалось, что в 1663 г. ненцы и ханты были взяты и привезены на Березов [РГАДА. Ф. 214. Кн. 922. Л. 1].

В 1678 г. ясачные ненцы осадили ясачных сборщиков Березова в Обдорском городке. Из Березова на север был отправлен отряд служилых людей, которые освободили сборщиков и привезли в город государеву казну. В 1682 г. изменили обдорские ненцы, побив и пограбив ханты. Служилые люди Березова на севере примирили ненцев и ханты и собрали с ненцев ясак. В списках служилых людей отмечается, что движения против государства

ненцев и ханты Березовской и Сосьвинской волостей были в 1658, 1663, 1676 гг. В эти годы из Березова направлялись отряды служилых людей для поиска воровских людей ненцев и изменников-ханты. В 1650 и 1658 гг. казаков на ненцев посылали для поиска аманатов, когда воровские ненцы громили государеву ясачную казну. В 1681 и 1684 гг. служилые люди из Березова требовали в Обдорском городке платить ясак от ненцев Обдорской волости и Приуралья. По данным списков, им удалось взять с ненцев государев ясак.

В первые десятилетия русская власть использовала в административных и военных целях служилых остяков Кодского княжества. По данным челобитной князя Михаила Алачева 1625 г., служилые и ясачные люди его двора служили в Сибири «всякие службы». Так, 100 служилых остяков были посланы с русским отрядом в 1604 г. на юг по р.Оби и строили Томский город. Позднее служилые остяки участвовали в подавлении восстания князя Василия Обдорского на севере Березовского уезда. В 1618 г. По приказу воеводы Тобольска князя Куракина 20 служилых остяков были посланы для основания острога в тунгусской земле и участвовали в подчинении тунгусов. В 1619 г. 10 служилых остяков ходили в экспедицию, строившую Енисейский острог. По данным челобитной, служилые остяки получали для походов 4—5 четвертей хлеба.

Город Березов был основан в 1593 г. для контроля над северными землями Западной Сибири. В XVII в. Березовский уезд был крупнейшим по территории в Западной Сибири. Березов стал военной и административной базой для колонизации северных земель Восточной Сибири. Русское государство в первые десятилетия XVII в. через Березов поддерживало свое влияние в бассейне нижнего Енисея. Служилые люди Березова служили в Мангазее, посылались на р.Лену и дальше на восток. Гарнизону Березова приходилось часто бороться с движениями ясачных людей.

В связи с географическим положением города на севере Тобольского разряда, в Березове служилые люди были фактически единственной группой русского населения. Гарнизон Березова был наиболее крупным из гарнизонов северных городов, насчитывая около 300 служилых людей. Однако этих сил было мало

для контроля за громадной территорией уезда и выполнения многих служб.

Список литературы и источников

1. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.
2. Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37.
3. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955.
4. Бахрушин С.В. Самоеды в XVII в. // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955.
5. Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949.
6. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
7. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.
8. Гербенштейн Сигизмунд. Проезжая по Московии. М., 1988.
9. Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.
12. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998.
13. Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.
14. Посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг. М., 2006.
15. Разрядная Книга, 1475—1605. М., 1989. Т. 3. Ч. 3.
16. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3.
17. Сибирский летописный свод // ПСРЛ. М., 1987. Т. 36.
18. Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII в. в Сибири. Новосибирск, 2005.
19. Солодкин Я.Г. О датировке поставления Березова и Кетска // Северный регион. 2003. № 1.
20. Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37.

Раздел 2

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Глава 1

РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1941 гг.)

Добыча рыбы в регионе традиционно осуществлялась в Обско-Иртышском бассейне, имевшем обширную речную систему, мощную пойму реки Оби, большое число озер. Реки бассейна относились к Северному ледовитому океану. 12 притоков Оби и Иртыша (Северная Сосьва, Конда, Вах, Юган, Казым, Пим, Тромьеган, Аган, Большой Салым, Ляпин, Лямин, Назым), а также множество мелких речек образовывали густую речную сеть, формировали которую Обь и Иртыш. Общее число рек составляло около 30 тыс. Продолжительность ледостава составляла 180—200 дней. Для всех рек, кроме горных, были характерны малые уклоны, низкая скорость течения, весенне-летнее половодье, паводки в теплое время года, подпорные явления. В округе насчитывалось около 290 тыс. озер площадью более 1 га, 220 тыс. из них сосредотачивались в Среднем Приобье. К категории больших (площадь 100 км²) относились озера: Кондинский Сор, Леушинский Туман, Вандэмтор, Тромэмтор. Большинство озер мелкие, но встречаются и глубокие: Кинтус (48 м), Сырковый Сор (42 м), Чагорово (35 м). Все озера являлись пресными и ультрапресными [22. С. 14].

Промысловое значение на Севере имели следующие виды рыб: осетровые (осетр, стерлядь); лососевые (нельма, муксун, сырок, шокур, пыжьян, сельдь обская и сосьвинская); частиковые (чебак, окунь, язь, щука, карась). Существовала и «народная» классификация рыбы: красная, белая и черная. Главную часть уловов составляла черная рыба — до 70%.

Рыбохозяйственное значение Обского бассейна понижалось ежегодным замором [6] Оби. Замор реки Оби — явление, ежегодно наблюдаемое зимой на этой реке и заключающееся в своеобразном изменении газового и солевого баланса вод реки и ее притоков. Замор является полной аномалией в гидрологическом режиме крупного текучего водоема и выделяет Обь среди всех других рек

мира. Замор рыбы — гибель рыбы в различных водоемах, вызываемая или уничтожением растворенного в воде кислорода, или отравлением воды различными ядовитыми веществами. Благодаря долгой и холодной зиме водоемы покрываются толстым льдом, изолирующим воду от насыщения кислородом из атмосферы. Во всех водоемах с илистым слоем или богатых органическими веществами происходит разложение этих соединений, сопровождающееся усиленным поглощением кислорода, растворенного в воде. Параллельно с обеднением воды кислородом идет насыщение ее сероводородом, образующимся в результате жизнедеятельности бактерий, разлагающих органические соединения. Происходящие по такой схеме явления (обеднение кислородом и образование в воде сероводорода) наиболее типичны для большинства подверженных замору водоемов Сибири. В мелких водоемах болотистого типа, помимо сероводородного, имеют место и другие типы брожения (например, метановое). Замор наблюдается в водоемах не только зимой, но и летом в самую жаркую погоду. Сущность этого явления та же, что и зимнего замора. При повышении t° разложение органических веществ усиливается, а растворимость кислорода в воде падает, и таким образом образуется его дефицит, вызывающий удушье рыбы.

Внешние проявления замора заключались в том, что в зимнее время, с декабря, вода в Оби начинала изменяться: приобретала затхлый, неприятный для питья вкус, в ней выпадал особый бурый осадок «ржавец», дальше можно наблюдать гибель рыбы, не успевшей уйти в незаморные притоки или в те участки реки, где имелись так называемые «живцы», т.е. бьющие из грунта ключи. Замор начинался в Оби с Нарымского края от устья р.Кети; усиливался при впадении р.Парабели; достигал полной силы ниже впадения р.Васюгана. Распространяясь вниз по реке со скоростью 40 км в сутки, замор охватывал все нижнее течение Оби вплоть до Обской губы на протяжении 1800 км. Значение замора и степень влияния его на судьбу рыбного хозяйства в бассейне Оби было огромно и не поддавалось учету: в течение нескольких месяцев условия существования здесь для рыбы становились невозможными, и громаднейшая река превращалась в мертвый водоем. Река Обь, имея хорошо разработанную равнину, большие

запасы органических веществ в воде, была бы очень продуктивным водоемом, если бы не существовало заморов [6].

Таблица 1

Система угодий в ХМНО в 1941 г. [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 4]

Вид угодий	Количество	Площадь (в га)	Протяженность (в км)
Соровое хозяйство	2 669	1 340 200	—
Озерное хозяйство	1 842	262 720	—
Реки и речки	911	738 280	212 640
Протоки	442	170 000	16 910
Итого	5 864	2 511 200	

Всего использовалось 3 764 угодья. Запасный фонд имел 2 100 угодий. Причины неиспользования этих угодий: удаленность, засоренность. Средний вылов с га зеркальной площади составлял в 1939 г. — 5,5 кг, 1940 г. — 5,2 кг, 1941 г. — 5,4 кг. Паспортизировано 247 рыбных участков, составлено 232 паспорта, заключено в 1941 г. 217 договоров на передачу рыбоугодий: рыбартелям — 66, сельхозартелям — 128, рыбзаводам — 4, внутри районов — 19. В рыбохране работал 301 рыбинспектор [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 4 об.].

Размещению и строительству новых предприятий предшествовала научно-промысловая разведка речных водоемов, изучение их биологической продуктивности. К исследованию новых районов и видов промысла на реке Оби привлекался коллектив Обь-Тазовской научной рыбохозяйственной станции и Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства.

На территории Ханты-Мансийского округа было открыто несколько исследовательских пунктов для систематического наблюдения за гидрохимическим режимом реки Оби. Такие пункты действовали при Березовском, Кондинском и других предприятиях рыбной промышленности, а также в селах Белогорье и Сургут. Все исследовательские работы этих пунктов были направлены на изучение причин возникновения и хода заморов. Всесоюзный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства также проводил эксперименты по заселению сырком

ряда водоемов, сбор икры этой рыбы, инкубацию ее в аппаратах и заселение весной мальками сырка намеченных озер. По рекомендациям ученых рыбаки Ханты-Мансийского округа восстановили и освоили вновь 2 300 промысловых угодий, в 2 раза пополнили сырьевые запасы [20. С. 117]. Специалисты наркомата рыбной промышленности утверждали, что в местных водоемах с каждого га озера можно получить 15—20 кг рыбы [17. С. 7—8].

Для организации рыболовства не хватало необходимого снаряжения и снастей. Орудия лова в Рыбтресте, которыми снабжались рыбаки, оставались примитивными: неводы распорные, стрежевые, соровые, салмочные, сележки, сети плавные, ставные, режевки, оханы, самоловы, переметы [14. С. 63].

Таблица 2

Орудия лова, использованные на промыслах в Ханты-Мансийском округе за 1941 г. [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 2 об.]

Наименование	Количество (в шт.)
Стрежевой невод	215
Средний и малый невод	1 451
Сеть плавная	1 465
Сеть ставная	31 953
Режевка	26 161
Атарм	46
Чердак	941
Морда	9 360
Котцы	1 798
Фитиль	14 180
Самоловы	2 055
Переметы	40 800
Запоры разные	204
Ставные невода	300

Наибольшей популярностью пользовались на промыслах невода, сети, морды, переметы. Запоры (переграждение с небольшими просветами, устанавливавшееся на небольших речках и протоках, в которое заходила рыба) применялись не очень часто [3. С. 17].

Государство регулировало виды лова и использование орудий не всегда целесообразно, поскольку плохо знало специфику местных условий. Так, на 1941 г. распоряжением Рыбвода Наркомата рыбной промышленности СССР колхозникам разрешалось ловить рыбу, используя три вида лова: вонзево-стрелевой, плавными и ставными сетями. В то время как вонзево-стрелевой лов длился, как правило, от 12 до 18 дней, когда рыбы было много (обычно в период весенней путины).

Накануне войны в округе действовали первые моторно-рыболовные станции. Эти предприятия создавались для решения задачи технического оснащения лова, чтобы увеличить добычу рыбы, повысить производительность труда в колхозах [8. Ф. 118. Оп. 1. Д. 4. Л. 30]. В докладе народного комиссара рыбной промышленности СССР А.А.Ишкова «Итоги работы рыбной промышленности в 1940 г. и задачи на 1941 г.» подчеркивалось, что руководители МРС встали на путь мелкой опеки колхозов, в то время как на них возлагались задачи нести в колхозы технические новшества, высокую культуру производства, облегчать труд рыбаков, учить их осваивать новую технику [7. С. 2]. Обской трест Наркомат обязал позаботиться и о механизации подледного лова [19. С. 9—10], который рассматривался как значительный резерв увеличения рыбодобычи. Ремонт флота также не осуществлялся должным образом из-за нехватки запчастей, некоторые суда оставались без ремонта и не использовались во время путины [5. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.].

Таким образом, накануне войны принципиальных технических изменений в обслуживании рыболовства не произошло. М.Е.Бударин же придерживался противоположного мнения. Он писал, что в предвоенные годы произошла смена старой и примитивной техники новыми крупными орудиями лова. «Появились большие неводы. Крупные стрелевые неводы обслуживались механизмами. Прежде замет невода отнимал много сил. Приходилось завозить его на лодках, тянуть руками. Теперь стали выметывать невод с катера, моторной лодки. На берег невод тянули лебедкой, воротушкой, трактором» [2. С. 118].

В округе имелось достаточно угодий для рыболовства, но многие из них были весьма удалены от населенных пунктов, что затрудняло их освоение.

Рыбная отрасль оставалась ведущей в промышленном производстве округа. Рыбное хозяйство обладало определенной структурой, в которой выделялись рыбоучастки, рыбоприемные пункты, рыбозаводы, МРС и консервный комбинат. Все предприятия входили в Обьтрест.

Таблица 3

**Добыча рыбы по видам (в ц) в 1939—1940 гг.
в ХМНО [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 17]**

Вид	1939	1940
Осетровые	367	330,7
Лососевые	825,6	837,2
Сиговые	7 732,3	9 097,9
Крупный частик	82 575,4	61 983,8
Мелкий частик	61 620,7	63 519
Итого	153,121	135 768,6

Основной объем добытой рыбы приходился на сорта «черной» рыбы. Л.Е.Киселев приводил данные по добыче рыбы в ХМНО за 1940 г. Было добыто 135,7 тыс. ц рыбы, что не противоречит приведенным архивным источникам [10]. Гослов добыл в 1940 г. 28,3 тыс. ц (21%), а колхозы — 107,5 тыс. ц (79%) [9. Ф. 437. Оп. 21. Д. 147. Л. 6 об.]. Следовательно, главная роль в добыче рыбы принадлежала колхозам, в то время как государство рассматривало гослов именно как ведущую отрасль рыболовства и ставило задачи его укрепления и повышения доли в рыболовстве [19, С. 9]. Поставку рыбы обеспечивали рыбозаводы, куда приезжали приемщики Рыбтреста. Закупленная рыба отправлялась на консервный комбинат. Нередко приемщики работали из рук вон плохо. Порой прием рыбы от рыбаков на песках зачастую происходил крайне небрежно. Пользовались грязной посудой и тарой. Весы никогда не мылись, с рыбаками обращались грубо. Встречались даже случаи порчи орудий лова [19. С. 9].

В Ханты-Мансийском округе имелось 6 рыбозаводов: Березовский, Нахрачинский, Ларьякский, Кондинский, Сургутский, Самаровский. В августе 1939 г. дирекция Сургутского рыбозавода приняла решение об организации работы рыбоучастка в Варьегане, в восточной части округа, где ловили рыбу ваховские ханты

(около 250 человек). Организовывать приемный пункт был отправлен Петр Константинович Коновалов [1]. Число рабочих на рыбозаводах показывает, что это были небольшие предприятия. Рыбозаводы стремились организовывать приемные пункты в местах, наиболее выгодных с точки зрения рыбодобычи. Работники рыбозаводов занимались мойкой и сортировкой рыбы, засолкой и отправкой.

Условия труда и быта на рыбозаводах оставались тяжелыми. В докладной записке начальника политчасти Обьгосрыбтреста за 1938 г. сообщалось о состоянии партмассовой работы в партийных организациях и предприятиях области. В документе подчеркивалось, что подавляющее большинство рабочих — спецпереселенцы [9. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1799. Л. 14]. «У рабочих от наколов заболевания пальцев (на мойке рыбы)» [9. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 10.], так как работали без перчаток. Медикаментов для лечения гнойных ран не было. Зарплата рабочих на рыбных промыслах в 1940 г. составляла от 150 до 200 руб. Трудились 8-часовой рабочий день [16. С. 37]. Снабжение рыбаков одеждой и обувью осуществляла окружная контора рыбокооп. Ежегодно проблемы с одеждой повторялись, не хватало, прежде всего, специальной обуви — бродней [16. С. 37]. В официальных публикациях Наркомата рыбпрома систематически подчеркивалось, что рыбаки должны иметь хорошие бытовые условия, особенно в зимнее время [19. С. 9]. Производственный план 1940 г. Обьтрест не выполнил. В докладе А.А.Ишкова отмечалось, что срыв плана произошел по вине неудовлетворительного руководства треста рыбаками-колхозниками [7. С. 2]. Стоит подчеркнуть, что колхозы систематически не выполняли своих обязательств перед государством. Там же указывалось, что рыбаки Севера должны овладеть имеющейся у них техникой, навести образцовый порядок в береговом хозяйстве [7. С. 2].

В ХМНО план по вылову рыбы за первое полугодие 1941 г. не был выполнен. По районам процент выполнения плана составил: Кондинский — 63%, Ларьякский — 58%, Сургутский — 70%, Березовский — 76%, Самаровский — 80%. Округ недодал стране 10 715 ц рыбы [5. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 574. Л. 6]. По решению окружкома ВКП (б) для обеспечения выполнения плана третьего квартала необходимо было установить всем районам

пятидневный график вылова рыбы, а колхозам и рыбоучасткам — ежедневный график-задание для каждого ловца, звена, бригады [5. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 574. Л. 7]. Предусматривались меры по обеспечению орудиями лова, тарой, солью, льдом, но чаще они носили административно-распорядительный характер и не подкреплялись реальными действиями.

Начало войны внесло коррективы в развитие рыбного хозяйства края. Планы добычи возросли. Рыбаки с воодушевлением принимали повышенные трудовые обязательства. Высоких показателей по добыче рыбы добились колхозники Сургутской артели «Красный северянин». Бригада Х.А.Куйвышева, облавливая Марушинский песок неводом в сто двадцать сажен, перевыполнила план вылова рыбы. Почин получил широкую поддержку в районе. Многие колхозники перевыполнили задание 1941 г. по добыче рыбы.

Большую помощь колхозам и гослову в выполнении плана рыбодобычи оказали рабочие и служащие предприятий Сургута. В первые месяцы войны добровольцы организовали 10 рыболовецких бригад. Они занимались промыслом после работы и в выходные дни [21. С. 158].

Партийная организация Сургутского рыбозавода создала к всесоюзному воскреснику, посвященному Дню авиации (17 августа 1941 г.), три звена для лова рыбы. Звено из 6 женщин — работниц рыбообрабатывающего цеха — выловило 654 кг рыбы. Звено, организованное из подростков, сдало 320 кг рыбы. Звено, организованное из рабочих и служащих, — 280 кг.

Рыболовецкие артели Межрайрыбакколхозсоюза годовое государственное задание по рыбодобыче выполнили на 105%. Из 37 артелей Сургутского района 20 выловили сверх плана 3 130 ц.

23 колхоза Сургутского района в 1941 г. перевыполнили план по добыче рыбы. Колхоз «Красный октябрь» (ю.Мултановы) выполнил план на 140%, им. 1 Мая (Лямино) — на 133%, им. Сталина (Угут) — на 126%. Всего за 1941 г. трудящиеся Сургутского района добыли и сдали государству 37 292 ц рыбы, почти на 2 000 ц больше, чем было выловлено за предвоенный 1940 год. Досрочно выполнили годовой план рыбодобычи рыбаки Березовского района (к 15 октября). По решению окрисполкома району было дано

задание о дополнительном плане — предписывалось добыть 5 000 ц рыбы [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 12].

Таблица 4

**Добыча рыбы в Ханты-Мансийском округе
за 1941 г. [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 1]**

План	Гослов	Колхозы	Выполнение плана	Гослов	Колхозы
162 тыс. ц	40 тыс. ц	122 тыс. ц	150 551 (92,8%)	32 622,3 (81,2%)	117 928,7 (96,8%)

Несмотря на трудовые усилия, план 1941 г. по добыче рыбы ХМНО выполнить не удалось.

Таблица 5

**Состав добытой рыбы по видам в Ханты-Мансийском округе
за 1941 г. [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 1 об.]**

Вид	Добыто (в ц)	Доля (в%)
Осетровые	370,5	0,24
Лососевые	675,7	0,46
Сиговые	12 753,9	8,47
Крупный частик	42 982,3	28,55
Мелкий частик	93 768,6	62,28
Итого	150 551	100

Таким образом, в начале Второй мировой войны ХМНО добыл следующее количество рыбы: 1939 г. — 153 тыс. ц, 1940 г. — 134,6 тыс. ц, 1941 г. — 150,5 тыс. ц. [5. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2].

Обработка и переработка рыбы сохраняла традиционные технологии. Хотя нельзя не отметить, что в 1930-х гг. ассортимент рыбной промышленности, по сравнению с периодом 1920-х гг., расширился. Стали производить больше консервов, а также деликатесы: балык и копчености. Большую часть рыбы из-за проблем с транспортировкой не успевали доставить на консервный комбинат в свежем виде, поэтому использовали основной способ ее сохранения — посол. Посол был грубым и примитивным. Не имелось условий для выпуска рыбы разной солености, не было специй для облагораживания вкуса. Рыботоровары характеризовались высоким содержанием соли [12. С. 17—19].

Конечно, нельзя не подчеркнуть, что в СССР осуществлялось изучение технологических процессов, начиная с вылова рыбы и первичной переработки, и заканчивая выпуском рыбной продукции, но в условиях военного времени отсутствовали возможности создания новых эффективных технологий, обеспечивающих повышение сохраняемости как качества, так и количества заготавливаемого сырья и готовой продукции. При этом признавалось, что научное обеспечение и практическая реализация в области изучения свойств и показателей качества рыбы являлась неотъемлемой частью создания более эффективных технологий производства рыбопродуктов. Использование данных о качестве и пищевой ценности промысловых видов рыб Крайнего Севера, внедрение новых технологий их заготовки, переработки и хранения могли значительно расширить базу местной промышленности, развитие которой способствовало в том числе и решению проблемы сбалансированного питания. Однако исследования такого рода появились лишь в послевоенный период [4].

Первичная обработка рыбы происходила на рыбозаводах. Соление, или посол, — весьма распространенный способ сохранения рыбы впрок, в особенности в теплое и жаркое время года и в тех случаях, когда не удастся долго сохранять рыбу в свежем или мороженом виде или когда в дальнейшем предполагается ее вялить, сушить или коптить. Соленая рыба, если она хорошо обработана, может храниться сравнительно долго. Широко практиковались три основных способа посола: сухой, мокрый (тузлучный) и смешанный. При сухом посоле рыбу пересыпали сухой солью или обваливали в ней; при мокром посоле рыбу выдерживали в рассоле; смешанным называли такой посол, когда рыбу солили одновременно и сухой солью и рассолом.

Сущность посола как способа консервирования заключается в том, что сухая поваренная соль при соприкосновении с рыбой впитывает в себя часть влаги с поверхности рыбы и растворяется в ней, образуя рассол. Последний проникает в мясо рыбы и насыщает соки мяса солью. В то же время из рыбы выделяется часть влаги в окружающий рыбу рассол, постепенно увеличивая его количество. Вместе с водой в рассол из рыбы переходят и некоторые органические вещества, в частности, растворимые белки. Рассол, обогащенный растворимыми белками, минеральными

веществами, а иногда и жиром, называют тузлуком. Насыщаясь солью, соки мяса рыбы приобретают такую концентрацию, при которой сильно затрудняется жизнедеятельность гнилостной микрофлоры.

Мелкую рыбу солили сухой солью целиком, без разделки или потрошения. Сначала рыбу хорошо промывали для удаления слизи и загрязнений и давали стечь воде. После этого такую мелкую рыбу высыпали на чистый стол или гладкую доску, посыпали сверху солью и хорошо перемешивали руками или деревянной лопаточкой. Затем ее ссыпали в прочную чистую деревянную бочку или бочонок и разравнивали и уплотняли. Каждую порцию смеси (рыба и соль) в бочке дополнительно засыпали солью, а сверху насыпали соль толщиной до 1—2 см. Поверх всего клали деревянный круг, а на него груз. Бочку с рыбой ставили в прохладное место. На посол рыбы расходовалось 15—18% соли (к весу рыбы) среднего помола. Через 2—3 суток рыба в бочке просаливалась, но использовать ее в пищу можно было примерно лишь через 10—14 суток. К этому времени мясо рыбы приобрело некоторую «зрелость» — оно становилось более нежным.

Рыбу среднего размера солили либо целиком, либо после потрошения или разделки. Для этого рыбу разрезали острым ножом со стороны брюшка или со стороны спинки. При потрошении рыбы со стороны брюшка разрез делали от калтычка (кость плечевого пояса) до анального отверстия. Через разрез удаляли из рыбы все внутренности, а вместе с ними икру или молоки. Затем рыбу тщательно мыли холодной водой и оставляли на некоторое время, чтобы стекла вода. При удалении из рыбы внутренностей со стороны спинки разрез делали от головы к хвосту до брюшной полости, прорезая спинку с правой стороны рыбы, оставляя позвоночную кость на левой стороне. Затем с внутренней стороны мяса в левой части рыбы (у более крупной мясистой рыбы) делали неглубокий (только до кожи) прорез спинки и головы или же голову разрезали по затылку на две части. Из разделанной рыбы вынимали все внутренности, рыбу тщательно промывали холодной водой. После такой подготовки рыбу солили сухой солью. Сначала насыпали немного соли внутрь тела рыбы (в брюшную полость), в прорези мяса и в жабры, т.е. как бы начиняли солью. В таком виде ее клали в тару. Рыбу укладывали по возможности рядами,

и каждый ряд посыпали солью. Для посола брали не более 20—22% соли к весу рыбы. Сверху клали груз, чтобы рыба была полностью в образовавшемся во время посола тузлуке, а не всплывала. Через 10—12 суток рыба вполне просаливается. Солить рыбу нужно в прохладном помещении. Если же рыбу приходится солить в сравнительно теплом месте, то соли нужно брать больше — до 25%.

Посола мороженой рыбы достаточно сложен, при оттаивании структура тканей нарушается, поэтому мороженная рыба «забирает» очень много соли. Из-за этого тяжело уловить момент, когда рыба уже засолилась, но еще не пересолена. Если рыба жирная, не бойтесь ее пересолить — в жировых тканях воды очень мало, поэтому много соли рыба не «возьмет». Жирную рыбу можно хранить в тузлуке. Если рыба солится для завяливания или копчения, то после засола ее следует отмочить в течение двух-трех часов, часто меняя воду.

Необходимо помнить, что рыба — продукт скоропортящийся и для посола должна быть только свежего улова и неповрежденная. Следует также учитывать, что соленая рыба высокого качества получается только из тех видов рыб, которые способны «созревать». К таким видам относятся сельдевые, лососевые, макрелевые [15]. На Севере же солили преимущественно «черную» рыбу, что касается обской селетки — то это был деликатес, который отправлялся для снабжения номенклатуры.

Основным консервным предприятием рыбной промышленности являлся комбинат в Ханты-Мансийске. Самаровский комбинат основан 25 декабря 1930 г. Фактически начал деятельность в конце 1931 г. Огромная территориальная разбросанность рыбных промыслов по Самаровскому и другим районам, оторванность их от железной дороги вынуждали выпускать не парную и свежемороженую рыбу, а переработанную рыбную продукцию (консервы). Проектная мощность строящегося комбината была довольно значительной и составляла 12 млн. банок в год (банки выпускались в фасовке по 250 г). Первым его директором стал В.А.Казаринов. В 1931 г. на предприятии работало 200 человек, в 1932 г. численность работников составила уже 500 человек, в том числе 186 женщин. Через несколько лет на предприятии стабильно трудилась 1000 человек, из которых 50 человек были

ханты и манси. Основными поставщиками сырья для переработки на комбинате являлись рыбартели Самаровского района, удачно рассредоточенные по акватории Оби и Иртыша. Выгода от территориального удобства производства выражалась в стоимости доставки рыбы до комбината, благодаря чему себестоимость консервов в Самарово была ниже, чем на других фабриках региона [11]. В 1930-х гг. выпуск консервов в среднем составлял 4 млн банок в год. В первые годы работы комбината выпускался один вид продукции — консервы в томатном соусе.

Положение о Самаровском консервном комбинате было разработано 23 сентября 1940 г. Комбинат входил в состав Обского государственного рыбопромышленного треста союзного подчинения «Обьгосрыбтрест», состоял в ведении Наркомата рыбной промышленности СССР. Уставный фонд на 1 апреля 1940 г. составлял 3 324 506 руб. 08 коп. Для управления комбинатом назначался директор и его заместитель [8. Ф. 118. Оп. 1. Д. 4. Л. 14—14 об.].

Таблица 6

**Производство продукции Самаровского комбината
в 1939—1940 гг. [9. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2387. Л. 3, 18]**

Продукция	1939	1940
Консервы (в тыс шт.)	7 400	3 104
Рыботовары (в ц)	2 976	2 891
Соленая продукция (в ц)	4 114	4 082
Утильпродукты (в ц)	3 914	1 718

Производство консервов в 1940 г. уменьшилось более чем в два раза по сравнению с 1939 г. Что явилось причиной столь резкого снижения — установить не удалось. В 1941 г. собственной добычи рыбы, осуществляемой Самаровским комбинатом, не хватало для обеспечения выпуска консервов, поэтому была налажена поставка сырца с других рыбозаводов, находившихся на расстоянии 250—600 км [8. Ф. 60. Оп. 1. Д. 57. Л. 133]. Самаровский консервный комбинат в 1941 г. получил сырья от рыбозаводов 20,8 тыс. ц, от колхозов — 22,6 тыс. ц, за счет собственного лова — 0,2 тыс. ц; выработал рыбной продукции 12 142 тыс. ц. На комбинате работало 738 человек. Прибыль составила 1 212 тыс. руб.

Средняя годовая зарплата на предприятии составила 3 232 руб. на одного работника [8. Ф. 60. Оп. 1. Д. 57. Л. 1].

Когда началась Великая Отечественная война, комбинату пришлось изменить планы и график работы. Появились призывы «Больше рыбы фронту! Все силы на разгром врага!». Работники комбината работали по 16—18 часов. Коллектив Ханты-Мансийского рыбоконсервного комбината уже 22 июня 1941 г. принял решение выработать в этот день 45 тыс. банок консервов вместо плановых 30 тыс. [13]. Годовой план 1941 г. комбинат выполнил на 79% (данные на 1 декабря 1941 г.). Невыполнение плана стало следствием необеспеченности его сырьем. Вместо 45,5 тыс. ц рыбы-сырца на комбинат поступило 37 тыс. ц. В качестве причины называлась неудовлетворительная работа флота. Невыполнение плана сказалось и на финансовом положении комбината. Он имел убытки на сумму 25 тыс. руб. Брак консервов составлял 28 тыс. банок. На заседании Ханты-Мансийского окрисполкома от 3 декабря 1941 г. говорилось о том, что на комбинате работают хорошие кадры, число стахановцев составляло 60% к общему числу работающих. От комбината требовалась высококачественная продукция, ликвидация брака, налаживание строжайшего учета материальных ценностей в условиях военного времени, и самое главное — выполнение государственных заданий [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 1—3]. Производство консервов в ХМНО в 1941 г. составило 6 029,2 шт. Однако комбинат работал неровно, рывками. Отсутствовали машины по разделке рыбы и снятию чешуи. Эти тяжелые виды работ выполнялись вручную. Серийное производство указанных машин в СССР еще не было развернуто [18. С. 1].

В 1939 — первой половине 1941 гг. существенных изменений в рыбном хозяйстве округа не произошло. В начале Великой Отечественной войны в рыбной отрасли начались изменения, связанные, прежде всего, с обеспечением условий для увеличения рыбодобычи, но они не носили повсеместного характера. План рыбодобычи в ХМНО за 1941 г. был выполнен на 91%, по другим данным — на 92,9%. Округ недодал государству 11 500 ц рыбы [8. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 2, 67]. По мере потери рыбных ресурсов в Европейской части СССР в связи с фашистской оккупацией, государство стало пересматривать значение Севера Западной Сибири в поставках рыбы.

Список литературы и источников

1. Атаманенко А. Начальник Варьегана // Новости Югры. 2000. 30 ноября.
2. Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма (по материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1957.
3. Валиков Н. Лов рыбы запорами // Рыбное хозяйство. 1941. № 1.
4. Гнедов А.А. Развитие теории и практики обеспечения качества мяса северных рыб, способов заготовки и переработки: Дис. ... д-ра тех. наук. Кемерово, 2011 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-teorii-i-praktiki-obespecheniya-kachestva-myasa-severnykh-ryb-sposobov-zagotovki-i-ixzz2pbAT6pm4>
5. Государственное Бюджетное Учреждение Тюменской области «ГАСПИТО».
6. Замор рыбы // Сибирская Советская Энциклопедия — 1929 год. URL: <http://45f.ru/sse/zamor-ryby>
7. Ишков А.А. Итоги работы рыбной промышленности в 1940 г. и задачи на 1941 г. // Рыбное хозяйство. 1941. № 1. Январь.
8. Казенное учреждение «Государственный архив ХМАО—Югры».
9. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области».
10. Киселев Л.Е. В едином строю к Великой Победе // Ленинская правда. 1972. 20 октября.
11. Краткий очерк истории Ханты-Мансийского района с 1923 года / <http://hmrn.ru/raion/history.php#tab-2-link>
12. Леванидов И. Некоторые задачи в области посола рыбы // Рыбное хозяйство. 1941. № 1.
13. URL: minobr.org/index.php?option=com_mtree&task=att...link...
14. Омская область. 1937. № 3.
15. Онищенко В. Соление, вяление, сушка и копчение рыбы. См.: URL: <http://coollib.com/b/224083/read>
16. Прибыльский П. Рыбное хозяйство Ямальского округа // Омская область. 1940. № 11—12.
17. Сиволап И. Развернуть рыболовство в местных водоемах // Рыбное хозяйство. 1941. № 1. С. 7—8.
18. Рыбное хозяйство. 1941. № 3.
19. Сбродов А. За подъем рыбной промышленности РСФСР // Рыбное хозяйство. 1941. № 1.
20. Серазетдинов Б.У. Патриотические почины и ударный труд в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование. Культура. 2000. № 1.
21. Серазетдинов Б.У. Сургутский район в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.А.Исаева. Сургут, 2004.
22. Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 14.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА)

Изучение детства как части исторического прошлого требует тщательного отбора источников, способных отразить такие его аспекты как направления государственной политики в области детства и ее результаты, поведенческие практики, отношение детей к происходящим событиям.

Первую группу источников составляют документы партийных и советских органов власти: законодательные акты, правительственные распоряжения, нормативные и ведомственные материалы Народного комиссариата просвещения, Постановления ЦК ВКП (б) о школе, Приказы Тюменского ОблОНО, Постановления Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б) [4]. Анализ этой группы источников позволил сделать выводы, что главной задачей государственной образовательной политики в годы войны было сохранение школьной сети и контингента учащихся, осуществление идеологического воспитания школьников как будущих воинов. Характерно, что к окончанию войны и в послевоенный период уделялось большое внимание качественной подготовке обучающихся, что связано с необходимостью послевоенного восстановления экономики.

Вторая группа источников: делопроизводственные материалы государственных учреждений (протоколы и выписки из протоколов заседаний отделов народного образования различных уровней и др., резолюции), совещаний представителей педагогической общественности и отчетная документация [1]. Анализ источников данной группы позволил выявить проблемы, с которыми столкнулись органы народного образования при реализации государственных задач в области школьного образования, охраны детства, и попытаться их решить. Выявленные проблемы были характерны и для предшествующего десятилетия: недоохват школьным

обучением детей школьного возраста, низкая успеваемость и второгодничество.

Третья группа источников, воссоздающих социальную реальность советского детства, включает периодическую печать, транслировавшую государственные задачи в области воспитания молодежи и формирующую идеалы советского школьника в сознании читателей. Журнал «Пионер» издавался Центральным комитетом ВЛКСМ. Первый номер журнала был издан в Москве 15 марта 1924 г. и был целиком посвящен В.И.Ленину. Целью журнала было просвещение советских людей, в особенности школьников, так как основную аудиторию журнала составляли дети в возрасте 10—14 лет. В отличие от многих других пионерских журналов «Пионер» продолжал публиковаться и в годы Великой отечественной войны. Журнал содержал произведения художественной литературы (повести, рассказы), тематические статьи, посвященные достижениям советской науки и промышленности (что формировало ценность технического труда и рабочих профессий). В содержании текстов формировался собирательный образ идеального советского школьника-пионера, трудолюбивого, с активной гражданской позицией, преданного советским идеалам. Он всегда выступал примером не только для других ребят, но и для собственных родителей [3. С. 53—56]. Выпуски журнала «Пионер» за январь-апрель 1941 г. отражали предвоенное состояние: публикация практического курса «Молодого разведчика», экскурсов в военную историю, призывов к «социалистическому труду и обороне своей Родины». В те годы пионер — это в первую очередь боец. «Вожатый звена! Помни: каждый пионер в будущем должен быть хорошим бойцом-разведчиком. К этому нужно готовиться уже сейчас. Добейся того, чтобы все пионеры твоего звена стали курсантами нашей школы разведчиков» [8. С. 54—56; 9. С. 64—66]. Журнал, выполняя воспитательные и просветительские функции, решал задачи вовлечения юных граждан в общественную жизнь (призывы проводить лето в пионерских лагерях, участвовать в общественной жизни школы и класса). «В лагерях вы окрепнете, закалитесь, многому научитесь и с новыми силами придете осенью в свою родную школу. Борясь за честь школы, мы должны помнить о ней и летом. Ведь за летние каникулы можно многое сделать для школы. Давайте работать так,

чтобы каждый отряд, звено, каждый пионер осенью вернулся в школу с подарками: кто с гербарием, кто с коллекцией, кто с картой своего края... Пусть наступающее лето стянет для вас началом большой работы в помощь школе, началом настоящей борьбы за честь школы!» [7. С. 4].

Помимо текстов журнал содержит огромное количество фотографий, демонстрирующих детали из жизни счастливых и вовлеченных в общественно значимую деятельность пионеров (сцены из школьной жизни, мероприятий на отдыхе в пионерском лагере), визуализирующих советское детство. Раздел «Наши письма» содержит рассказы и стихи юных читателей, сочинения о проведенном лете, описание увлечений. Авторами публикаций этого раздела выступают школьники преимущественно из крупных областных городов и Москвы, что дает основание предполагать, что в отдаленных регионах страны этот журнал не был широко доступен.

Остяко-Вогульская правда содержит газетные статьи и заметки о детях и для детей. На страницах газет описывались трудовые и фронтовые подвиги сверстников — далеких и тех, кто проживал рядом («Теплые вещи в подарок бойцам») (Призыв ученицы Самаровской неполной средней школы Гали Змановской к пионерам вести разъяснительную работу с родителями о важности посылок на фронт) от 14.11.1942 г., «Посылки школьников» (о сданных зимних вещах (всего 393 вещи) учащимися Самаровского района) от 14.11.1942 г., «Подарок школьников» (учащиеся Ханты-Мансийской средней школы отправили на фронт четыре праздничные посылки) от 11.10.1943 г. и др.).

Повседневная жизнь школьников со страниц газеты складывалась из оказания помощи фронту в сборе средств и колхозу, в выполнении производственных показателей, работы на пришкольных участках («Помощь школьников колхозам») (об учащихся Елизаровской школы Самаровского района, помогавших колхозам собирать колосья) от 26.09.1942 г., «К пионерам и школьникам округа» (обращение пионерского актива п.Ханты-Мансийск к пионерам всего округа оказать помощь колхозам в подготовке путины) от 11.04.1941 г., «Школьники в летний период» (из 3 тыс. школьников Самаровского района были сформированы 200 бригад для помощи колхозам) от 21.05.1944 г., «Подарок юного пушника»

(о 14-летнем охотнике Лыскове, жителе юрт Мулигородских, выполнившем план обстрела на 350%) от 23.02.1945 г.) [5].

Таким образом, с одной стороны, газета выполняла информационные функции, с другой — функции агитации и пропаганды, что позволяет почерпнуть не только информационные данные, но и увидеть пропагандируемые руководством ценности и отношение к ним простого населения.

Четвертую группу источников составили источники личного происхождения (письма, воспоминания). В своих воспоминаниях, отложившихся в архивных фондах Музея природы и человека (г.Ханты-Мансийск), а также содержащихся в сборнике воспоминаний «Истории школы в истории судеб», учителя рассказывают о своей работе, о своих взглядах на те или иные проблемы школы [2]. Воспоминания учителей также изложены на страницах регионального научно-популярного журнала «Югра». Трагические страницы крестьянской ссылки описаны в воспоминаниях выпускников школ в спецпоселках, содержащихся в сборнике из серии документальных публикаций «Судьба моя — Югра» — «Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа», рассказывающих о нелегкой судьбе, выпавшей на долю детей спецпереселенцев [6]. Безусловно, воспоминания не дают всеохватывающего представления, но позволяют наметить проблему субъективного восприятия детства в годы войны и в послевоенный период.

Таким образом, представленные источники позволяют определить направления государственной политики в области детства, результаты ее реализации и проблемы в осуществлении, понять отношение к происходившему участников событий.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 5. Д. 189 а, 201, 234, 253, 272. Протоколы заседаний исполкома окрсовета, касающегося деятельности учреждений культуры и народного образования; Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 1823. Д. 115. Переписка с Облисполкомом Тюменского ОблОНО по вопросам народного образования.

2. История школы в истории судеб. История развития системы образования в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. 1930—2004 гг.: Сб. документов. Екатеринбург, 2004. Вып. 2.

3. Кулешова А.Н. Мой сын // Пионер. 1939. 12. С. 53—56.

4. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов 1917—1973 гг. М., 1974; Решения окрисполкома, касающиеся деятельности народного образования в округе (далее — ГАХМАО). Ф. 5. Ханты-Мансийский Окружной отдел народного образования. Оп. 1. Д. 323. Приказы министерства просвещения и решения окрисполкома, касающиеся народного образования в округе. Ф. 5. Оп. 1 Д. 342. Приказы Тюменского ОблОНО по основной деятельности (далее — ГАТО). Ф. Р-1823. Комитет по науке и образованию (1944—1992 гг.).

5. Остяко-Вогульская правда (Ханты-Манчи шоп) — орган издания окружного комитета ВКП (б), издавался с июля 1931 г.

6. Политические репрессии 1930—40-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. документов / Сост. М.Брагина, Ю.В.Лазарева, Л.В.Набокова. Ханты-Мансийск, 2002.

7. Праздник борьбы и труда // Пионер. 1941. № 4.

8. Фронтовые новеллы // Пионер. 1941. № 4. С. 54—56.

9. Школа разведчиков // Пионер. 1941. № 4. С. 64—66.

Глава 3

РАЗМЕЩЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ПЕРИОД ЭВАКУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА

Ханты-Мансийский национальный округ в годы Великой Отечественной войны (до августа 1944 г.) входил в состав Омской области. К концу 1942 г. из фронтовых и угрожаемых районов страны в Омскую область было эвакуировано 23 детдома и 79 интернатов.

Из отчета отдела народного образования Исполкома Ленинградского городского Совета трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. следует, что в Омскую область в 1941 г. было эвакуировано 12 719 ленинградских детей, а в 1942 г. — 3 601 ребенок, всего — 16 320 детей [8. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 176]. Из письма Уполномоченного Ленинградским Советом при Омской области Акимовой от 3 июля 1942 г. Заместителю Председателя Ленинградского Совета Федоровой известно, что в этот период в 46 районах Омской области проживало 12 900 детей, эвакуированных из Ленинграда [8. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 676. Л. 36]. В августе-сентябре 1942 г. в Омскую область прибыли 26 ленинградских детдомов и 5 домов малютки. Именно эти дети были размещены в Тобольском округе и в Ханты-Мансийском национальном округе [5. Ф. 437. Оп. 9. Д. 976]. В 1942 г. ленинградские дети были определены к размещению в самые северные территории Омской области, приравненные к районам Крайнего Севера с холодным климатом, отсутствием инфраструктуры, бытовыми неудобствами. Это было связано с тем, что южные (сельские) районы области приняли такое количество детей (по некоторым данным это было 106 900 человек [1. С. 6—7], что все ресурсы для их размещения были уже исчерпаны.

Первое упоминание о размещении ленинградских детей в Ханты-Мансийском округе содержится в телеграмме Уполномоченного Ленинградским Советом при Омской области Акимовой на имя Федоровой от 27 августа 1942 г. (копия была адресована в Ленинградское Горono): «ЭШАЛОН РАБИНОВИЧ. 19. РАЗГРУЖЕН ТЮМЕНИ

ДЕТИ ОТПРАВЛЕНЫ МЕСТАМ НАЗНАЧЕНИЯ ЭШАЛОН ПЕРСОН 23 ОМСКЕ ИСКЛЮЧЕНИЕМ МАЛЮТОК НАПРАВЛЯЕТСЯ ХАНТЫ МАНСКИЙ ОКРУГ 26 ПАРОХОДОМ ... ВОЗМОЖНОСТИ ПРИШЛИТЕ ЭШАЛОНАМИ УЧЕБНИКИ ТЕТРАДИ КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АКИМОВА» [8. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 676. Л. 50].

По некоторым данным, Ханты-Мансийский национальный округ в 1942 г. принял и разместил 2 100 детей из блокадного Ленинграда [6. С. 44] — именно такое утверждение содержится в одном популярном издании. Однако проведенное исследование не позволяет утверждать, что прибыло именно такое количество детей. Так, из протокола заседания Ханты-Мансийского окрисполкома от 28.07.1942 г. следует, что округ готовился к принятию первой партии детей. Н.С.Салимова [7. С. 172] обнаружила данные, свидетельствующие о том, что в августе 1942 г. в округ прибыло 970 детей. Вторая партия детдомов из Ленинграда в Ханты-Мансийский округ прибыла 4 сентября 1942 г., а последний детдом прибыл 16 октября 1942 г. [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 201]. Таким образом, можно проследить в эвакуации детей из Ленинграда в Ханты-Мансийский национальный округ 3 этапа: август, сентябрь и октябрь, т.е. до окончания периода навигации 1942 г.

Из протокола заседания Ханты-Мансийского окружного окрисполкома № 164 от 24 октября 1942 г. следует, что в округ прибыло 10 эвакуированных ленинградских детдомов (782 ребенка школьного и 162 ребенка дошкольного возраста).

Таблица 1

**Детские дома Ханты-Мансийского национального округа
по данным окрисполкома на 24.10.1942 г. [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 201]**

№ п/п	№ детдома	Местонахождение		Количество детей		
		Район	Поселок	Дошколь- ники	Школь- ники	Всего
1	30	Самаровский	Урманный	25	69	94
2	62		Кедрово	21	89	110
3	б/№		Нялино		68	68
4	17	Микояновский	Б.Камень	19	82	101
5	38		Заречное	42	52	94
6	1		Св. нет			

7	Школа интернат		Св. нет			
8	80	Кондинский	Лиственничный	— 26	100 70	100 96
9	13		Ягодный			
10	25	Сургутский	Песчаное	8	74	82
			Ямское	21	95	116
			Сургут	—	83	83
		Всего:		162	782	944

Таким образом, сведения, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что общая численность прибывших в округ детей на 24 октября 1942 г. составила 944 человека.

Из протокола № 24 Ханты-Мансийского окрисполкома от 28.07.1942 г. следует, что прибывших детей планировали распределить по 5 районам: Кондинский район — 200 детей; Сургутский район — 250 детей; Микояновский — 250 детей; Самарский — 250 детей и в поселок Ханты-Мансийск — 50 детей [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 32]. Однако по приведенным в таблице 1 сведениям следует, что детей распределили по четырем районам. По состоянию на 7 октября 1942 г. в детдомах округа было 1 000 воспитанников [4. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 240]. По воспоминаниям одного старожила, в 1942 г. в деревню Вампугол Ларьякского района (ныне — Нижневартовский район) привезли пароходом 40 ленинградских детей в возрасте от 6 до 14 лет. Они были размещены в школе. Детей отпаивали сахарной водой, молоком, кормили овощами. Через год их увезли в другие детские дома [3. С. 100].

На заседании исполнительного комитета окружного совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа Омской области № 164 от 24 октября 1942 г. рассматривался вопрос «О работе детдомов в округе». Исполком окрсвета принял решение, в котором отметил, что прием и размещение прибывших в округ 10 эвакуированных ленинградских детдомов с количеством 782 ребенка школьного возраста и 162 ребенка дошкольного возраста в основном прошли организованно. «Была проделана предварительная работа по ремонту и подготовке зданий домов, их оборудованию, заброске продуктов, необходимого белья, одежды.

Во всех местах высадки детей была организована теплая встреча их с населением, с вручением детям гостинцев, подарков: по с.Сургут было собрано 360 различных вещей для эвакуированных детей, в Кондинском районе свыше 1500 предметов» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 197].

Из указанного документа следует, что дети до места их высадки с парохода сопровождались уполномоченными ОКРОНО и РОНО. ОКРОНО к моменту прибытия детдомов направил своих представителей для оказания помощи по размещению и налаживанию их работы. За исключением двух детдомов Микояновского района, все остальные детдома сопровождались до места назначения представителями ОКРОНО, которые уже на местах помогали оперативно разрешать возникающие затруднения. Со стороны ОКРОНО принимались меры по обеспечению детдомов самым необходимым: обмундированием и обувью, посудой, а также газетами и журналами; ОКРОНО добивалось урегулирования финансирования и вопросов материально-бытового характера. Из отчета заведующего детским домом, размещенного в с.Нялино Самаровского района Ханты-Мансийского национального округа: «Детский дом им. Павлика Морозова сформирован 1/Х-1942 года и в тот же день отправлен в Х-Мансийский округ... всего детей было 68 чел. — 23 девочки и 45 мальчиков. В Нялино приехали 19-го октября. Население нас встретило с подарками, мы получили 32 подушки, 2 мешка картошки. Ведро молока. ... Из Омска детей отправили очень плохо одетыми, многие были без пальто и ботинок и даже без шапок. По приезду в Самарово получили 40 пар ботинок, 20 пар чулок... заказали в швейной мастерской стеганные фуфайки и к приезду в Нялино было изготовлено 12 шт., а также получили одну смену нижнего и верхнего белья... Помещение под д/дом было подготовлено очень тесное — половина дома, а вторую часть дома занимали совхозные ясли. Кухня состояла из четырех котлов, две комнаты под спальни и выходной коридор, где должна быть столовая. Вскоре ясли перевели в другое помещение, оборудовали кухню, столовую и еще одну спальню... Питание в д/доме не плохое, дети упитанные. Из продуктов получали: крупу, молоко, сливки, масло сливочное, сахар, соленую рыбу и картофель. Других овощей нет, а также и ягод нет. Свежую рыбу получили только в декабре» [4. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184.

Л. 90]. Значительная помощь была оказана детдомам по обеспечению их педагогическим персоналом (например, Нялинский детдом прибыл из Омска, не имея ни одного воспитателя, был лишь один директор и 2 технических работника).

ОКРОНО периодически осуществлял проверку детдомов. Районные отделы народного образования хоть и знакомились с работой детдомов [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 204], но реально решить вопросы, особенно материального плана, не могли.

Таким образом, по имеющимся источникам, можно предположить, что в 1942 г. Ханты-Мансийский национальный округ стал территорией, где были размещены 10 эвакуированных детских домов из Ленинграда с численностью в них не более 1 тыс. детей.

По материалам Омского обкома ВКП (б) «Отчет о работе детдомов и интернатов за 1-е полугодие 1943 г.» сообщалось о д/домах № 76, 77, 78, о которых ранее не упоминалось в документах окружных организаций. В указанном отчете относительно этих детдомов говорилось: «успеваемость низкая, дети распушены, процветает курение, воровство, коллектив педагогов не дружный, в помещениях — антисанитария» [5. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3712. Л. 178]. В отчете зав. ОБЛОНО Руты «О состоянии детских домов и интернатов» по состоянию на 1.04.43 г. содержится упоминание о Березовском детском доме № 73 [5. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3712. Л. 186], скорее всего, судя по номеру, это был также ленинградский детский дом. Однако другие документы, подтверждающие его существование, нами еще не обнаружены. В документах Омского обкома ВКП (б) за 1944 г. говорится о 9 детских домах (ленинградских), размещенных на территории ХМНО. Уменьшение их числа можно объяснить реорганизацией — например, закрытие или слияние двух домов. Возможно, это произошло после расформирования Ямского детдома из-за совершенной непригодности помещения (об этом упоминалось в справке бюро Омского обкома ВКП (б) «О состоянии питания, медицинского и бытового обслуживания детей в детских домах и интернатах области» от 1 апреля 1944 г.) [5. КУ «ИСА ОО». Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4004. Л. 10].

С размещением прибывших детей существовала острая проблема. Для них постарались предоставить то лучшее, что было, однако постройки общественных зданий в округе характеризовались

полным отсутствием удобств, в них было очень холодно, мало света и места. Отсутствовали бани.

Детский дом № 17 был размещен в поселке «Большой Камень» в 123 км от районного центра Кондинск Микояновского района и в 300 км от Ханты-Мансийска. В зимнее время сообщение осуществлялось на лошадях, в период навигации — на пароходе. В нем находилось 99 детей в возрасте от 4 до 15 лет. Детский дом разместили в здании бывшего клуба. Дом был утеплен и разгорожен на отдельные комнаты — для мальчиков и для девочек. Выделено помещение для дошкольников и столовая. Полы в здании были некрашенные, стены плохо побелены серой глиной. Отмечалась антисанитария, грязь, особенно в уборной. Об уюте вопрос не стоял. Дети спали преимущественно на деревянных топчанах, некоторые на железных кроватях.

Детский дом № 77 в поселке «Заречный» располагался в 80 км от Кондинска, в 240 км от Ханты-Мансийска и в 3 км от села Мало-Атлым. В детдоме был 91 ребенок в возрасте от 3 до 15 лет. Детдом разместился в двух зданиях: помещении бывшего клуба и бараке. В бараке было теплее, поэтому там разместили малышей, а в клубе, где было значительно холоднее, разместили ребят постарше. Вначале все они жили в одной комнате, затем ее разделили на две: для мальчиков и для девочек.

Детский дом № 79 разместился в поселке Урманный Самаровского района в 140 км от Ханты-Мансийска. В нем насчитывалось 98 человек, дети в возрасте от 4 до 15 лет. Детдом занял три здания: клуб, школу и помещение, где разместили кухню и столовую. Отмечалось, что в помещении для дошкольников тепло, чисто и уютно. Вполне сносным было санитарное состояние и в остальных помещениях. Еженедельно дети посещали колхозную баню. По данным профессора, доктора медицинских наук О.Д. Соколовой-Пономаревой, проводившей обследование детдомов ХМНО в феврале-марте 1943 г., в округе было размещено 10 ленинградских детдомов, с количеством детей — 928. Они были размещены в четырех районах:

Таблица 2

**Размещение ленинградских детдомов в ХМНО по данным
на март 1943 г. [2. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 722. Л. 39]**

Район	Населенный пункт	Количество детей
Кондинский	Ягодный	90
	Лиственничный	98
Сургутский район	Песчаный	82
	Ямской	113
	Сургут	105
Микояновский	Б.Камень	99
	Заречный	91
Самаровский	Кедровый	90
	Урманый	98
	Нялино	62

В докладной записке из ХМНО в Обком Румянцеву (не ранее апреля 1944 г.) сообщалось о том, что все детские дома размещены в непригодных зданиях, преимущественно в бывших школах и клубах. В некоторых зданиях к приему детей не был произведен ремонт по переоборудованию помещений, они не соответствовали минимальным санитарным нормам. Например, в Урманном детском доме (Самаровский район) в одной комнате (бывший зрительный зал) разместили 70 мальчиков, а в Зареченском детдоме (Микояновский район) из двух выделенных помещений процент изношенности одного составлял 80% (прогнившие пол и потолок). В Ямском детдоме (Сургутский детдом) помещение оценивалось как совершенно непригодное из-за жуткого холода [5. Ф. П-17. Оп.1. Д. 4004. Л. 10]. Лучшими детдомами признавались № 80 (Самаровский район), № 74-75 (Кондинский район). Как следует из докладной записки в Омский обком ВКП (Б) о результатах проверки Ямского детдома № 82 от 24 июля 1944 г., его положение в части размещения не улучшилось, он размещался в здании школы, которое было холодным (стены тонкие, без штукатурки, потолок не утеплен, крыша гнилая; в зимний период на стенах был снег), без ремонта, не имел бани и других построек. Общая площадь здания составляла 572 м², на одного воспитанника приходилось 1,8 м². Дрова заготавливали

сами со старшими детьми (достигшими 11 лет). Заключение было таково: или делать в срочном порядке ремонт (на что денег не было), или детдом расформировывать, в зиму оставлять такое положение было нельзя [2. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 791. Л. 225—228].

Все Ленинградские детдома в Омской области имели прикрепленного инструктора Ленинградского совета депутатов трудящихся, исключение составляли детдома ХМНО [5. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4004. Л. 11 об.].

По данным зав. ОКРОНО И.Непомнящих, на 16 сентября 1944 г. в округе имелось 11 детдомов (Ягодный, Лиственничный, Песчаный, Ямской, Сургутский, Б-Каменный, Заречный, Кедровый, Урманный, Нялинский, Шартамский), и в них воспитывалось 1 220 детей.

Приведенные сведения позволяют заключить, что в округе не было надлежащих условий для размещения детей, органы власти очень сильно рисковали, принимая решение о транспортировке и размещении детей на Севере. Местные руководители, при помощи населения, как могли решали вопрос с размещением и обустройством детей, переживших личное горе, потерю близких, испытавших ужасы артобстрелов, налетов, голода, физически выдержавших столь длинный путь. Нужно было сделать все, чтобы их спасти.

Список литературы и источников

1. Во имя победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. Том III. Спасенное детство / Отв. ред. Л.И.Снегирева. Томск, 2005.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «ГАСПИТО».
3. Дороги судьбы — дороги Победы. Нижневартовск, 2011.
4. Казенное учреждение «Государственный архив ХМАО—Югры».
5. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области».
6. Окно в Югру. Атлас-путеводитель. 1930—2005 гг. Ханты-Мансийск, 2005.
7. Салимова Н.С. О школьном образовании в Ханты-Мансийском национальном округе в 1941—1942 гг. // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л.В.Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 172.
8. Центральный государственный архив города Санкт-Петербурга.

Глава 4

УРБАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ХМАО (1960—1980-е гг.)

Урбанизация — сложный и противоречивый процесс. В Советском Союзе она в значительной степени формировалась искусственно, была социальным приложением к производственно-территориальным комплексам. Несмотря на всю декларативность первичности человеческих проблем, на деле социальность понималась как необходимый придаток в виде спальных районов к производству. В таких сугубо индустриальных условиях постепенно рождалось городское самосознание и самоорганизовывались страты городского населения. Урбанизация, в какой бы она форме не проходила — естественной или искусственной, рыночной или индустриальной, капиталистической или социалистической, всегда трансформирует структуру населения в сторону дифференцированности, поскольку чем больше город, тем сложнее и разнообразнее становится его население. Дифференциация горожан происходит по различным признакам (социальным, экономическим, доходным, этническим, образовательным, половозрастным), но представляется, что наиболее релевантным изображением урбанизации есть динамика социально-экономической структуры населения. И раскрытие именно этой динамики в процессе урбанизации и нефтегазового освоения Ханты-Мансийского автономного округа в период 1960—80-х гг. является целью данного исследования.

В 1960—80-е гг. промышленное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и, в частности, Ханты-Мансийского округа, на территории которого сосредоточивались основные нефтеносные площади, привело к созданию городов и масштабным урбанизационным процессам в регионе. Когда во второй половине 1960-х гг. было принято решение строить крупные базовые города в Среднем Приобье (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урай), становившиеся центрами эксплуатации нефтяных месторождений, а не осваивать регион только неурбанистическим вахтовым методом, тогда в нефтяном крае был

окончательно запущен механизм урбанизационного развития. Это развитие проявлялось посредством роста числа городов, численности горожан, миграций в города и изменений в структуре городского населения. Все это в совокупности привело к существенным сдвигам в социально-экономической структуре населения ХМАО.

К социально-экономическим факторам урбанизации относятся трансформации в структуре занятости населения. Развитие городов ведет к переменам в отраслевом и территориальном развитии экономики, что свою очередь воздействует на занятость. На начальном этапе промышленного освоения происходит концентрация производства в городах. Именно в этот период основная часть городского населения сосредотачивается в отраслях промышленности и строительстве и происходит отказ от сельского хозяйства как сектора городской экономики. Дальнейшее городское развитие, переход урбанизации от экстенсивной к интенсивной стадии, значительно меняет структуру занятости населения в пользу сферы обслуживания, культуры, науки, управления, информации. Следствием урбанизации является неизбежный рост удельного веса работников умственного труда, социально-бытовых и культурных учреждений, появление в городах более квалифицированных и сложных профессий.

В Ханты-Мансийском округе скапливание людей в промышленном производстве и уменьшение количества занятых в сельском хозяйстве последовало с началом промышленного освоения, когда получили развитие лесное хозяйство, геологоразведка и нефтедобыча. В 1959—1965 гг. произошло резкое сокращение, почти в три раза, доли занятых сельским хозяйством: с 14,8% до 5,5% [все долевы́е расчеты занятости населения произведены по данным: 1. С. 182-183; 8. С. 7; 10. С. 16]. Отказ от этой области экономики означал, что в округе были запущены механизмы перехода от традиционного к индустриально-урбанистическому обществу и началась урбанизация. В последующие двадцать лет удельный вес населения, сосредоточенного на сельскохозяйственном производстве, сократился еще в три раза, и в 1985 г. Он стал составлять 1,4% от всего занятого населения округа. В середине 1980-х гг. прекратилось убывание доли занимающихся сельским хозяйством, что было следствием интенсификации

урбанизационных процессов, главным образом в крупных городах округа, и постепенного отхода от экстенсивной стадии городского развития. Доля занятых в сельском хозяйстве достигла своего минимума, и ее дальнейшее сокращение было невозможно, потому что город, являясь главным потребителем сельскохозяйственной продукции, зависим от деревни, и полное уничтожение села и его традиционного производства вызвало бы деградацию города.

Падение значимости сельского хозяйства в экономике округа в период зарождения урбанизации в начале 1960-х гг. проистекало одновременно с процессом уменьшения доли занятых в промышленности. Казалось, что с нефтегазовым освоением доля работающих в промышленности должна была увеличиться. Однако, наоборот, последовал спад: с 37,3% в 1959 г. до 31,5% в 1965 г. Доля занятых в промышленном производстве уменьшалась и дальше, вплоть до 1980 г., когда она, сократившись в два раза, остановилась на 18,2%. В начале 1980-х гг. удельный вес промышленности стабилизировался и практически оставался на одном уровне — 17—18%. Согласно данным переписи населения 1989 г., доля занятых в отраслях промышленности составляла 17,2%. Окончание спада уровня промышленности в 1980-х гг. было обусловлено тем, что последовал новый этап нефтегазового освоения региона, который требовал привлечения рабочей силы в больших объемах, результатом чего во многом стало возведение множества новых городов для нефтяников. Масштабное привлечение рабочих остановило убыль доли занятости в отраслях промышленности. Переход к рыночной экономике незначительно увеличил долю занятых в промышленности до 21,2%. Это было связано не столько с развитием новых отраслей материального производства, сколько с кризисом в других отраслях экономики. Таким образом, в процессе урбанизации ХМАО проявилась важнейшая тенденция городского развития, а именно — сокращение представительности промышленности в структуре занятости населения.

Несмотря на нефтегазовое освоение в 1960—70-х гг. в промышленности ХМАО, наибольшее число рабочих было задействовано в лесной промышленности — с 19,4 тыс. чел. в 1965 г. До 28,8 тыс. чел. в 1979 г (доля от всей промышленности —

59—41%). Однако наибольшие темпы роста числа рабочих (в 8 раз) были в нефтяной отрасли: с 2,9 тыс. чел. в 1965 г. до 23,6 тыс. чел. в 1979 г. (доля — 9—34%). Вместе с тем, вопреки преобладанию лесной отрасли над нефтяной в структуре занятости, нефтяная промышленность имела многократно выше градообразующий потенциал, поскольку на нее работало большое количество крупных вспомогательных отраслей — геология, строительство, транспорт. В 1980-х гг. доля нефтяников в промышленности значительно выросла. В 1985 г. она была 49% (57,3 тыс. чел.) и стала больше доли лесной отрасли — 21% (24,8 тыс. чел.). Другие отрасли промышленности имели намного меньшие доли в структуре занятости. Максимальная величина доли газовой промышленности была 9% в 1975 г. (4,9 тыс. чел.), потом она резко снизилась до 1,4—1,9%. Численность работающих в рыбной отрасли не превышала 3,8—4,6 тыс. чел. Значительно увеличилось число работающих в геологии: с 3,8 тыс. чел. в 1970 г. до 15,7 тыс. чел. в 1979 г. (доля от промышленности — 11—22%). В 1980-х гг. численность геологов снизилась до 6,0 тыс. чел. в 1985 г. (доля 5%).

Какие же отрасли экономики выросли за счет уменьшения долей промышленности и сельского хозяйства на начальном этапе урбанизации? В первую очередь нефтегазовое освоение повлекло за собой возведение населенных пунктов для расселения рабочих и объектов производства, что в свою очередь дало толчок развитию строительства и росту числа работающих, занятых в строительных отраслях. В 1959—1965 гг. доля занятых в строительстве выросла более чем в 4,5 раза: с 3,9% до 18,1%. В дальнейшем значимость строительства в экономике округа только увеличивалась. В начале 1970-х гг. эта доля занятости стала больше удельного веса промышленности. В 1975 г. в строительстве сосредотачивалось 29,3% всех работающих округа. Занятость в строительстве достигла пика (33,6—33,7%) в первой половине 1980-х гг., когда началась реализация групповой системы расселения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и большие силы были брошены на расширение застройки Сургута и Нижневартовска и возведение вблизи месторождений новых небольших городов. В конце 1980-х гг. в связи с системным кризисом многие стройки страны были заброшены, в том числе такая же участь постигла

ЗСНГК, из-за чего доля занятости в строительстве в ХМАО упала до 23%.

Получила развитие важнейшая (особенно в условиях неразвитости территорий) вспомогательная отрасль промышленности — транспорт. В течение 1960—80-х гг. доля занятых в транспортном обслуживании выросла в 5 раз — с 3,6% в 1965 г. до 17,7% в 1989 г. Как и отрасли строительства, транспорт имел наибольшие показатели (более 18%) в первой половине 1980-х гг. В 1990-х гг. удельный вес транспорта стал падать, в 1994 г. он составлял 16,6%.

Формирование городской системы расселения в начале 1960-х гг. способствовало развитию торговли и общественного питания, доля которых в структуре занятости населения округа выросла с 7,6% в 1959 г. до 11,8% в 1965 г. В последующем эта доля сокращалась (минимума она достигала в 1989 г. — 7,2%). В начале 1990-х гг. удельный вес торговли и общественного питания снизился уже до 5—6%. Объяснялось это тем, что в развитии округа сложились сильные диспропорции в сторону сфер производства, в то время как социальная среда оставалась в значительной степени неразвитой. Наиболее отсталыми в ХМАО были именно торговля и сеть общепита.

Доля работающих в отраслях материального производства в ХМАО была существенно больше, чем в целом в РСФСР. Перепись населения 1979 г. зафиксировала, что эта доля в округе составляла 81,1%, а в стране — 73,8%. В том числе в промышленности, строительстве, транспорте и связи округ превышал показатели России на 5% (66,9% против 62,0%). В то же время непроизводственные отрасли (просвещение, наука, искусство и культура, ЖКХ и бытовое обслуживание, органы управления и финансово-кредитная система) в структуре занятости ХМАО аккумулировали меньше процентов (18,2%), чем в РСФСР (26,6%). Через десять лет в 1989 г. доли ХМАО практически не изменились: 81,3% — непроизводственные отрасли, 18,4% — производственные. Одновременно с этим в РСФСР непроизводственный сектор вырос до 29,2%, а производственный уменьшился до 70,4%.

Малоразвитость социокультурной сферы была особенностью урбанизации ХМАО. Урбанизация и рост городов должны были способствовать росту социокультурного сектора в структуре

занятости. Однако на протяжении 1960-х — первой половины 1980-х гг. доля этого сектора либо сокращалась, либо оставалась на одном уровне. В 1965—1985 гг. выросли доли занятости жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания (с 1,0% до 2,8%), финансирования, кредитования и страхования (с 0,3% до 0,5%). Уменьшились доли здравоохранения и социального обеспечения (с 4,1% до 3,1%), образования (с 6,9% до 4,0%), культуры и искусства (с 0,7% до 0,5%), управления (с 1,3% до 0,6%). По большей части это свидетельствовало об экстенсивной урбанизации, когда городское развитие проявлялось главным образом через количественные, а не качественные показатели. На содержательном уровне урбанизация ХМАО стала меняться с середины 1980-х гг. Тогда получили распространение отрасли обслуживания и социокультурная сфера, зависящие в значительной степени от развития городского образа жизни и потребительского поведения. В 1985—1989 гг. в структуре занятости вырос удельный вес ЖКХ и бытового обслуживания (с 2,8% до 4,8%), здравоохранения и социального обеспечения (с 3,1% до 3,5%), образования (с 4,0% до 5,3%), культуры и искусства (с 0,5% до 0,8%), науки и научного обслуживания (с 0,9% до 1,9%). Появились работающие в информационно-вычислительном обслуживании. В 1990-х гг. все эти сферы человеческой деятельности (кроме науки и научного обслуживания) даже упрочили свои позиции, это произошло за счет спада строительства, торговли и общественного питания.

Городское развитие в ХМАО на протяжении 1960—80-х гг. практически никак не влияло на величины занятости в органах управления и общественных организациях. Они держались примерно на одном уровне — 0,6% и 0,2% соответственно. Только в 1990-х гг. последовал рост доли бюрократического аппарата до 1,0%.

В городах ХМАО доля отраслей промышленности и сельского хозяйства в структуре занятости населения была значительно меньше, чем в целом среди занятого населения округа. В 1959 г. В единственном городе округа — Ханты-Мансийске — население было занято в основном в промышленности (34,0%), строительстве (6,2%), здравоохранении (6,5%), просвещении (14,3%). Только в этом городе округа сельское хозяйство играло какую-то важную

роль — доля в занятости составляла 4,3% [10. С. 17]. В 1970 г. среди всего городского населения доля занятых в промышленности составляла всего 23,9%, а сельского и лесного хозяйства — 1,8%. Значительной была доля строительства (23,7%) и транспорта и связи (15,5%), но она была меньше, чем для всего занятого населения ХМАО. Доля непроеизводственных отраслей в городских поселениях округа составляла 19,9%.

В 1979 г. городское занятое население округа было сосредоточено в основном в отраслях материального производства — 81% (283,4 тыс. чел.), в том числе в промышленности 22,8% (64 659 тыс. чел.), что было на процент меньше доли промышленности от всего занятого населения округа. Доля нефтедобывающей отрасли составляла 9,3% от всей занятости и 40,8% от промышленности (26,4 тыс. чел.), а лесной — 5,7% и 25,2% (16,3 тыс. чел.). Доля непроеизводственных отраслей в городах была почти такой же, что и в структуре всего занятого населения — 18,7% [4. С. 13; 5. С. 3—28].

В 1971 г. структура занятости населения нефтяных городов Сургута, Нефтеюганска и Урая была схожей. В производственных отраслях сосредотачивалось более 70% работающих (наибольшая доля была в Сургуте — 76,1%). На долю промышленности приходилось 7—13%, строительства — 44—20%, транспорта — 13—20%. Доля нефтедобычи составляла 3—10% занятости. В непроеизводственном секторе Сургута и Нефтеюганска было задействовано 9—11% всех занятых, а в Урае, в силу того, что активный промышленный рост в городе прекратился, эта доля была выше — 18%. В Ханты-Мансийске доля производственных отраслей была значительно меньше (57%), а непроеизводственных выше (22%) [рассчитано по данным: 11. С. 7].

Через 10 лет в структуре занятости нефтяных городов округа доля производственного сектора практически не поменялась. В 1981 г. она составляла 74,1—79,6%. Наибольшей была доля во вновь образованном городе Мегионе (79,6%). На долю промышленности приходилось 4—17%, строительства — 35—51%, транспорта — 18—22%. Удельный вес нефтедобычи в структуре занятости составлял 3—16%: наименьший показатель приходился на Сургут (3,3%), а наибольший — на Нижневартовск (16,1%). В 1971—1981 гг. все эти отрасли ненамного подросли. Только

в Урае из-за стагнации нефтедобычи производственный сектор занятости сократился с 71% до 62%. Сфера обслуживания в городах нефтяников не превышала 20—25%. Высокой она была только в Урае — 37,8%. В Ханты-Мансийске доля производства сократилась до 52%, а доля обслуживания выросла до 48% [рассчитано по данным: 6. С. 3].

В середине 1980-х гг. производственный сектор в нефтяных городах Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе продолжал держаться в тех же рамках 70—75%, так же и в Урае, но чуть меньше — 65%. Доля промышленности составляла 11—18% (наибольшей она была в Нижневартовске — 18%), строительства — 32—44%, транспорта 15—19%. Удельный вес нефтедобычи составлял 4—15% (максимальной она была в Урае — 15,7% и Нижневартовске — 14,7%). Доля непроизводственных отраслей незначительно подросла до 24—29%. Самой существенной она была в Нефтеюганске и Нижневартовске — 29%. В 1985 г. в Ханты-Мансийске доля производственных отраслей оставалась на том же уровне — 52%, а сектор обслуживания сократился в структуре занятости до 43%. Это было связано с ростом (до 5%) доли организаций, не составляющих отчетности по труду. В молодых городах нефтяников Радужном, Лангепасе и Когалыме, созданных в 1985 г., удельный вес производственных отраслей был очень высоким — 78—83%. Только в Нягане эта доля была меньше — 70%. Промышленность городов Радужного, Лангепаса и Когалыма состояла только из нефтедобычи. Промышленность Нягани состояла кроме нефтедобычи и из лесной отрасли. Доля нефтедобычи составляла 8,0—28,7% (наибольшей она была в Лангепасе — 28,7%, наименьшей в Нягане — 8,0%, в Радужном и Когалыме — 15—16%), строительства — 35—50%, транспорта — 13—31%. Доля непроизводственной сферы занятости — 16—30%. Значительным удельный вес обслуживания был в Нягане — 30% и Радужном — 22% [рассчитано по данным: 7. С. 3—4].

Таблица

**Распределение занятого населения ХМАО по отраслям
хозяйства (тыс. чел.) [рассчитано по данным: 5. С. 3—28; 8.
С. 7; 10. С. 16; 12. С. 8]**

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	Темпы роста, 1989 г. к 1959 г. (%)	Темпы роста, 1989 г. к 1970 г. (%)
Все занятое население	56,9	136,8	356,6	749,7	1317	548
Отрасли матери- ального производ- ства	—	86,9	289,2	—	—	—
Промышленность	21,1	36,5	84,5	128,6	609	352
Строительство	2,2	28,6	86,7	229,6	10 436	803
Совхозы	0,3	5,7	6,1	5,3	113	166
Колхозы	7,5		1,0	1,4		
Прочие предпри- ятия и организации сельского хозяйства	0,6		1,2	2,8		
Лесное хозяйство	0,3	1,1	2,4	0,2	150	-550
Транспорт	3,6	11,2	61,3	132,8	3 689	1 186
Связь	1,1	3,2	6,7	9,1	827	284
Торговля и обще- ственное питание	4,3	14,2	27,7	53,6	1 246	377
Заготовки	0,1	0,2	0,1	1,4	1 400	700
Материально-тех- ническое снабже- ние и сбыт	0,1	—	8,4	34,5	34 500	—
Прочие отрасли материального производства	0,8	—	3,0	—	—	—
Непроизводствен- ные отрасли	—	49,9	66,6	—	—	—
Жилищное хозяй- ство	0,2	—	5,1	36,1	4 512	—
Коммунальное хо- зяйство и бытовое обслуживание	0,6	—	5,9			

Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	2,3	6,3	10,9	25,7	1 117	408
Просвещение	4,0	7,1	18,4	39,8	995	560
Наука и научное обслуживание	4,9	—	15,0	14,4	294	—
Культура и искусство	0,2	1,3	2,0	5,6	2 800	431
Кредитование и страхование	0,2	—	2,0	4,1	2 050	—
Управление	1,1	—	5,7	5,1	464	—
Партийные и общественные организации	0,3	—	1,0	0,9	300	—
Нераспределенные по отраслям	0,8	—	0,7	—	—	—

Несмотря на постоянное колебание — рост или падение — долей различных отраслей в структуре занятости населения, абсолютные величины занятого населения постоянно росли на протяжении 1959—1989 гг. (таблица). Численность населения, занятого в хозяйстве округа, увеличилась в 13 раз. Наибольшие темпы роста по числу работающих были в материально-техническом снабжении и сбыте (в 345 раз), строительстве (в 104 раза), ЖКХ и бытовом обслуживании (в 45 раз), транспорте (в 36 раз), культуре и искусстве (в 28 раз), кредитовании и страховании (в 20 раз). В период 1970—1989 гг. самые большие темпы роста были в транспорте (в 11 раз), строительстве (в 8 раз), заготовках (в 7 раз), просвещении (в 5 раз).

Изменение занятости вследствие урбанизации региона вело к преобразованиям в социальной структуре населения городов ХМАО. До периода нефтегазового освоения, в 1959 г. больше половины населения ХМАО относились к рабочим (57,3%). Значительная часть жителей, которая превышала республиканский и общесоюзный показатели, была колхозниками (21,3%). Чуть меньше была доля служащих (21,3%). К прочим (кустарям или занятым индивидуально-трудовой деятельностью) и не указавшим общественную группу относилось 0,3% населения округа.

Среди горожан ХМАО было другое соотношение: была выше доля рабочих (65,0%) и служащих (31,2%), и более чем в пять раз было меньше колхозников (3,7%).

Промышленное освоение и появление нефтяных городов в 1960-х гг. привело к тому, что в 1970 г. доля рабочих среди всего населения ХМАО выросла в 1,3 раза и стала составлять 74,1% (200 516 чел.). Доля рабочих выросла за счет колхозников, удельный вес которых заметно сократился — до 2,1% (5 789 чел.). Доля служащих увеличилась незначительно — до 23,7% (64 276 чел.). Внутри городского населения изменения были более показательны. Выросла доля рабочих, однако в городах она была меньше, чем среди всего населения — 71,5% (121 464 чел.). В то же время доля служащих была больше — 27,9% (47 389 чел.), а часть колхозников стала совсем ничтожной — 0,6% (1 058 чел.) [4. С. 3; 2. С. 5; 3. С. 9—10]. Эти цифры говорят, что в 1960-х гг. в ХМАО совершался первый экстенсивный этап урбанизации, при котором приумножалось число рабочих и нивелировалось количество колхозников. По удельному весу рабочих и служащих в общей массе населения округ намного превысил республиканский и общесоюзный уровни.

Перепись населения 1979 г. зафиксировала, что доля служащих выросла до 26% (147 697 чел.) за счет веса рабочих, который уменьшился до 73% (417 930 чел.), что свидетельствовало о постепенной интенсификации процессов урбанизации в ХМАО. Доля колхозников чуть возросла до 0,9% (5 077 чел.). В городе наблюдались аналогичные тенденции: стабильная доля рабочих — 71% (317 807 чел.), рост служащих до 28,5% (126 750 чел.), и отсутствие роста удельного веса колхозников — 0,5% (1 451 чел.) [5. С. 101—107]. Перепись населения 1989 г. зафиксировала, что среди всего населения ХМАО доля служащих вновь выросла и стала составлять 30,3% (388 237 чел.), а доля рабочих и колхозников сократилась — 69,3% (888 248 чел.) и 0,4% (5 380 чел.) соответственно. Среди городского населения удельный вес служащих также вырос — до 31,3% (365 115 чел.), а доля рабочих и колхозников сократилась — 68,4% (798 158 чел.) и 0,4% (2 589 чел.) соответственно [9. С. 102—103]. Постоянный рост доли служащих являлся важным показателем перехода урбанизации ХМАО от экстенсивной к интенсивной стадии.

В целом на первом этапе процесса урбанизации ХМАО наиболее заметными сдвигами в отраслевой структуре занятости населения были увеличение доли занятости в строительстве и транспорте, уменьшение удельного веса промышленности и отказ от сельского хозяйства как одного из главных секторов экономики. Социальный состав преобразился за счет падения доли колхозников и увеличения доли рабочих. Эти характеристики были признаками экстенсивной урбанизации, развивающейся в первую очередь посредством территориальной экспансии производства и города, абсолютного миграционного прироста. Другой важной тенденцией было по преимуществу отсутствие роста занятости отраслей обслуживания и социокультурной сферы вплоть до середины 1980-х гг. Лишь во второй половине 1980-х гг. последовало увеличение занятости населения в непроизводственных отраслях, что свидетельствовало об интенсификации урбанизационных процессов. Интенсификация связывалась с городом, развивающимся на основе внутреннего потенциала, и постоянным городским населением со значительной ролью естественного прироста. В ХМАО переход к интенсивной урбанизации отразился также в неизменном возрастании доли служащих и сокращении удельного веса рабочих. Таким образом, в процессе урбанизации Ханты-Мансийского округа существенно изменился социально-экономический состав городского населения. В 1980-х гг. структура населения городов преимущественно стабилизировалась, но стала значительно дифференцированной по критерию экономической занятости.

Список литературы и источников

1. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). Сургут, 1995.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27.
3. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 28.
4. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 43.
5. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 135.
6. Государственный архив Ханты-Мансийский автономный округ (ГАХМАО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 468.
7. ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 579.
8. ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 732.

9. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным переписи населения 1989 года). Часть II. Источники средств существования, общественные группы. М., 1991.
10. Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959—1964 гг.) Тюмень, 1965.
11. Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1974.
12. Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980.

Раздел 3

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ ДУМЫ I СОЗЫВА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА: ПОЛНОМОЧИЯ, СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1994—1996 гг.)

Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры начала свою работу 6 апреля 1994 г. [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Первое заседание проходило в новом, специально оборудованном помещении. Присутствовало 9 депутатов. Открывая первое заседание первой Думы, председатель избирательной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа Н.М.Костин сообщил об итогах выборов в Думу автономного округа первого созыва, а также поздравил депутатов, победивших на выборах. Он, в частности, сообщил: «На основании протоколов окружных избирательных комиссий избирательная комиссия автономного округа определила общие итоги выборов и признала действительными выборы в девяти избирательных округах из семнадцати. Согласно ст. 3 части 1 “Временного Положения о Думе Ханты-Мансийского автономного округа (окружной Думе) на период поэтапной конституционной реформы” первое заседание окружной Думы правомочно» [5. Там же. Л. 11]. Однако, из-за ряда как объективных, так и субъективных причин в восьми избирательных округах в результате низкой явки избирателей (менее 25% от зарегистрированных, выборы не состоялись). Избирательная комиссия автономного округа, исходя из сложившейся социально-экономической обстановки в округе (наступление весенне-летнего периода, массовые отпуска, принятие на местах решений о проведении выборов в представительные органы местного самоуправления в осенний период) приняла решение о проведении новых выборов депутатов в Думу ХМАО по избирательным округам № 7 г.Нефтеюганск, № 8 Сургутский район, № 10—12 г.Сургут, № 13—15 г.Нефтеюганск осенью 1994 г. [5. Там же. Л. 12].

Депутатами первого созыва (победившими на выборах 6 марта) стали: Асеев Владимир Михайлович, Войтехович Александр Романович, Волостригов Петр Станиславович, Киприянов Андрей

Кириллович, Маненков Сергей Петрович, Сержанов Александр Иванович, Собянин Сергей Семенович, Хохряков Борис Сергеевич, Яковлев Владимир Григорьевич.

В числе основных вопросов, вошедших в повестку дня первого заседания, были следующие: внесение изменений во временное положение о Думе ХМАО на период поэтапной конституционной реформы; о временном регламенте, об избрании председателя и заместителей, о структуре, составе постоянных комиссий, аппарате Думы, смете расходов и плане работы на второй квартал 1994 г. [3].

На заседании 6 апреля председателем Думы был избран Сергей Семенович Собянин, депутат от избирательного округа № 9, заместителем председателя Думы — Волостригов Петр Станиславович, депутат от избирательного округа № 3 [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1. Л. 30]. На заседании утвердили структуру Думы и ее аппарат. Аппарат Думы Ханты-Мансийского автономного округа состоял из 27 человек и являлся постоянно действующим рабочим органом Думы, созданным для правового, организационного, документационного, аналитического, информационного, финансового, материально-технического обеспечения деятельности депутатов Думы и ее постоянных комиссий. Основной формой работы окружной Думы являлись заседания, которые могли проходить один или несколько дней. Через каждые полтора часа работы объявлялся перерыв на 20 минут. Дума утвердила на первом заседании также штатное расписание и план работы на второй квартал 1994 г.

По итогам работы первого заседания депутаты приняли обращение Думы к населению округа. В нем указывалось, что Дума начала свою работу как представительный и законодательный орган государственной власти субъекта Федерации в сложное для региона и России время. Кризис неплатежей, развал нефтяной и газовой отраслей, социальная незащищенность, рост преступности — все это обязывает депутатский корпус Думы оперативно принимать кардинальные меры по выходу из создавшейся ситуации.

Таким образом, Думе предстояло развернуть свою деятельность в очень сложных условиях. В частности, мэр г.Сургута А.Сидоров высказал следующую оценку: «Два шага назад сделал представительный новый орган — окружная Дума, сменивший упраздненные советы». Ущербность Думы, по его мнению,

состояла в том, что основные нефтяные районы, насчитывающие в своем составе половину жителей округа, не имели в ней своих полномочных представителей, и этот факт в немалой степени влиял на распределение бюджетных средств [6]. Кстати, на заседании 26 апреля 1994 г. был образован совещательный орган при Думе ХМАО из числа кандидатов, набравших наибольшее количество голосов по избирательным округам, где выборы не состоялись (для обеспечения представительств территорий).

20 ноября 1994 г. состоялись выборы в окружную Думу во всех избирательных округах. Победу одержали: А.В.Клепиков, А.Ф.Резяпов, В.Л.Богданов, Л.В.Бачинин, А.Л.Сидоров, В.А.Кармазин, В.С.Грабовский, Н.Я.Крупинин. Таким образом, Дума стала работать в полном составе в количестве 17 депутатов. Все депутаты являлись высококвалифицированными специалистами в различных сферах, преимущественно производственной деятельности, все имели высшее образование, большой опыт производственной и административной работы. Средний возраст депутатов составлял сорок лет.

Депутаты образовали следующие постоянные комиссии: по бюджету, налогам, финансам и социальной политике; по вопросам законодательной деятельности.

Состав постоянных комиссий

Комиссия и ее председатель	Члены комиссии
По бюджету, налогам, финансам и социальной политике Хохряков Борис Сергеевич — депутат от избирательного округа № 17	Киприянов Андрей Кириллович — депутат от избирательного округа № 5; Маненков Сергей Петрович — депутат от избирательного округа № 4; Яковлев Владимир Григорьевич — депутат от избирательного округа № 1; Грабовский Владимир Соломонович — депутат от избирательного округа № 14; Сидоров Александр Леонидович — депутат от избирательного округа № 12

По вопросам законодательной деятельности Волостригов Петр Станиславович — депутат от избирательного округа № 3	Бачинин Леонид Владимирович — депутат от избирательного округа № 11; Асеев Владимир Михайлович — депутат от избирательного округа № 16; Войтехович Александр Романович — депутат от избирательного округа № 2; Сержанов Александр Иванович — депутат от избирательного округа № 6
По региональным и национальным вопросам, социальной политике и местному самоуправлению Кармазин Виктор Андреевич — депутат от избирательного округа № 13	Богданов Владимир Леонидович — депутат от избирательного округа № 10; Клепиков Александр Валентинович — депутат от избирательного округа № 7; Крупинин Николай Яковлевич — депутат от избирательного округа № 15; Резяпов Александр Филиппович — депутат от избирательного округа № 8

Формирование указанных комиссий свидетельствует о том, что руководство Думы достаточно четко представляло приоритеты ее деятельности на том этапе: создание законодательной базы, формирование бюджета и регулирование бюджетных отношений, решение вопросов взаимоотношений с Тюменской областью. Таким образом, в компетенцию Думы входили разработка и принятие собственных законодательных и иных нормативных актов. Для юридического сопровождения, содействия в разработке правовых актов, программ социально-экономического и социокультурного развития округа 14 сентября 1995 г. Думой был образован Центр правовых проблем северных территорий.

Процесс законотворчества Думы включал в себя несколько этапов: законодательная инициатива и представление законопроекта в Думу; юридическая экспертиза; рассмотрение законопроекта на заседании комиссии; рассмотрение законопроекта на заседании Думы (возможно три чтения) и принятие окончательного решения; представление принятого Закона главе Администрации автономного округа для подписания и обнародования; внесение изменений и дополнений во вступивший в силу окружной закон [1].

Основополагающим направлением деятельности нового органа законодательной власти стало формирование правовых основ государственного и муниципального строительства

Ханты-Мансийского автономного округа. На заседании Думы 26—27 апреля 1994 г. был рассмотрен вопрос о первоочередных задачах окружной Думы по созданию законодательной базы округа и определен перечень первоочередных нормативных актов, подлежащих принятию, в числе которых: договоры о взаимоотношениях Тюменской области и автономных округов, положение о референдумах, закон о местном самоуправлении, Уставе округа и др. [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—3].

27 мая 1994 г. после трех месяцев работы Думы ее председатель С.С.Собянин дал первую пресс-конференцию. Он отметил, что ближайшей задачей Думы должна стать работа над Уставом округа, призванного регулировать основные функции законодательной и исполнительной власти; договором о взаимоотношениях между Тюменской областью и округами; намерение вернуться к идее создания Фонда потомков (для обеспечения надежного будущего населению округа) [8].

На заседании Думы 14 сентября 1994 г. целых три вопроса вновь были посвящены взаимоотношениям Тюменской области и округов [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 8. Л. 45—64]. 15 декабря 1994 г. Дума приняла решение о регламенте взаимодействия трех Дум, Положение о Совете трех Дум, соглашение о сотрудничестве [Там же. Д. 9. Л. 133].

25 января 1995 г. был принят Закон № 101 о статусе депутата Думы ХМАО. Срок полномочий депутата начинался со дня его избрания и прекращался с момента начала работы Думы нового созыва. Основные формы депутатской деятельности включали: участие в заседаниях Думы, работу в комиссиях, выполнение поручений, обращение с депутатским запросом, работу с избирателями, участие в слушаниях и ряд других. Депутат вправе иметь помощника [4].

26 апреля 1995 г. Думой первого созыва был принят Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа. В нем в ст. 43 излагались полномочия Думы. Важнейшие из них: осуществление правового регулирования вопросов местного самоуправления в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством, утверждение программы государственной поддержки местного самоуправления; утверждение программ и планов социально-экономического развития

автономного округа; утверждение бюджета автономного округа и отчета о его исполнении; установление налогов, сборов, отнесенных федеральным законом к ведению автономного округа, а также порядка их взимания и др.

Период середины 1990-х гг. — время, когда Дума ХМАО вела активную деятельность по выработке регламента взаимодействия Тюменской областной Думы, Думы ХМАО и Думы ЯНАО. Было выработано положение о совете трех Дум, соглашение о сотрудничестве, сформирована согласительная комиссия по выработке для всех трех субъектов РФ главы Уставов, касающейся взаимоотношений области и округов. Совместное заседание совета трех Дум состоялось 23 марта 1995 г., на нем предстояло рассмотреть вопрос об общей главе Устава Тюменской области и округов. На том этапе было принято решение лишь о согласительном процессе по принятию общей главы Уставов. Затянувшаяся дискуссия сопровождалась экспертными заключениями, но все они не давали однозначного ответа на поставленные вопросы. «Представители Тюменской области предлагали урегулировать это неразрешимое противоречие на основе модели кооперативного федерализма, — писала эксперт И.А.Умнова, к.ю.н., консультант Комитета Совета Федерации по делам Федерации, Федеративного договора и региональной политике, — это станет правомерным, если будет подписан договор между тремя субъектами Федерации, определит взаимоотношения по взаимному согласию» [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 54. Л. 89—90]. Затягивание конфликта между областью и округами привело к тому, что Дума была вынуждена принять решение об обращении к Президенту РФ и в Конституционный Суд [Там же. Д. 41. Л. 2—3]. В Постановлении Думы от 20 июня 1995 г. «Об обращении в Конституционный Суд РФ» говорилось, что «Тюменская областная Дума приняла ряд решений, нарушающих ранее достигнутые соглашения ... и содержащих признаки несоответствия основам конституционного строя РФ в части реализации принципа равноправия автономных округов ... и осуществления их органами государственной власти ... полномочий» [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 41. Л. 96]. Суть решений областной Думы состояла в том, что она позиционировала себя в правовом отношении выше округов. Этого нельзя было более терпеть, так как такие действия могли привести к нарушению

социально-экономической стабильности, и Дума ХМАО вынесла постановление об обращении в Конституционный Суд РФ. 5 октября 1995 г. Дума ХМАО приняла Постановление О запросе в Конституционный Суд РФ о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции РФ понятия «отношения автономных округов, входящих в состав края или области» [Там же. Д. 45. Л. 295].

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 17 июля 1996 г. не разрешил разногласий между сторонами. Постановление Конституционного Суда от 14 июля 1997 г. о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области до конца не решило все проблемы, возникающие в отношениях между автономными округами, входящими в состав края, области, и соответствующими краями и областями, в частности потому, что не все положения данного Постановления представляются достаточно ясными и обоснованными. Так, Суд обошел проблему, связанную с действием норм, содержащихся в ст. 5 Конституции Российской Федерации [13].

Несмотря на эти раздражающие всех коллизии, отвлекавшие от решения насущных проблем, окружной парламент находил силы активно работать над принятием законов «О местном самоуправлении», «О выборах губернатора ХМАО», «Об административно-территориальном устройстве ХМАО» и др. А 31 января 1996 г. Дума решила внести на рассмотрение Госдумы РФ проект Федерального Закона «Об основах отношений автономных округов, входящих в состав края или области». Основной концептуальной идеей являлось положение о равноправии субъектов Федерации, о взаимовыгодных отношениях, о реальном партнерстве [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 57. Л. 218]. Осенью 1996 г. дебаты с областью вспыхнули с новой силой. На этот раз причиной стали сроки выборов Губернатора Тюменской области. На заседании Думы ХМАО 25 сентября В.С.Грабовский заявил: «Сегодня принимается решение о выборах Губернатора области на территории всей области, а Думы различны. Выходит один Губернатор будет губернаторнее всех остальных?», а В.Г.Севрин заметил: «То, что сейчас предлагает Тюменская Дума — это такой тупик, такой беспредел, который окончательно развалит область». А.Л.Сидоров

резюмировал в ходе дискуссии: «Идти на выборы, не определив полномочия Губернатора Тюменской области по отношению к Губернаторам округов, и наоборот, не определив договором функции и полномочия ... бессмысленно» [5. Д. 77. Л. 11—14]. Наконец, 4 октября 1996 г. Дума ХМАО приняла Постановление о договоре и соглашении между органами государственной власти Тюменской области, ХМАО и ЯНАО [5. Д. 78. Л. 9].

Весь период работы Думы первого созыва был сопряжен с решением вопросов политического устройства округа как субъекта. Однако вопросы экономики и финансов также находились в сфере внимания, главным образом формирование бюджета и его распределение. На заседании 26 апреля 1994 г. рассматривался вопрос о социально-экономическом положении в округе [5. Д. 3. Л. 15]. Ситуация характеризовалась как критическая: «В округе сохраняются негативные тенденции, проявившиеся в спаде промышленного производства, продолжении финансового кризиса, снижении уровня жизни отдельных групп населения» [5. Д. 3. Л. 15]. М.В.Хархардин — зам. главы администрации округа признавал, что кризис неплатежей приобрел угрожающий характер. Он высказал опасение, что «если в течение ближайших 2—3 месяцев правительство (имеется в виду правительство РФ. — прим. Л.А.) не решит вопрос с неплатежами — в 1995 год мы войдем с полным развалом экономики» [9]. Депутаты приняли решение обратиться к президенту Б.Н.Ельцину и председателю Правительства РФ В.С.Черномырдину с требованием принять неотложные меры по стабилизации работы предприятий нефтегазодобывающего комплекса. Напомним, что в 1994 г. в округе добывалось 60% российской нефти, что обеспечивало свыше трети всех валютных поступлений в бюджет страны [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 3. Л. 17—18.].

14 сентября 1994 г. депутаты собрались на свое первое заседание после каникул. Главный вопрос, который всех волновал, как будет жить округ в ближайшем будущем? М.В.Хархардин ознакомил собравшихся с прогнозом социально-экономического развития. Состояние бюджета оценивалось как чрезвычайное. В этой связи особую остроту приобретали бюджетные взаимоотношения, требовалось выработать бюджетный механизм, который позволял бы решать основные проблемы жизни округа.

Новый 1995 год начался для депутатов с обсуждения бюджетных вопросов, финансирования фондов и выполнения ими своих обязательств; программ развития социальной сферы. Остро стоял вопрос о работе Северного фонда, из которого финансировались коренные жители. В.А.Кармазин обратил внимание депутатов на тяжелое положение с обеспечением жильем коренных жителей, а В.М.Молотков сказал, что «ни одной цифры от Комитета по делам народов Севера нет, которые бы подтверждали уровень жизни коренных народов Севера» [5. Д. 29. Л. 5—7]. Из-за острых дискуссий, развернувшихся на заседаниях Думы в связи с создавшимся экономическим положением в округе, депутаты не смогли принять бюджет оперативно. Поэтому принятие бюджета 1995 г. затянулось. Закон об окружном бюджете был принят 1 марта 1995 г. Этот опыт позволил при принятии бюджета 1996 г. учесть все недоработки и вынести решения об основных принципах формирования бюджетной системы округа задолго до его принятия, однако это не гарантировало «спокойное» принятие бюджета 1996 г. А.Л.Сидоров сетовал: «Мы идем в принципиально разные стороны с округом, формируя бюджет. Я считаю, сегодня еще не поздно вернуться к нормативам» [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 45. Л. 16]. А.К.Киприянов высказал следующий взгляд на дефицитный бюджет: «Надо администрации округа и депутатскому корпусу ...срочно разработать программу ликвидации северных городов ...» [5. Д. 57. Л. 251]. Бюджет 1996 г. был принят 31 января.

Большая работа была проведена аппаратом Думы, экспертами по подготовке жизненно важных законов для округа, в числе которых закон «О недропользовании», разработчиками которого являлись сотрудники отдела законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ д.ю.н., проф. Б.Д.Клюкин и ст.н.с. О.М.Теплов, Закон «О разработке месторождений углеводородов на территории автономного округа» [5. Д. 73. Л. 233].

Таким образом, приоритетным направлением в законодательной деятельности Думы I созыва стали вопросы, связанные: 1. С разработкой нормативных актов, обеспечивающих правовой статус ХМАО как субъекта РФ; 2. С обеспечением правовых условий для социально-экономического развития округа.

Работа Думы ХМАО I созыва началась с создания нормативной базы для обеспечения функционирования законодательного органа власти, следовательно, в первую очередь были разработаны законы о порядке принятия нормативных актов. Затем на повестку дня встали вопросы, связанные с разработкой законодательства о системе органов государственной власти, об административно-территориальном устройстве, о местном самоуправлении. Исходя из этих первостепенных задач и определились основные направления законодательной деятельности.

Законодательная деятельность Думы I созыва строилась по следующим направлениям: работа над законопроектами Ханты-Мансийского автономного округа и нормативными актами; работа над законопроектами, поступающими из Федерального Собрания Российской Федерации; законодательные инициативы в Государственную Думу; совместная законодательная деятельность с Тюменской областной Думой и Ямало-Ненецким автономным округом.

Дума I созыва провела 23 заседания, где был рассмотрен 401 вопрос. Думой принято 64 закона, регулировавших вопросы деятельности региональной и местной власти, социально-экономического и социокультурного развития округа. С целью дальнейшего комплексного развития социальной сферы ХМАО были рассмотрены и приняты следующие программы: «Программа здравоохранения на 1995—2005 гг.», «Программа развития материально-технической базы фармацевтического управления округа на 1995—2005 годы», «Программа развития материально-технической базы учреждений культуры», «Программа развития физической культуры и спорта в Ханты-Мансийском автономном округе», «Программа развития материально-технической базы учреждений образования окружного подчинения» и др. Кроме этого Дума одобрила концепцию программы развития автомобильных дорог общего пользования в Ханты-Мансийском автономном округе, которая была направлена для включения в программу совершенствования и развития автомобильных дорог Российской Федерации «Дороги России».

С начала созыва Дума приняла около 30 постановлений о льготном налогообложении предприятий и отдельных категорий граждан в целях социальной защиты населения округа; рассмотрела вопросы, связанные с развитием экономики округа,

с формированием и использованием средств окружных внебюджетных фондов, с административно-территориальным устройством.

На заседаниях Думы обсуждались и проекты федеральных законов. В порядке законодательной инициативы Дума внесла в Государственную Думу один законопроект. Всего депутаты Думы внесли более 15 дополнений и замечаний в проекты федеральных законов. Дума приняла более 10 обращений к жителям округа и федеральным органам власти по актуальным вопросам политической и социально-экономической жизни. За два года провели 5 депутатских слушаний.

Важным достижением этого периода стало создание нормативно-правовой базы для эффективного природопользования и охраны окружающей среды, а также принятие законов, ориентированных на социально-экономическое развитие региона. Оценивая работу окружной думы, депутат Государственной Думы РФ Е.Айпин сказал, что окружная Дума работает более продуктивно, чем Госдума, погрязшая в бесконечных политических дебатах [10].

Думе первого созыва пришлось проделать большую работу по разграничению полномочий с органами власти Тюменской области, которые длительное время не признавали равноправия входящих в состав области автономных округов, что препятствовало установлению нормальных взаимоотношений в регионе. Поскольку договорной процесс между Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, с одной стороны, и Тюменской областью — с другой не был достаточно успешным, законодательные органы автономных округов обратились с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации. Обращение законодательных органов государственной власти автономных округов в Конституционный Суд Российской Федерации было направлено на установление подлинно равноправных отношений между автономными округами и областью, в состав которой они входят. Тем не менее, Думе ХМАО все же удалось наладить сотрудничество с Тюменской областной Думой, Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа. Был сформирован Совет трех Дум для оперативного разрешения возникающих проблем. Советом Дум преимущественно рассматривались документы, направленные на взаимодействие трех субъектов Федерации.

Следовательно, Думой первого созыва были приняты основополагающие законы, обеспечившие правовой фундамент для развития округа. Важнейший из них — Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа (26 апреля 1995 г.) [14], в котором зафиксирован статус автономного округа как равноправного субъекта РФ, его социально-экономическая и политическая самостоятельность; система органов государственной власти; местное самоуправление, а также круг вопросов, учитывавших интересы коренных малочисленных народов Севера [7]. С принятием Устава определился круг полномочий Думы ХМАО, ее место в системе органов государственной власти автономного округа.

Создание Счетной палаты Думы позволило наладить действенный финансовый контроль за своевременным исполнением доходных и расходных статей бюджета и внебюджетных фондов автономного округа по объемам, структуре и целевому назначению.

За период работы Думы первого созыва сложился профессиональный аппарат, обеспечивавший подготовку и проведение заседаний, качественный документооборот, осуществлявший организацию экспертизы проектов документов и мн. др. Большая роль в становлении регионального парламента как законодательного органа с присущими ему чертами профессионализма, работоспособности, стремления в отстаивании своих прав — принадлежала председателю Думы ХМАО Сергею Семеновичу Собянину. Благодаря его неустанной деятельности, умению выстроить продуктивные отношения с администрацией округа и его главой Александром Васильевичем Филипенко удавалось весьма успешно выработать стратегические ориентиры и добиваться движения вперед. Стенограммы заседаний Думы свидетельствуют о том, что работала команда профессионалов, действительно заботившихся и искренне переживавших за развитие округа, делавших все возможное для обретения им подлинных прав. Из 17 депутатов 2/3 являлись представителями местных органов исполнительной власти. «На том этапе государственного строительства, — говорила Л.А.Чистова, это было оправдано: главы местного самоуправления хорошо знали ситуацию в своих городах и районах,

их нужды, проблемы и достаточно успешно отстаивали интересы своих жителей» [15].

Становление окружного парламента, формирование правовых основ государственного и муниципального строительства стали основополагающими направлениями деятельности Думы первого созыва 1994—1996 гг. Н.П.Барышников — председатель Тюменской областной Думы так оценил ее деятельность: «Считаю, что Дума I созыва ХМАО войдет в историю. Она первая положила и стиль работы, и основополагающие законодательные документы» [5. Ф. 491. Оп. 1. Д. 80. Л. 52].

Список литературы и источников

1. Волостригов П. Какие законы пишет Дума? // Новости Югры. 1995. 18 марта.
2. Дума Ханты-Мансийского автономного округа первого созыва. Справочное издание. Ханты-Мансийск, 1996.
3. Первое заседание Думы // Новости Югры. 1994. 7 апреля.
4. Закон о статусе депутата Думы ХМАО // Новости Югры. 1995. 21 февраля.
5. Казенное учреждение «ГАХМАО — Югры»
6. Кондрякова Г. Два шага назад // Новости Югры. 1994. 14 мая.
7. Кряжков В. Народы ханты и манси обретают правовой статус // Новости Югры. 1995. 30 мая.
8. Никитина Е. Дума думает, Дума действует // Новости Югры. 1994. 31 мая.
9. Никитина Е. Что решила окружная Дума? // Новости Югры. 1994. 28 апреля.
10. Никитина Е. Окружная дума работает лучше, чем Государственная ... // Новости Югры. 1995. 30 мая.
11. Нижневартовский район: страницы истории / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 1997.
12. Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930—2001 гг.: полномочия, функции, структура: Сб. док. Ханты-Мансийск, 2002.
13. Собянин С.С. Правовое положение автономных округов как субъектов Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
14. Устав ХМАО (Основной закон) // Новости Югры. 1995. 4 мая.
15. Чистова Л. Валерий Сутягин: «В работе Думы не должно быть нестандартных ситуаций» // Тюменские известия. 2007. 24 мая.

Глава 2

НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА (1990—2011 гг.)

Кризис конца 1980-х — начала 1990-х гг. незначительно повлиял на демографические процессы в районе. В численности населения наблюдался незначительный прирост. Отток населения был характерен для периода начала 1990-х гг. В 1992 г. из района выбыло на 200 человек больше, чем прибыло [5. С. 89]. Изменения в численности населения хорошо прослеживаются при сопоставительном анализе данных конца советского периода и начала 2000-х гг.

Таблица 1

Население Нижневартовского района в 1989—2002 гг. [6. С. 77]

Населенный пункт	1989 г.			2002 г.		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Нижневартовский район (всего)	28 833	16 007	12 826	33 508	17 512	15 996
Излучинск	10 037	5 805	4 232	15 505	8101	7 404
Новооганск	10 119	5416	4 703	9 717	5 213	4 504
Сельское население	8 674	4 783	3 891	8 286	4 198	4 088

Сведения, приведенные в таблице, позволяют увидеть рост численности населения района. Это заметно и по периоду 1990-х гг. — наиболее сложному в социально-экономическом положении страны, округа, района.

Таблица 2

Численность населения района в 1990-х гг. [14]

Год	Численность населения	В т.ч. коренного населения
1993	32 780	1 860
1995	32 943	2 106
1996	32 900	2 000
1998	33 500	2 100
1999	32 001	2 005

Незначительное снижение численности населения произошло лишь в 1996 и 1999 гг. В 2000 г. численность населения составила в районе 33 300 человек.

По данным переписи населения 2002 г. на территории района было учтено 33,8 тыс. человек. Из них более 2 тысяч — представители коренных народов Севера. По этническому составу преобладают русские. В 2005 г. количество коренных жителей возросло и составило: ханты — 1 881 человек, ненцы — 273, манси — 58, эвенки — 13, шорцы — 11, селькупы — 4 человека.

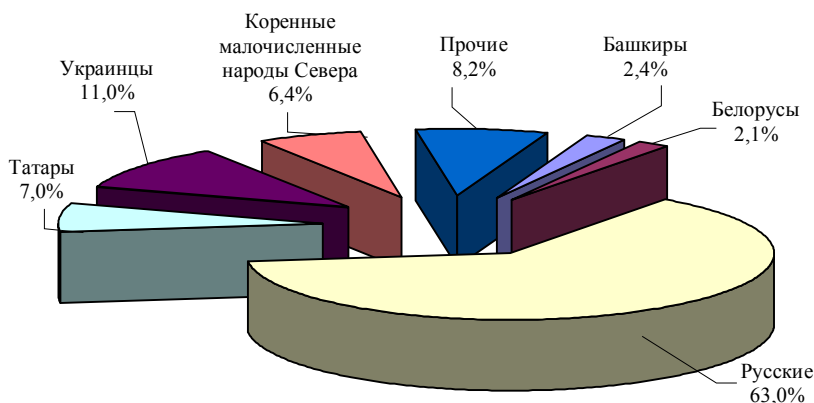
Этническая структура населения Нижневартовского района [3]

Таблица 3

Основные демографические показатели Нижневартовского района за 2003—2005 гг. [15]

Показатели	2003	2004	2005
Среднегодовая численность постоянного населения, тыс. чел.	33,67	33,93	34,16
Родилось, чел.	428	393	407
Умерло, чел.	234	214	189
Естественный прирост, чел.	194	179	218
Число родившихся на тысячу жителей	12,7	11,6	11,9
Число умерших на тысячу жителей	6,9	6,3	5,5
Естественный прирост на тысячу жителей	5,8	5,3	6,4
Прибыло, чел.	987	899	972
Выбыло, чел.	912	839	976
Миграционный прирост (убыль), чел.	75	60	-4
Общий прирост, чел.	269	239	214

Положительная динамика общей численности населения района обеспечивалась преимущественно за счет естественного прироста (более 80% общего прироста в целом за 2003—2005 гг.). Среднегодовая численность населения в 2005 г. составила 34,16 тыс. чел., увеличившись по отношению к уровню 2003 г. На 2,0%. Рост общей численности был обеспечен за счет увеличения численности городского населения (население пгт.Излучинск и пгт.Новооганск). Удельный вес горожан в общей численности увеличился с 75,8 до 77,2%. Среднегодовая численность сельского населения по отношению к уровню 2003 г. снизилась на 3,9% и составила 7,83 тыс. чел. Доля сельского населения в общей численности в 2006 г. составила 22,8% (в 2003 г. — 24,2%).

Население Нижневартовского района стабилизировалось к середине 2000-х гг., и рост его в настоящее время обусловлен не за счет миграций, а за счет естественного прироста. В 2006—2008 гг. в районе фиксировалось увеличение показателей рождаемости и снижение смертности. Число родившихся в 2008 г. составило 463 человека, число умерших — 190 человек. По отношению к предшествующему 2007 г. число родившихся увеличилось на 6,7%, число умерших уменьшилось на 5,9%. Общий коэффициент

рождаемости увеличился с 12,2 человек на 1000 населения в 2006 г. до 13,4 — в 2008 г., общий коэффициент смертности уменьшился с 5,9 в 2006 г. до 5,5 — в 2008 г. Среднегодовая численность населения в 2008 г. составила 34,59 тыс. человек, увеличившись по отношению к 2007 г. на 0,2%. Несмотря на увеличение естественного прироста, процент прироста населения в целом невысок, причина чего отрицательное миграционное сальдо, которое в 2008 г. больше предыдущего года (минус 267 человек).

Таблица 4

**Основные демографические показатели
Нижевартковского района в 2006—2008 гг. [16]**

Показатели	2006	2007	2008
Среднегодовая численность постоянного населения, тыс. чел.	34,35	34,51	34,59
Родилось, чел.	420	434	463
Умерло, чел.	204	202	190
Естественный прирост, чел.	216	232	273
Коэффициент рождаемости	12,2	12,6	13,4
Коэффициент общей смертности	5,9	5,9	5,5
Коэффициент естественного прироста населения	6,3	6,7	7,9
Коэффициент миграционного прироста (убыли)	-2,2	-2,3	-7,7

Если рассматривать демографический потенциал в разрезе поселений, ситуация следующая: естественный положительный прирост населения характерен как для городских поселений, так и для сельских; отрицательное миграционное сальдо является решающей составляющей демографических процессов, которая влияет на уменьшение численности населения в сельской местности. Численность сельского населения за два года снизилась на 4,4% и составила на конец 2008 г. 7,38 тыс. человек. Доля населения сельской местности в общей численности населения района на конец 2008 г. составила 21,3%. Удельный вес населения, проживающего в поселках городского типа (пгт. Излучинск, пгт.Новооганск), в общей численности населения района увеличивается и на конец 2008 г. составляет 78,7% или 27,22 тыс. человек [16].

Население Нижневартовского района в 2009—2011 гг. [17]

Год	Численность населения
2009	34 651
2010	35 800
2011	36 406

В целом демографический анализ показывает, что в районе созданы предпосылки для увеличения показателей рождаемости и снижения смертности населения, стабилизации миграционных процессов, что в свою очередь позволяет прогнозировать и в дальнейшем, пусть и незначительное, но увеличение численности населения района.

Падение добычи нефти, снижение производства в большинстве сфер привело к появлению безработицы в 1990-х гг. Официально она находилась на уровне 3—4%, а фактически составляла 10%. Власть района помогала предприятиям тем, что создавала собственные, районные производства, фактически дотируя их из районного бюджета [1]. В 1992 г. на учет по безработице было поставлено 416 человек. В 1993 г. безработных насчитывалось 86 человек. В 1996 г., по данным на 5 февраля, среди жителей коренной национальности насчитывалось 129 безработных [2. Ф. 51. Оп. 1. Д. 195. Л. 20], что составляло треть от всех работающих. В 1999 г. в Центр занятости обратились 3 142 человека. Всего в экономике района было занято 21 530 человек. Среднемесячная зарплата в 1992 г. составила: в промышленности 26,7 тыс. руб., в строительстве 23,2 тыс. руб., в бюджетной сфере 13,9 тыс. руб. Денежные доходы отставали от роста цен примерно в 2,3 раза. Значительная часть населения имела доходы ниже прожиточного минимума. Покупательская способность рубля за это время снизилась в 7,7 раза и составила в декабре 1992 г. лишь 4,09 коп. к уровню января 1992 г. Темп инфляции за декабрь составил 22%. В течение 1992 г. только 6 раз пересчитывались все пенсии, но прожить на эти деньги было нельзя, т.к. инфляция опережала доходы граждан. Основная часть населения предъявляла спрос только на продовольственные товары первой необходимости. В расходах на покупку товаров низкодходными группами населения

затраты на продовольствие составляли до 90%. Возросла стоимость содержания детей в детских садах, бытовых услуг, оздоровительных путевок и т.д.

Стремительный рост цен на продукты питания и услуги наблюдался и в 1993 г.

Таблица 6

**Розничные цены на основные продукты питания в районе
на 1 ноября 1993 г. [7]**

№	Наименование	Цена
1	Говядина (кг)	2 117 руб.
2	Свинина (кг)	2 418 руб.
3	Масло сливочное (кг)	2 091 руб.
4	Масло растительное (л)	1 133 руб.
5	Мука в/с (кг)	73 руб.
6	Хлеб (кг)	223 руб.
7	Сахар (кг)	652 руб.

Тарифы на авиаперевозки лишь за третий квартал 1993 г. выросли в 2,8 раза. А средняя зарплата в сентябре 1993 г. в районе составила 242 600 руб., т.е. на нее можно было купить лишь 10 кг мяса. 2 700 человек в районе получали пенсии [8].

Таблица 7

**Минимальный потребительский бюджет
[2. Ф. 51. Оп. 1. Д. 66. Л. 39]**

	Январь 1993 г.	Февраль 1993 г.	% марта к январю 1993 г.
Продукты	5 517,0	12 206,61	221,3
Промтовары	5 036,0	6 912,67	137,3
ЖКХ, транспортные услуги	1 020,0	4 399,0	431,3
Итого	11 576,0	23 518,28	203,2

Сведения, приведенные в таблице, показывают безудержный рост цен.

Таблица 8

Размер зарплат, пенсий, пособий [18]

	1995	1996	1999	2000	2001
Зарплата	1 906 678	2 954 486	4 765 000	8 467	11 396
Пенсия	234,6	283,03	583	812,5	1 117,4
Пособие по безработице	219,5	371,8	640	700	700

Из таблицы следует, что пенсии и пособия в 1990-х гг. были настолько мизерными, что оставляли человека за чертой бедности. Речь шла уже о физическом выживании их получателей, если они не имели иных источников дохода. В 1997 г. произошла де-номинация рубля.

Таблица 9

**Динамика изменения потребительской корзины
(продовольственные товары) с января по сентябрь 1998 г. [19]**

На 01.01.98	На 01.03.98	На 01.06.98	На 23.09.98
411,7 руб.	438,2 руб.	429,9 руб.	1 364,56 руб.

Задолженность по зарплате стала обычным явлением в 1996—1998 гг. Так, на 10 сентября 1998 г. она составила 28,8 млн руб. Задолженность по детским пособиям — 1,4 млн руб. [2. Ф. 51. Оп. 1. Д. (без номера): Информация, справки, переписка за 1998 г. Т. 2. Л. 76 об.].

Не без труда осуществлялось снабжение поселков района необходимыми продуктами и товарами. В 1994 г. было завезено 7 тыс. т продуктов питания [9]. Товарооборот составил 17,2 млрд руб., что в 1,8 раза больше, чем в 1993 г. Государственная торговля составляла 38,7%, частная — 32,9%. Товарооборот на 1 жителя составил 522 тыс. руб. [9]. В 1995 г. жителями района приобретено товаров народного потребления на сумму 2 838 млн руб., в 1996 г. — 5 500 млн руб. [2. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 34]. Ухудшение ситуации в 1998 г. заставило администрацию района создать муниципальный продовольственный резерв, принять меры по бесперебойному снабжению населения социально-значимыми товарами. В период с 8 октября 1998 г. по 20 октября

1998 г. были снижены цены на продукты первой необходимости. Администрация района еженедельно отчитывалась перед округом о состоянии экономического положения [2. Ф. 51. Оп. 1. Д. (без номера): Информация, справки, переписка за 1998 г. Т. 2. Л. 76 об.]. Среди мер социальной защиты населения значились и такие, как открытие в магазинах уголков для малоимущих, где товары продавались по сниженным ценам, однако эта идея не прижилась, так как товары по доступным ценам просто отсутствовали. Получила распространение продажа товаров «под запись» в тех магазинах, где продавец знал всех покупателей и доверял им. Существовала проблема с детским питанием. Молочные и фруктовые смеси закупались под квоту нефти. Что касается питания в детских садах, школах, больницах, то оно организовывалось бесперебойно.

Первая половина 1990-х гг. — наиболее тяжелый период в жизни населения района, когда был нарушен привычный уклад, началась жуткая инфляция, обесценивание денег, дороговизна и дефицит. После проведения деноминации ситуация несколько стабилизировалась, однако в 1998 г. она в связи с дефолтом резко ухудшилась.

Зарплата коренных жителей, занятых традиционными промыслами, составляла в 2000 г. 400—600 руб. Трудоустроены были только 305 человек из представителей коренных народов. Бюджет прожиточного минимума в 4 квартале 2000 г. на душу населения составил 2 128 руб., половину расходов составляли продукты питания. В том же году администрацией района разработано положение о порядке предоставления адресной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам.

Таблица 10

**Трудозанятость и доходы населения в 2000-х гг.
[2. Ф. 63. Оп. 1. Д. 41. Л. 4]**

	2000	2001	2003	2004	2010	2011
Занято в экономике	22 770	24 650	27 280	25 680	32 700	33 500
Пенсия	812,5	1 117,4	2 618	3 125	11 505	12 546
Средняя зарплата	8 467	11 396	15 187	16 860	34 364	38 930

Вахтовым методом в 2002 г. из-за пределов района и округа привлекалось к работе 5 140 человек. Средний размер пособия по безработице был ниже прожиточного минимума почти в 3 раза. Большая поддержка оказывалась коренным народам. Так, в 2002 г. на эти цели из окружного бюджета было израсходовано 15 млн. руб., из районного — 2 млн. руб. Районной администрацией даже было принято решение об освобождении коренных жителей от оплаты за услуги ЖКХ [10]. В 2002 г. пенсии получали 3 819 человек, что составляло 11,5% населения района. Всего в районе на поддержку малообеспеченных граждан было израсходовано 50 млн руб.

В 2005 г. среднемесячная зарплата в районе составила 20 921 руб., пенсия — 3 938 руб. 14 коп. За год 746 семей получили субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг [12]. Всего в районе насчитывалось 2 580 граждан льготных категорий, все они получали социальную поддержку. Выплата пособий на детей и по уходу за ребенком обошлась району в 22 413 тыс. руб. Администрацией района выделялись безвозмездные субсидии на приобретение или строительство жилья. Безработица в 2006 г. составила 2,4%. Численность получателей пенсии в районе по состоянию на 01.01.2007 г. составила 4 927 человек. Средний размер назначенной месячной пенсии (без учета дополнительной пенсии) обеспечивал в целом прожиточный минимум пенсионера (соотношение пенсии и величины прожиточного минимума — 104,8%). Среднемесячные денежные доходы на душу населения в 2010 г. составили 30 686 руб. Среднемесячный размер дохода пенсионера — 12 920 руб., среднемесячная номинальная начисленная заработная плата лиц, замещающих выборные муниципальные должности и должности муниципальной службы, — 52 423 руб.

Сейчас основная часть занятого населения сосредоточена на крупных и средних предприятиях со смешанной и частной формой собственности, а также на предприятиях и в учреждениях муниципальной формы собственности. Нельзя не отметить, что около 20% среднесписочной численности работающих в организациях района составляет вахтовый персонал, привлекаемый из других субъектов Российской Федерации, и иностранные работники. Одной из причин, заставляющих вахтовиков длительный период времени жить и трудиться вдали от места постоянного проживания семьи, — более высокие заработки по сравнению

с постоянным местом жительства. Работодатели привлекают иностранную рабочую силу из-за отсутствия специалистов требуемых профессий и квалификаций на местном рынке труда, нежелания местных жителей работать вдали от дома за предлагаемую заработную плату. Сегодня в районе сохраняется дефицит специалистов по некоторым профессиям (в основном рабочих специальностей). На 01.01.2011 г. численность граждан, зарегистрированных в качестве безработных, составила 179 человек.

В 1992 г. коренным образом изменилась структура торговли. Вместо ранее действовавшей ведомственной торговли была сформирована новая структура с различными формами собственности. В составе федеральной собственности осталось 97 магазинов, которые располагались в вахтовых поселках. Общий объем товарооборота составил 956,6 млн руб. Удельный вес продуктов питания в товарообороте — 64%. Отсутствие фондовых поставок продовольствия и товаров народного потребления (кроме муки, крупы, макаронных изделий) привел к тому, что торгующим заведениям стали выделять территориальную квоту нефти для закупки пекарского оборудования и продуктов питания. В начале 2000-х гг. наблюдался рост товарооборота в районе, в том числе на 1 жителя (в 1999 г. он составил лишь 2 971, 9 руб.).

Таблица 11

Товарооборот в районе в 2000-х гг. [20]

	2000	2001	2003	2004	2005	2009	2010
Розничная сеть (в млн руб.)	1 640 81	2 056 46	3 08 707,3	3 19 261,6	1 483 000	2 832 700	2 704 590,0
Потребление товаров и услуг в расчете на 1 жителя (в руб.)	5 966,9	7 410,8	9 8304	47 517	60 378	81 800	78 120

За 2009 г. населению оказано платных услуг на сумму 621 млн руб., за 2010 год — 668 439,0 тыс. руб. В навигацию 2011 г. в отдаленные населенные пункты района различными видами транспорта завезено товаров народного потребления на 2% больше, чем в 2010 г. — более 1 тыс. тонн.

Наибольшую долю учтенных доходов работающего населения составляют заработная плата и выплаты социального характера. Среднемесячные денежные доходы на душу населения составили в 2010 г. 30 686 руб. Средний размер дохода пенсионера составил 12 920 руб.

В 2011 г. среднемесячные денежные доходы на душу населения составили 31 516 руб., среднемесячная заработная плата по полному кругу предприятий — 38 930 рублей. Средний размер дохода пенсионера составил 14 036 руб., средний размер пенсии — 12 546 руб. [11].

Итак, для жителей района особенно трудными выдались начало 1990-х гг. (коренная ломка экономического уклада, инфляция) и период 1996—1998 гг., когда бюджет Нижневартковского района лишился основной части доходов, а в государстве произошел дефолт, что отрицательно отразилось на экономическом развитии территории. За 1996 г. бюджет района недополучил 27,9 млрд руб., в районе сложилась тяжелая финансовая ситуация. Б.С.Хохряков писал в письме от 14 ноября 1996 г. губернатору округа о том, что нет возможности платить зарплату, огромные долги перед строителями, невозможно решать вопросы развития здравоохранения, образования, ЖКХ. В 1997—1998 гг. бюджет недополучил по 40 млрд руб. в год. В начале 2000-х гг. довольно высокой оставалась безработица. Некоторое улучшение ситуации замечено в середине десятилетия, однако, кризис 2008 г. вновь отразился на реальных доходах населения. Несмотря на все трудности, администрация района пыталась все эти годы поддерживать социально незащищенные слои, малообеспеченных граждан. Стабилизация экономического положения прослеживается в 2010—2011 гг.

Список литературы и источников

1. Акопов П. Вахский край — сибирская провинция // Нефтяник. 1999. 28 мая.
2. Архивный отдел администрации Нижневартковского района.
3. Доклад главы Нижневартковского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартковского района за 2006 год. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
4. Доклад главы Нижневартковского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартковского района за 2008 год. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php

5. Нижневартовский район: страницы истории / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 1998.
6. Нижневартовский регион: природа, человек, экология / Под ред. Ф.Н.Рянского. Нижневартовск, 2007.
7. Новости Приобья. 1993. 3 ноября.
8. Новости Приобья. 1993. 23 февраля.
9. Новости Приобья. 1995. 5 января.
10. Нижневартовский район в 2002 г. // Новости Приобья. 2003. 25 марта.
11. Отчет главы администрации Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2011 год. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
12. Отчет администрации Нижневартовского района за 2005 год // Новости Приобья. 2006. 29 апреля.
13. Отчет администрации Нижневартовского района за 2005 год // Новости Приобья. 2006. 29 апреля.
14. Составлена по: Новости Приобья. 1993. 3 ноября; 1995. 26 января; Нижневартовский район на пороге нового тысячелетия. Очерк о Нижневартовском районе. 1928—1998. Нижневартовск, 1998. С. 4; Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 27; Протокол № 15 заседания Думы Нижневартовского района от 7 декабря 2000 г. Л. 83.
15. Составлена по: Доклад главы Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2006 год. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
16. Составлена по: Доклад главы Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2008 год. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
17. Составлена по: Отчет главы Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2009, 2010, 2011 гг. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
18. Составлена по: Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 32; Протокол № 4 заседания Думы Нижневартовского района от 28 ноября 2001 г.
19. Составлена по: Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 51. Оп. 1. Д. (без номера): Информация, справки, переписка за 1998 г. Т. 2. Л. 73 об., 78 об.
20. Составлена по: Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 32; Протокол № 4 заседания Думы Нижневартовского района от 28 ноября 2001 г.; Протокол № 18 заседания Думы Нижневартовского района от 15 декабря 2004 г. Кн. 1. Л. 86—87.
21. Составлена по: Архивный отдел Администрации Нижневартовского района. Протокол № 4 заседания Думы Нижневартовского района от 28 ноября 2001 г. Л. 39; Протокол № 18 заседания Думы Нижневартовского района от 15 декабря 2004 г. Кн. 1. Л. 85.

Глава 3

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ СИМПТОМАТИКИ 2008—2011 гг. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА)

В работах ведущих российских экономистов убедительно доказано, что при неизбежном ограничении к 2013—2015 гг. ежегодной добычи нефти и газа до 4—5% необходимы более высокие темпы экономического роста России, бюджет которой сегодня напрямую ориентирован на продажу нефтесырья. Это существенно усиливает зависимость страны от конъюнктуры внешнего рынка с его ценовой интервенцией свыше 90 долл. за баррель нефти и рентабельностью в нефтегазовой отрасли, согласно только официальным отчетам компаний, в 17—18% [См.: 10].

Подобная ориентация преимущественно на сырьевой характер развития обрекает всю систему производства на стагнационные настроения ценовых ожиданий и сворачивание модернизационных ресурсов не только сырьевых, но и «неторгуемых» отраслей, не зависящих от внешней конкуренции, при хронически слабо-развитой инфраструктуре или же ее отсутствии.

В книге «Югра. Социальное развитие северного региона: проблемы и успехи» бывший губернатор ХМАО — Югры *Александр Филипенко*, не понаслышке зная проблемы региона, на 80% базирующегося на добыче нефти (а с учетом газа и энергетики — более 90%), на вопрос о вкладе добытой в минувшие десятилетия нефти, проданной на 700 млрд. долларов, с сожалением констатировал: «Деньги зарабатывались ради ... нефти», а реализованные суммы вкладывались в новые миллионы тонн. «Нефть стоила дешевле минеральной воды. А за счет дешевой нефти жила вся страна, поддерживая нерентабельные отрасли». Поэтому в новом тысячелетии, по его мнению, следовало вести разговор в иной плоскости: «сколько добывать, какими силами и куда вкладывать» [13].

Сегодня триединая задача «*сколько добывать, какими силами и куда вкладывать*» реализуется на уровне социально-значимых федеральных, окружных и районных программ, том числе

софинансирования, в контексте недавно введенного в документальный оборот такого цивилизационного понятия, как «*качество жизни*». Оно предполагает не только обобщенный показатель «уровня жизни» с его формами потребления материальных благ и услуг, но и степень удовлетворения духовных потребностей, коэффициентами здоровья, продолжительности жизни, качеством условий среды обитания, морально-психологическим климатом и душевным комфортом [1]. То есть всего того, что напрямую относится к сфере жизнедеятельности человека в ее адаптационно-прикладном «социальном звучании». Причем эти индексы сегодня соотнесены с комплексной оценкой итоговых результатов экономической деятельности целых экономических систем, включая федеральный, региональный и муниципальный уровни управления, способные (или не в полной мере) демонстрировать эффективные варианты использования накопленных и создаваемых рентных доходов с их не только экономико-сырьевой, нормативно-правовой, но аналитико-консалтинговой и *этико-нравственной* составляющими [11; 2].

Об этом, в частности, говорила губернатор ХМАО—Югры Н.В.Комарова на пресс-конференции, организованной в Ханты-Мансийске в декабре 2012. Традиционная экономическая модель развития Нижневартовского региона, ориентированная исключительно на нефтедобычу, оказалась «вписанной» в кризисный «протокол о намерениях» мирового «топливно-энергетического сообщества» 2007—2008 гг. В 2009 г. «Стратегия социально-экономического развития Нижневартовского района до 2020 года» определила долгосрочную политику органов местного самоуправления района в экономической, социальной и иных проекциях, в том числе, возможных сценариях регионального развития, согласуя ее с интересами населения местного муниципального образования и стратегическими интересами автономного округа в целом.

За 2009 г. добыча нефти в районе увеличилась лишь в открытых акционерных обществах «Мохтикнефть», «Нефтегазовая компания “Славнефть”», обществе с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть». Сокращение объемов добычи нефти произошло в 11 из 14 нефтедобывающих предприятий района. Снижением объемов добычи более чем на 10% была отмечена деятельность наиболее крупных компаний, доля которых в общем

объеме добычи нефти составляла более 72%. Начиная с 2010 г. основной характеристикой состояния экономики района становился постепенный переход от спада к восстановительному росту, правда, со снижением в 2011 г. уровня добычи полезных ископаемых (96%) и обрабатывающего производства (73,4%) по отношению к предыдущему году.

После вступления России в ВТО российская экономика вновь оказалась перед новыми историческими вызовами, прежде всего стратегического порядка. Нижневартовский район, как известно, формирует значительную долю общероссийского бюджета, добывая в округе треть нефтяных богатств. И в этом плане напрямую участвует в формировании стратегии развития страны, продолжая делать основную ставку на нефтесырьё. А это уже несколько иное «звучание» стратегического фактора, который в современных условиях оказывается историческим заложником тактического типа мышления.

С 6 июня 2012 г. стартовал процесс взаимодействия общественности и окружных органов власти в самом трудном, по словам губернатора Н.В.Комаровой, жанре — общественном обсуждении нового этапа стратегического планирования развития региона и самих положений новой «Стратегии социально-экономического развития ХМАО—Югры до 2020 года и на период до 2030 г.» с созданием общественных советов по реализации положений этого документа.

На сайт и в социальные сети поступило около 200 предложений от граждан округа. На сентябрьском окружном форуме по подведению итогов общественного этапа разработки проекта этого документа губернатор заявила: «У нас есть возможности значительно улучшить условия для жизни в Югре в ближайшие 15 лет». Общая цель Стратегии — достижение лучших стандартов качества жизни и социального благополучия на основе эффективного развития базового сектора экономики (а это — сырьевой!) и формирования необходимых условий для модернизации; кластерной и инновационной политики, а также развития *других отраслей экономики* на территории округа: *«Наши ключевые приоритеты — опережающее развитие человеческого капитала. Повышение уровня и качества жизни населения, устойчивый рост инвестиций в экономику региона, модернизация социальной*

инфраструктуры». Было подчеркнуто, что с целью синхронизировать с нефтяниками и федеральными структурами усилия по решению целого спектра проблем были приняты важные решения по трудноизвлекаемым запасам нефти и геологоразведке. По прогнозам, к 2020 г. на ханты-мансийской земле будет добываться не менее 250 млн т нефти в год, а до 2030 г. — порядка 200 млн т, что позволит региону, по замыслу разработчиков проекта Стратегии, стать инвестиционно привлекательным, с добычей на следующие 50 лет (!) очередных 10 млрд т нефти (!) с учетом развития научных технологий и оборудования [4].

Столь полномасштабное и долговременное планирование в «традиционном» его варианте предполагает наличие мощных инвестиционных потоков, правда, со столь же отсроченным результативным ожиданием. На сегодняшний день универсальным инструментом сотрудничества на нижневартовской земле стал *институт социального партнерства*. Он позволил не просто расширить социально-правовые и финансовые гарантии взаимоконтактов района с предприятиями-недропользователями и иными организациями, осуществляющими здесь свою деятельность. Он изменил сам *«гарантийно-смысловой вектор»* соблюдения социально-экономических и гуманитарно-экологических интересов населения при предоставлении недр в пользование и отводе земельных участков с параллельным увеличением возможности финансирования мероприятий социальной направленности и наполнения экономическим содержанием такого «репродуктивного» понятия, как «качество жизни» в России.

В самый напряженный период 2008—2011 гг. было очевидно, что устойчивое состояние и уровень социально-экономического благополучия района во многом зависят от сложившейся на его территории *инвестиционной активности* с привлечением в экономику района дополнительных активов и повышением инвестиционного к ней интереса, в том числе через разнообразие форм социально-экономического и партнерского гарантийного взаимодействия. Был заключен ряд соглашений о сотрудничестве с ответственными налогоплательщиками — недропользователями, профинансировавшими важнейшие социально-значимые проекты. Ими стали крупные нефтяные компании-гиганты — «ТНК-ВР», «Русснефть», «Томскнефть», «Газпромнефть», «ЛУКОЙЛ-Западная

Сибирь», «Башнефть», «Славнефть», «СибурТюменьГаз», «Нижевартовская ГРЭС». Формы сотрудничества включали в себя социально-финансовые обязательства сторон на уровне договоренностей различного характера [Таблица составлена по: 7; 3]:

Соглашения и финансирование	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Социально-экономические соглашения о сотрудничестве	40	40	38	27	30
Сумма финансирования (млн руб.)	84	49	84,9	81,5	106,2
Соглашения социального партнерства	—	—	—	11	12
Сумма финансирования (млн руб.)	—	—	—	19,3	12,5

Средства направлялись на реализацию администрацией Нижневартовского района долгосрочных целевых программ различной социальной и экологической направленности по поддержке местного населения в целом. Дополнительно для этих целей было привлечено еще 58,3 млн рублей. Правда, формат сотрудничества бизнеса и региональной власти был оговорен на нижевартовской земле еще в 2001 г., продолжая действовать и в последующие годы. Так, крупнейшая компания ТНК-ВР в 2012 г. выделила на различные цели 144 млн руб. с перспективой на 2013 г. — более 172 млн руб. Это позволило резко снизить производственный травматизм, сократить ДТП, установив бортовые системы безопасности и вводя на производственных трассах программу безопасности «Зимняя дорога». В рамках подобного сотрудничества традицией стало *софинансирование* объектов здравоохранения, национальных объединений, учреждений культуры, спорта и др.; финансирование социальных и благотворительных мероприятий, посвященных празднованию Победы в Великой Отечественной войне, фестивалей искусств «Мое сердце — Нижневартовский район»; мероприятий в сфере занятости населения; молодежных программ, оказания помощи инвалидам, пенсионерам, ветеранам, представителям малочисленных народов Севера, социально незащищенных слоев населения, муниципальных учреждений.

В 2012—2013 гг. Нижневартовский район вновь оказался перед проблемой определения собственного будущего из-за истощенности старых месторождений. Конкурентом стала Восточная

Сибирь, где за период 2008—2010 гг. были введены несколько крупных месторождений. К тому же «инновационно-технологический» и «демпинговый прорыв» США с нахлеставшей «сланцевой революцией» и «бросовыми» ценами на нефть и газ (в 4 раза дешевле российских) позволил американским компаниям добывать ранее считавшиеся неперспективными сланцевый газ и сланцевую нефть, что поставило под вопрос судьбу ряда серьезных российских проектов последних лет, бросив очередной технологический вызов нашей стране по разработке трудноизвлекаемого сырья [9].

Позиция руководства Нижневартовского района заключалась в *комплексном взаимодействии* между хозяйствующими субъектами, муниципальными образованиями в границах района, контроле использования земель и местных природных ресурсов, экологическом контроле, создании условий для участия бизнеса в решении социальных проблем района, помощи в предоставлении рабочих мест жителям района и формировании инвестиционных ресурсов для развития территории.

Несмотря на общее снижение объемов добычи углеводородного сырья, объем оказываемых услуг в нефтедобывающей отрасли района вырос в 1,5 раза, а сама добывающая отрасль в структуре промышленного производства составила 93,6%. Обработывающая промышленность была представлена производством пищевых продуктов, издательской и полиграфической деятельностью, производством электрооборудования, машин и оборудования, производством металлических изделий и др.

На месторождениях, расположенных на территории района, производственную деятельность осуществляли хозяйствующие субъекты, входившие в структуры 7 крупнейших вертикально-интегрированных компаний России, а также часть независимых производителей. По данным Департамента по недропользованию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, за 9 месяцев 2012 г. добыча нефти составила 48,0 млн тонн (96,2% к объемам добычи аналогичного периода 2011 г.), газа — 9,4 млрд куб. м. (106% к показателю 9 месяцев 2011 г.). Социально-экономическая стабильность района находилась в прямой зависимости от результатов деятельности и форм сотрудничества с районной властью, которые регламентировали нефтяным гигантам осуществление

социально-ответственного бизнеса. Общеэкономические показатели развития Нижневартовского района в 2008—2011 гг. выразились в следующих показателях [Составлено по: 8; 12].

Производственные показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Добыча нефти (млн т)	80,3	74,4	69,97	66,3
Добыча газа (ест.) (млн куб. м)	0,563	1,259	1,162	1,20
Объем обрабатывающего пр-ва (млн руб.)	923,783	807,2	922,633	953,790

Институт социального партнерства позволил не просто расширить социально-правовые и финансовые формы сотрудничества района с предприятиями-недропользователями и иными организациями, осуществляющими деятельность на районной территории. Он изменил сам «гарантийно-смысловой вектор» соблюдения социально-экономических и гуманитарно-экологических интересов населения при предоставлении недр в пользование и отводе земельных участков с параллельным увеличением возможности финансирования мероприятий социальной направленности и наполнения экономическим содержанием такого «репродуктивного» понятия, как «качество жизни» в России.

Особо остро встали проблемы экологической безопасности в контексте производственных стратегий компаний как части окружной и региональной программ по обеспечению достойного и безопасного качества жизни северян. В самые последние годы стали поэтапно грамотно решаться такие вопросы, как реконструкция факельной установки добываемого газа на знаменитом Самотлоре; устранение текущих ущербов, рекультивация, ликвидация демонтированных трубопроводов. Крупные нефтяные «контрагенты», например, такие как ОАО «СНГ», предложили принципиально новые методики устранения наносимого ущерба — через диагностику трубопроводов методом сплошного сканирования, реализовав идею по контролю за инфраструктурой месторождений с помощью беспилотных летающих аппаратов (БЛА), выявляющих места разлива нефти, несанкционированных работ и врезок в трубопроводы, мест обрыва ЛЭП.

Введение бортовых систем мониторинга почти всей работающей техники призвано профессионально контролировать технологические процессы, в том числе на удаленных участках. Все это

позволило уже в 2012 г. провести рекультивацию нефтезагрязненных участков на площади 250 га и больше половины из них подготовить и сдать. Для этого было выделено 230 млн руб. — на 20 млн больше, чем в 2011 г. В перспективе до 2019 г. СНГ, затратив более 1 млрд руб., планирует очистить от нефтеразливов и восстановить 1 732 га загрязненных территорий, вернув долги природе и человеку [5].

В подобном контексте социальное партнерство выполняет еще одну важную функцию — сохранение экологии человеческой души. В последние годы в Нижневартовском районе возрождаются и строятся храмы. В 2008 г. в рамках заключенного соглашения о взаимном сотрудничестве между администрацией района и открытым акционерным обществом «ТНК-ВР Менеджмент» осуществлялось долевое строительство храма Святого Николая Угодника в пгт.Излучинск (приобретен иконостас). За счет средств территориально-производственного предприятия «Лангепаснефтегаз» построена часовня в поселке Аган. Благодаря сотрудничеству между ОАО «Нефтегазовая компания “Славнефть”» и администрацией района в 2009 г. введен в эксплуатацию храм-часовня в деревне Вата. Подготовлено соглашение между ОАО «СибурТюменьГаз» и администрацией района о строительстве в 2010 г. храма-часовни в селе Большетархово. В рамках социально-экономического соглашения между администрацией Нижневартовского района и ОАО «Нефтегазовая компания “Славнефть”» на 2010 г. было предусмотрено выделение денежных средств на строительство ЗАО «Сервис электромонтажного оборудования» храма-часовни в поселке Ваховск, открытие которого состоялось в оговоренный рамками соглашения срок в ноябре 2012 г. [6].

Масштаб вставших перед районом задач наглядно виден в перечне разновременных разноуровневых программ, реализация которых также является очередным, но уже «рабочим» вызовом [Таблица составлена по: 12; 8]:

Программы	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Целевые программы	37	32	35	33	38
в т.ч.: федеральные	1	2	3	1	1
окружные	17	11	10	6	6
Комплексного развития района (муниципальные)	2	19	22	26 (11 целевых)	31

В муниципальные целевые программы района оказались включены мероприятия по софинансированию 18 целевых программ Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. С учетом корректировок регионального и местного бюджетов объем финансирования по всем целевым программам (районным, окружным, федеральным) в 2012 г. составил 2 252,4 млн руб., в том числе за счет средств федерального бюджета — 16,7 млн руб., окружного — 1 249,4 млн руб. и местного бюджета — 986,3 млн руб.

Примечания

1. Большой экономический словарь. М., 1999. С. 299.
2. Бомба Н.П. Консалтинг как инструмент развития малого бизнеса // Северный регион: наука, образование, культура. 2008. № 1. С. 89—90.
3. Борис Саломатин выступил с отчетом о результатах деятельности администрации Нижневартовского района за 2011 год. URL: www.angi.ru/news.shtml?oid=2786583
4. Новости Приобья. 2012. 15 сентября. № 102 (3986).
5. Новости Приобья. 2012. 20 декабря. № 142 (4026); 2012. 20 октября. № 117 (4001).
6. Новости Приобья. 2012. 20 ноября. № 129 (4013).
7. Отчетные материалы докладов главы муниципального образования Нижневартовский район Саломатина Б.А. за 2009 год и планируемых задачах на 3-летний период. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
8. Отчеты главы Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2008, 2009, 2010, 2011 гг. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
9. РИА Рейтинг. НП. 2012. 22 ноября. № 130 (4014).
10. Россия и мир: в поисках инновационной стратегии: гайдаровский форум — 2011: Материалы международной научно-практической конференции, 16—19 марта 2011 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и др. М., 2011. С. 89, 95.
11. Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике: Сб. ст. СПб., 2009. С. 100, 201, 314.
12. Социально-экономическое развитие района // Нижневартовский район: Комитет экономики администрации. См.: URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php
13. Филипенко А. Югра. Социальное развитие северного региона: проблемы и успехи. Ханты-Мансийск, 2001. С. 45, 46, 48.

Раздел 4

ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Глава 1

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 ГОДА В ИШИМСКОМ УЕЗДЕ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ УЧАСТНИКОВ

В конце января 1921 г. в Ишимском уезде вспыхнуло массовое крестьянское восстание, вскоре охватившее огромную территорию: от Салехарда на севере до Каркаралинска (Казахстан) на юге, от станции Тугулым на западе до Сургута на востоке (в современном административно-территориальном делении — это территории Тюменской с округами ХМАО и ЯНАО, Курганской, Омской, Свердловской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской, Карагандинской областей России и Казахстана). За последние десятилетия оценка историками этих событий кардинально изменилась, значительно расширились и углубились представления о трагических событиях крестьянского восстания 1921 г. в Западной Сибири, ставшего самым крупномасштабным в череде антикоммунистических выступлений в Советской России [24. С. 52].

Однако человеческие судьбы со всей их неповторимостью, поведение участников событий неоправданно выпали из поля зрения историков, что существенно схематизировало, обедняло представления как о Гражданской войне в целом, так и о крестьянских восстаниях 1920—1921 гг. в Сибири в частности. Современные исследователи гораздо больше внимания уделяют политической направленности мятежа, ходу боевых операций повстанческих формирований, характеристике политических устремлений повстанчества, вооруженному сопротивлению сибирского крестьянства политике «военного коммунизма» в целом. Поэтому актуально исследование событий Западносибирского (Ишимско-Петропавловского) восстания 1921 г. в новом ключе, через рассмотрение социально-психологического облика и поведения его участников, прежде всего повстанцев.

Для характеристики социально-психологического облика повстанцев впервые использованы документы фондов № 82 «Ишимская

уездная прокуратура», 12 «Отдел народного образования Ишимского уездного исполнительного комитета» Государственного архива в г.Ишиме; 103 «История коммуны “Заря”» — архивного отдела Администрации Казанского муниципального района Тюменской области, материалы повстанческой газеты «Голос народной армии», издававшейся в 1921 г. в Тобольске.

Несомненно, что основным мотивом массового крестьянского антикоммунистического движения на завершающем этапе Гражданской войны стала доведенная до крайности центральными и местными властями система чрезвычайных мер «военного коммунизма», жестокие, репрессивные формы и методы претворения большевистской продовольственной политики в деревне, преступления продовольственных работников. Можно утверждать, что в повстанческом движении в годы Гражданской войны крестьянство, прежде всего, отстаивало свое право на существование, а подчас и коллективно противостояло угрозе голода, пыталось создать свою собственную, народную, крестьянскую власть.

Введенные с конца августа 1920 г. в Тюменской губернии многочисленные разверстки были явно непосильны для крестьян Ишимского уезда, тем более что в 1920 г. в этом регионе случился сильный неурожай. Однако местное партийное и советское руководство, изымая в ряде мест даже продовольственный хлеб и семена, применяло беспрецедентное насилие по отношению к крестьянству.

В докладе Ишимского уездного исполкома советов были выявлены следующие причины возникновения повстанческого движения: «Нельзя не отметить того, что выполненная в размере 102% хлебофуражная разверстка, выполнение которой шло темпом и методом в высшей степени неорганизованными, и всевозможные ненормальные подходы к крестьянам продработников в силу интенсивной работы и опьянения результатами ее не давали возможности местным органам пресечения вовремя преступных деяний, которые в силу указания губкома и губисполкома откладывались до окончания всех продразверсток и тем скопляли недовольствия крестьян, сгущая атмосферу, при которой достаточно одного призыва, чтобы сделать выступление. Наряду с этим эта неорганизованность осложнялась двойственностью политики губернского продовольственного комитета, выразившейся

в противоречивых распоряжениях о норме, о фураже и об удовлетворении пайком нуждающихся.

Далее, семенная разверстка производилась довольно поспешно, не было проделано политической кампании. Сущность и значение семенной разверстки не были в достаточной мере разъяснены крестьянам. Были применены не обсужденные в широких массах крестьянства методы сохранения семян, что и послужило главным козырем для агитации контрреволюционерам против советской власти.

Семенная разверстка явилась той почвой для контрреволюции, тем огнем, который от неосторожного обращения с ним был сброшен в быстро воспламеняющиеся вещества ... (выделено мною. — *И.К.*) [11. Л. 16—26]».

В дошедших до нас протоколах волостных собраний сельских советов на территории, только что охваченной разгорающимся крестьянским восстанием, отчетливо прослеживается стремление крестьян предотвратить угрозу голода, законным путем покончить с неправомерными действиями по выполнению государственной разверстки.

Так, Готопутовское волостное собрание сельских советов 2 февраля 1921 г. вынесло следующее постановление: «...Усматривая тяжелое положение населения на продовольственном фонде и безвыходность его, сложившуюся на почве ссыпки всех хлебов в общие амбары в выполнение государственных разверсток, какой хлеб был предназначен к вывозке из пределов волости. Несмотря на наши ходатайства об удовлетворении нас продовольствием, как голодающих, получился категорический отказ, ввиду чего **ясно обрисовалась картина голодной смерти** в недалеком будущем, что и заставляет нас **оградить себя от упомянутой смерти**. И потому решили произвести между собой сплоченную организацию **для защиты своих человеческих прав** и весь имеющийся хлеб в общественных амбарах сдать вновь избранным повстанческим органам» (выделено мною. — *И.К.*) [2. Л. 31—31 об.].

В целях взаимодействия с органами Советской власти и предотвращения кровопролития на волостном собрании было решено выбрать делегацию для отправки в г.Ишим. Членам делегации вменялось в обязанность сообщить руководству о тяжелом

продовольственном положении крестьянства, обратив внимание на его голодное существование и на то, что хлеб в общественных амбарах считается неприкосновенным.

Собрание женщин Пегановской волости Ишимского уезда, состоявшееся 31 декабря 1920 г., в ответ на «ударное» выполнение продразверстки (изъятие продовольственного и семенного хлеба), произвол со стороны продовольственных комиссаров постановило такие действия считать незаконными, арестовать продработников Слухина, Максимука, а также милиционеров Журавлева и Кухтина. Продовольственный отряд в числе 9 человек женщины обезоружили, решив отправить его обратно в г.Ишим после окончания собрания. Кроме того, женщины обратились с просьбой к начальнику милиции 4-го участка Ишимского уезда прибыть в село Пеганово для расследования незаконных действий указанных лиц [9. Л. 23].

Первоначально, по крайней мере, в ряде волостей, Ишимское крестьянское восстание имело характер подчеркнутой законности. Однако по мере ожесточения восстания мятежники переходили к прямому насилию, не останавливаясь и перед крайними его формами. Само подавление восстания сводилось только к репрессиям против восставших. Меры вооруженного подавления не обеспечивали успокоения восставших на долгое время, создавая в них чувство озлобления. Жестокость и насилие по отношению друг к другу проявляли обе противоборствующие стороны — крестьяне и коммунисты. Жестокость порождала жестокость, а невозможность реализовать острые потребности приводила к всплеску разрушительной энергии. Повстанческое движение сопровождалось вспышкой деструктивного поведения и его неизбежных спутников — преступности и бандитизма.

Несмотря на ярко выраженную ожесточенность, повстанческое движение в Ишимском уезде носило в большей степени очаговый характер. Единого, повсеместного порыва к антикоммунистической борьбе фактически не было. Крестьянство не поголовно присоединялось к мятежникам, что определялось не только его социально-имущественным положением (в частности, на стороне мятежников, так или иначе, оказалась и сельская беднота). Организаторам повстанческого движения пришлось прибегать к насильственным мобилизациям мужского населения в возрасте

от 18 до 35 (45) лет, в случае надобности не останавливаясь перед репрессиями.

В рядах восставших было немало колеблющихся, просто опасавшихся за свою дальнейшую судьбу людей. Так, в одном из обнаруженных нами воззваний повстанцев (Сергеевского штаба) говорилось: «Много из граждан боятся восстания решительно против Советской коммунистической власти — может восстановиться, и строгою жестокостью отомстит за восстание. Не бойтесь и не думайте, так как весь Дон, Малороссия, Кавказ, все Поволжье, уральские, оренбургские казаки уже 2 месяца назад восстали и сбросили коммунистов. Все войска, воевавшие с Врангелем и с Польшей, повернули винтовки, воюют с коммунистами. Коммунисты держатся, заперлись лишь в Московском кремле, но оттуда их скоро выбьют. Вся Россия восстала, всякое движение поездов прекратилось. В Восточной Сибири от Владивостока до Иркутска установлена твердая власть. Не отложить оружия и дружным напором уничтожить грабительские шайки» [9. Л. 229].

Некоторые повстанческие формирования не отличались прочностью, поскольку мобилизация крестьян в них осуществлялась с помощью методов насилия и принуждения. В частности, по показаниям жителя села Пеганово Д.А.Евсеева, его односельчанин М.Сазонов проводил мобилизацию крестьян на восстание, заявляя, что тех, кто не пойдет на восстание, будут убивать [2. Л. 152].

Часть крестьян просто не желала воевать, а если и воевала, то на ограниченной территории. Так, на допросе восемнадцатилетний крестьянин-середняк села Пеганово Н.Кошкарев показал следующее: «В тот же день приехал, кажется, тот же отряд и стал мобилизовать крестьян. Нас направили в Локтинскую волость, где стояли около двух дней. Потом под силой оружия нас погнали в деревню Мизонову, но, когда бандиты стали отступать, мы повернули и поехали домой. Дома прожили около трех дней, и когда красные стали наступать на нашу деревню, то нас погнали на Уктуз. В Уктузе мы простояли три дня. В Уктузе мы [к нам] послали двух делегатов, которые предложили нам сложить оружие, но начальник уктузского штаба не соглашался сложить оружие и стал стращать расстрелом, если мы не будем воевать. Когда красные стали наступать на Уктуз, то мы спрятались в самане, где и были взяты в плен... » [2. Л. 238—238 об.].

Согласно другим показаниям, «из Смирновой при отступлении все, кто был из Песьяново в отряде Долгушина, уезжали домой, и жили целую неделю. После этого в деревню Песьяново приехал отряд Бардакова и, угрожая оружием, мобилизовал всех ... » [2. Л. 411 об.].

В заявлении К.А.Трифонов, жителя деревни Карьково Пегановской волости, адресованном в Ишимское уездное политбюро, отмечалось: «Пригнали нас на фронт, стали посылать в наступление. Я не хотел идти, также и другие, но граждане той же деревни братья Кошкарковы, Василий и Порфирий, стали нас сзади гнать. Василий Кошкарков обнажил шашку и бил нас по спине» [2. Л. 121].

При этом во многих деревнях формировались и собственные добровольческие отряды, прежде всего, из наиболее пострадавших от Советской власти. Организаторами и руководителями восстания являлись бывшие фельдфебели и офицеры, зажиточные крестьяне, наиболее недовольные Советской властью, представители сельской интеллигенции, духовенство. В целом же социальный состав повстанческого движения был достаточно пестрым: в основном середняки, зажиточные крестьяне, часть бедноты, бывшие военные специалисты, перебежавшие или сдавшиеся в плен красноармейцы (так, в бою в районе села Беловского пулеметчиками у повстанцев являлись сдавшиеся красноармейцы 233 полка), а также уголовники. Отмечались и случаи участия в рядах мятежников представителей милиции (например, на стороне повстанцев оказались милиционеры Озернинской волости — Голованов и Викуловской волости — Григорьев).

Порой межа кровавого противостояния делила даже семьи на два противоположных лагеря. Так, в письме некоего В.Савина сообщалось, что Бокшурганов арестован коммунистами, прибывшими из Мамлютки, а сын его, коммунист, наверное, «кончен» (убит мятежниками. — *И.К.*). По показаниям свидетеля С.С.Варакина, граждане деревни Песьяново Пегановской волости Филиппов Федор и Аверин Егор действительно преследовали Григория Аверина (сына Егора Аверина), хотели убить его за то, что «он записался в партию» [2. Л. 48—49]. Сам Григорий Аверин, 27 лет, также подтвердил этот факт.

Целью повстанческого движения, по достоверным данным военного командования РККА, являлись захват власти и возвращение к старому порядку, привлекавшему, по представлениям мятежников, свободной торговлей и отсутствием коммунистов. Каких-либо преобладающих идеалов в повстанческой идеологии указать нельзя, в ней уживались эсеровские взгляды и самый закоренелый монархизм. В некоторых местах возобновилось, например, титулование по чинам и ношение погон. Политическая платформа как таковая в движении отсутствовала.

Одним из главных руководителей повстанцев Ишимского уезда являлся «бывший поручик» Владимир Алексеевич Родин. Дошедшие до нас единичные документы указывают на то, что В.А.Родин был знаком с военным делом, служил в царской и, видимо, колчаковской армии, проводил среди ишимского крестьянства антикоммунистическую агитацию и, на наш взгляд, принимал участие в организации крестьянского восстания. Владимир Алексеевич Родин учительствовал в селах Налобинском и Дубровском, тесно общался с крестьянами этих и близлежащих сел и деревень. Партийная принадлежность его до конца не проявлена, по крайней мере, в некоторых документах (например, сведениях об учащих, погибших во время февральского восстания) он представлен как беспартийный [4. Л. 64 об.]. Примечательно, что приказы Родина скреплялись печатью Налобинского волостного правления Ишимского уезда Тобольской губернии. Некоторые крестьянские сподвижники оценивали его морально-психологические и организаторские способности достаточно высоко.

В письме некоего В.Савина от 20 февраля 1921 г. давалась следующая характеристика главкома Народной Сибирской Армии В.Родина: «О Родине сообщу, — это учитель школы 2-й ступени, человек с образованием, энергичный и, как видно по его работе, можно надеяться, боевой малый. В случае неудачи где-либо, он немедленно выезжает сам, не волнуясь, направит, и получает успех. С военным делом знаком. С моей стороны, сомнительного нет. О других его товарищах скажу, что это — трусы, в случае чего, так они растеряются и людей переполохают» [20. С. 670].

В отношении «Главного штаба Народной Сибирской Армии», подписанном несколькими руководителями повстанцев, сообщалась такая информация о Родине: «Довожу до Вашего сведения,

что гр. Владимир Алексеевич Родин есть, действительно, по-нашему, самый энергичный человек. Весь наш боевой девиз и есть начат гр. Родиным. Он еще при власти коммунистов вел самую усиленную агитацию против коммунизма и в день восстания крестьянства очень прилежно взялся за это правое дело, тем более, гр. Родин вел в казачестве очень усиленную агитацию в 1918 и 1919 гг., где приобрел себе доверие, а почему и принял на себя этот великий пост Начальника Народной Сибирской Армии по просьбе нашего местного населения, которому подчинились все командующие Народными Армиями от Ялуторовска, Тюмени и Омска. Казачество тоже приняло за Верховного Правителя, которое восстало от Петропавловска до Челябинска, Кокчетова, Атбасара... » [20. С. 670].

Разгоревшаяся повстанческая борьба носила стихийный характер и отличалась жестокостью и непримиримостью. Как и во всяком стихийном народном движении, в мятеже 1921 года была велика роль толпы, таившей в себе стадные чувства, разрушительные и низменные инстинкты. В период восстания (в особенности с февраля по апрель 1921 г.) повстанцами были разграблены и уничтожены ссыпункты, почты, волостные канцелярии, загсы, коммуны, кооперативы и артели, угнано и убито множество лошадей, коров, свиней, овец. Отмечались случаи разграбления сельских школ и библиотек (например, библиотека при Песьяновской школе была частично расхищена, частично сожжена).

Восставшие крестьяне прерывали железнодорожное сообщение на участках Тюмень-Называевская, ЧелябинскОмск, разобрав во многих местах путь; выводили из строя телеграфную связь.

Развернулся широкомасштабный повстанческий террор, направленный на коммунистов, советских работников, милиционеров, продовольственных комиссаров и членов их семей. В советской исторической литературе немало писалось о жестоких зверствах бандитов и кулаков, уничтожавших коммунистов и работников советских учреждений, прежде всего, из чувства классовой ненависти и мести. Еще первые аналитики Западно-сибирского мятежа отмечали, что главными лозунгами его были: «Долой коммунистов! Вся власть крестьянам!» Ярко выраженные антикоммунистические настроения и мотивы отчетливо проявили себя в поведении повстанцев.

К сожалению, коммунисты Тюменской губернии не только беспощадно осуществляли перелом на продовольственном «фронте», но и запятнали свой моральный облик неблагоприятными поступками, в личных интересах легко вступая в конфликт с собственной совестью и «революционной законностью». В массовом сознании послереволюционной поры они нередко отождествлялись с новыми буржуа, «позволяющими себе ненужную паразитическую роскошь» [2. Л. 49].

Любопытно, что заведующий Ишимским домом лишения свободы Павшук 3 мая 1921 г. обратился в редакцию местной газеты «Серп и молот» с просьбой (так и не исполненной) опубликовать его заметку под названием «Буржуа катается». В ней говорилось: «Сижу в квартире по улице Пономаревская, 18, смотрю — подъезжает экипаж на резиновом ходу, в него запряжена пара вороных жеребцов, а в экипаже кто? Мадам Гуськова (жена Гуськова Ивана Максимовича, ишимского уездного продовольственного комиссара. — *прим. авт.*). Теперь спрашивается, товарищи: Неужели мы взяли разверстку для того, чтобы кормили лошадей для проката жен комиссаров? Нет! Эта подлая выходка обостряет крестьян» [2. Л. 48—49].

В порыве духовной экстазии безызвестный автор воззвания Голышмановского штаба народной армии, датированного серединой февраля 1921 г., призывал гражданское население и красноармейцев к самопожертвованию и самоотверженной борьбе с коммунистами: «... Мы, крестьяне великой Сибири, восстали с надеждой победить. И если же нам придется умирать, то помните, братья, что лучше смерть в бою с насильниками, угнетателями, чем умереть от голода с позорным жидовским ярмом на шее. Лучше быть убитым, чем дать глумиться над собой, над достоинством свободного человека... Нам обещали все, но не дали ничего, кроме пули в грудь и тюрьмы. Так помните же, братья, что в этой великой борьбе за освобождение от позорного ига коммунистов и жидов не может быть ни малейшего колебания. Или **смерть** или **победа**» [25. С. 56].

В «садизме ненависти, сладострастии мщения» восставшее крестьянство судило своих реальных и мнимых угнетателей и насильников — коммунистов, продкомиссаров, милицию. Подчас деструктивное поведение, повстанческий террор приобретали

крайне уродливые, гипертрофированные формы, сопровождались всплеском архаичных, темных, животных инстинктов.

Разгоревшееся с поразительной быстротой и силой крестьянское восстание беспощадно сметало коммунистические властные структуры, а крестьяне, казалось, обретали желанную свободу действий. Вслед за исследователем психологии русского крестьянства Н.Н.Фирсовым можно сказать, что толпа, ощутившая свободу действий, подобно ушедшему от погони колоднику, праздновала свой пир. Само ощущение желанной свободы действий вызывало в народных массах чувство радости жизни и желание взять от нее все, что она может дать в настоящий миг воли. Это был своего рода момент массового аффекта.

В аналитическом докладе командира 85 бригады ВНУС Н.Н.Рахманова, участвовавшего в подавлении повстанческого движения, отмечалось, что с самого начала восстания каждая деревня и село формировали сельский штаб, который, в первую очередь, занялся избиением коммунистов, арестом их семей и членов Союза Коммунистической Молодежи [8. Л. 14—14 об.]. Так, коммунист М.П.Семибратов, проживавший в деревне Мишино Пегановской волости, показал, что делегатка из Пеганово объяснила собранию, что «можете арестовать партийных и тех, кто вам сделал обиду». Помимо этого, повстанцы реквизировали скот у семей коммунистов, грабили их имущество. В частности, в предписании одного из повстанческих руководителей содержалось требование «немедленно отобрать скот у семей коммунистов и выслать в село Пегановское» [9. Л. 194]. Аналогичным расправам подверглась и милиция.

Более подробно обстоятельства преследований мятежниками семей коммунистов можно представить, в частности, из донесения в волостную милицию крестьянки деревни Карьково Пегановской волости Евдокии Уросовой. «После убийства мужа, — сообщала Е.Уросова, — ко мне в дом постановили штаб, коменданты штаба были Овчинников Осип Иванович и Смолин Андрей. Председатель Кудрявцев Гордей и судья Омегов Иван, которые осудили двух граждан нашей деревни Тюменцева и Бахтиярова на смертную казнь, после чего их стали бить нижеследующие лица: 1) Осип Овчинников, 2) Лазарь Тюменцев, 3) Яким Тюменцев, 4) Герасим Вакорин, 5) Василий Малышев, 6) Кудрявцев

Андрей, 7) Кудрявцев Федор, 8) Кудрявцев Дмитрий. После этого меня хотели убить, но согласились на том, чтобы арестовать и отправить в Укузское, где избивали коммунарков... После этого приехали с фронта братья Кошкарковы, Елизар, Василий, Порфирий и Михаил, и просили меня убить с детьми. После этого они же у меня все хозяйство растащили, закололи 2-х коров и 7 овец, взяли 12 овчин и сшили себе брюки для фронта и растащили всю одежду» [10. Л. 203—203 об.].

Нередко аресты и побоища коммунистов сопровождались экзальтированным поведением со стороны их участников. Так, пегановский волостной милиционер, член РКП (б) Ф.Соколов доносил командиру 188 пехотного полка, что когда он был арестован мятежниками, по дороге в полдневский штаб конвоиры избивали его пикой и наганом по голове и лицу, приговаривая: «Записались в коммуну, хотели наше имущество разделить и на нашей шее поехать. Врете, сейчас вы отпраздновали! Власть коммунистов пала, и мы вас всех с корнем выведем, и будем хозяева сами, и будем жить по-старому: у нас все будет, сало, масло и хлеба с остатками» [10. Л. 21—21 об.].

В заявлении коммуниста М.Власова, адресованном начальнику милиции 4 района, говорилось о том, что главарь повстанцев Д.Новиков, проживавший в селе Пеганово, настоял убить коммунара С.Власова, которого нагим клал на бревно и бил колом по животу, а также выкалывал пикой глаза [9. Л. 404].

Члены РКП(б) Прытков и Смирнихин сообщали о том, что 11 арестованных локтинских коммунистов доставили в пегановский штаб Народной Армии, раздели их донага, кололи пиками, загоняя в холодное помещение; затем вновь выводили и повторяли удары. Продержав арестантов в холодном амбаре около трех часов, с 12 на 13 февраля их, нагих, поместили на подводы и увезли в село Локти. При этом сопровождавшие коммунистов мятежники кричали: «Будете или нет Бога признавать?!» [9. Л. 350].

Т.Д.Корушин в сборнике «10 лет Советской власти в Ишимском округе (1917—1927 г.)» приводил даже такой факт: «Председатель Алексеевского сельсовета Аромашевского района Зелинский Моисей был бандитами захвачен на постели и в одном белье выведен на снег. Зелинского до бессознания избили и выбросили за деревню. Бандиты этим не ограничились: они принесли соли,

посыпали ею изуродованное тело Зелинского и снова стали бить палками. Не удовлетворившись этим, бандиты придумали новую попытку: они вырезали у зараженного сифилисом кусок зараженного места и затерли его под кожу Зелинского» [13. С. 15].

Подобных фактов жестоких расправ можно привести множество. В таких исторических воплощениях, возможно, чувствовалось что-то «вроде упоения на краю мрачной бездны». Некоторые повстанцы проявили явно садистские наклонности и побуждения, цинизм в отношении своих пленников, занимались мародерством. Так, крестьянин А.А.Сивков в селе Локти убил 5 коммунистов. Множество коммунистов казнил командир мятежников, житель деревни Вяткиной Кротовской волости И.Т.Шарапов. С.Ф.Семенов, вместе с женой, снимал белье с раненых красноармейцев, а также снял золотое кольцо с убитого красноармейца, отрубив его палец [8. Л. 14—14 об.]. Ожесточенность, озлобленность крестьян, причастных к повстанческому движению, порой принимали болезненный характер. Так, согласно следственному протоколу, середняк Е.Аверин заявлял: «Одно могу сказать, что если не дадут мне хлеба, то я все равно кого-нибудь убью за то, что я сижу голодный» [8. Л. 491].

По данным Т.Д.Корушина, Ишимская парторганизация потеряла во время восстания 500 человек, которые были зверски замучены, убиты повстанцами (по архивным данным, в именном списке коммунистов Ишимской организации РКП (б) на 20 апреля 1921 г. насчитывалось 406 человек, убитых и без вести пропавших во время восстания) [13. С. 15]. Очевидно, что цель повстанческого террора была — деморализовать противника, привлечь на свою сторону колебавшихся крестьян, захватить или удержать власть.

Ненависть к коммунистам и олицетворявшемуся с ними строю, жажда мщения ярко проявлялись в настроениях и поведении как ряда рассеявшихся мелких повстанческих группировок, так и в целом наиболее недовольных большевистской властью крестьян и после подавления основных очагов мятежа. В частности, согласно доносу, в июне 1921 г. крестьянин деревни Карьково Пегановской волости К.Кудрявцев говорил: «Нужно еще начать восстание и добить всех коммунистов. Заставили сидеть голодом, и даже вот ехать не на чем, пообобрали всех проклятые. Если бы

попался мне в поле коммунист, то я бы его убил на месте, просидел бы десять лет в тюрьме, только бы убить коммуниста» [5. Л. 523]. Кандидат в члены РКП (б) А.Г.Копытов показал, что «граждане деревни Песьяной Пегановской волости Филиппов Федор и Аверин Егор ждут с часу на час переворота и говорят, что только если придут бандиты, то мы всех коммунистов изрежем на мелкие кусочки, и не будет никогда коммунистической власти, все равно мы ее свергнем» [10. Л. 490].

В донесении Вознесенской милиции, направленном начальнику Ишимской уездной милиции, отмечалось, что 30 сентября 1921 г. появилась группа из пяти человек неизвестного происхождения и захватила в деревне Лукошиной у председателя сельсовета одного красноармейца 29 полка 2 эскадрона Ивана Суличенкова. Неизвестные изрубили захваченного красноармейца около деревни Успенки, прихватив его лошадь, винтовку и шашку.

Крестьянская память о бурных событиях 1921 года, расправах над коммунистами оказалась прочной. Так, Полномочное Представительство ОГПУ по Уралу информировало центральное руководство ОГПУ о том, что в ночь на 20 января 1928 г. в селе Аромашево Ишимского округа во время престольного праздника Крещение, по неизвестной причине вспыхнул пожар арестного помещения, в котором сгорел задержанный милицией пьяный гражданин Казанцев. Брат сгоревшего, Ф.Н.Казанцев, приехав к месту пожара, обращался к собравшейся толпе с призывом к свержению власти, избиению коммунистов и сожжению помещения райисполкома, райкома и милиции; кроме того, не давал населению тушить пожар, выливая привозимую воду. Группа крестьян в 9 человек, возбужденная криками Казанцева, напала на коммуниста Киселева и милиционера Проневича с целью избить их. При помощи некоторых граждан Киселеву и Проневичу удалось скрыться. Крестьянин-середняк из этой группы Захар Никулин кричал: «Нас расстреливают, арестовывают, живых жгут. Терпеть больше не будем. Бей коммунистов! Долой власть!» Он также призывал пойти по квартирам ответственных работников и избить их. На следующий день Казанцев, размахивая одеждой сгоревшего брата перед прохожими, старался собрать толпу крестьян, крича: «Сегодня к нам пришел 1921 год!» [1. Л. 2].

Военный историк П.Е.Померанцев, впервые описывая и анализируя повстанческое движение в русле классовой борьбы, в неопубликованном очерке «Западно-Сибирское восстание 1921 г.» (1922 г.), отмечал: «Погибшие коммунисты были козлами отпущения за весь представляемый ими строй. Зверства, которые были над коммунистами и ранеными и пленными красноармейцами, говорили о стихийной классовой ненависти мелкого хозяина западно-сибирской деревни к сторонникам иного строя... Крестьяне были за новую власть — без остатков политического крепостничества (начальства плюс господ) и без давящей силы капитала (буржуазии)» [18. Л. 4].

Наблюдалось и характерные для Гражданской войны факты коллективной ответственности, когда от рук повстанцев страдали жены и дети коммунистов, учителя, лица, имевшие интеллигентный вид, словом, нередко невинные люди. Так, находившиеся в селе Пеганово под стражей жены коммунистов были изнасилованы семьёй караульными прямо в коридоре (пегановская следственная комиссия приговорила повстанцев, обвиненных в изнасиловании этих женщин, отправить на фронт) [9. Л. 200, 386]. Песьяновский штаб повстанцев, например, подозревая в распространении коммунистической литературы, арестовал заведующую Песьяновской сельской библиотекой-читальней Марию Светлову и отправил ее в Пегановский волостной штаб. Лишь под личную ответственность она была освобождена М.П.Созоновым, занимавшим руководящую должность у повстанцев. В.Варакин и еще пятеро человек были арестованы мятежниками за то, что состояли членами культурно-просветительного кружка. Их освободили из-под ареста благодаря защите жителей деревни Песьяново.

Подробно обстоятельства своего ареста повстанцами передавал в донесении от 2 января 1921 г., направленном в уездное политбюро, учитель Мишинской сельской школы Петр Германов: «31 декабря 1920 г. в 5 часов вечера, во время вечернего занятия учащихся школы грамотности взрослых, в школьное помещение врывается толпа женщин с криком и шумом. Первый отворяет дверь классной комнаты сын бывшего арестованного Фрола Босоногова Николай с радостным видом, видимо, их предводитель, за ним женщины Фиона Шестакова, Дарья Шестакова, Агриппина Уророва, Матрена Смирнова, выкрикивая громко:

“Ты, учитель, арестован и должен к девяти часам вечера явиться в Пеганово, там у нас солдаты арестованы, исполком, совет, ячейка”. На мой вопрос — за что вы арестуете меня — одна из них, Шестакова Фина, говорит: “Сегодня мы арестуем всех коммунистов, а так как Вы — коммунист, учитель, за то Вас и арестуем”... А вечером в мою квартиру входит гражданин деревни Мишиной Иван Терентьев Чукреев 21 года, сын бывшего арестованного Терентия Чукреева, и говорит моим детям: “И вас не сегодня-завтра арестуем, у вас отец — коммунист”» [9. Л. 142—142 об].

В упомянутом докладе комбрига Рахманова отмечалось, что «в Омутинском районе повстанцы подвешивали женщин и детей, у беременных женщин разрезали животы, и все это затем, чтобы в корне истребить семя коммуны» [19. Л. 13 об.]. В докладе Помглавкома по Сибири В.И.Шорина сообщался и такой ужасающий факт: «200 трупов крестьян были найдены в селе Ильинском (на Ишимско-Петропавловском тракте), вступившим туда 25 февраля Образцовым отрядом ВВШС (Высшей военной школы Сибири, находившейся в г.Омске. — *авт.*), которые там валялись повсюду, главным образом, в ямах за кирпичными сараями, в самых разнообразных позах и в искаленном виде, причем было видно, что погибшие были даже не расстреляны, а убиты палками и вилами, и среди них были даже мальчики и девочки до 15-летнего возраста» [17. Л. 32]. В ходе крестьянского восстания только в Ишимском уезде погибло 30 учителей, большинство из которых было заподозрено в принадлежности к партийным [4. Л. 64].

Экстремальная, пограничная ситуация до предела обнажала возвышенные и низменные стороны человеческой натуры. В феврале 1921 г. повстанцы, например, подвергли кровавому погрому коммуну «Заря», созданную вскоре после освобождения этого района 30-й дивизией РККА от остатков колчаковской армии. Коммунары жили по своим законам: отреклись от Бога, не ходили в церковь, вели непонятный образ жизни (вместе пахали, вместе ели в общих столовых, вместе растили детей в яслях, пели и плясали в клубе, не соблюдали церковных праздников). И, главное, перетягивали к себе молодых дубынских парней и девушек. Озлобление крестьян вызывал и тот факт, что власти оказывали коммунарам поддержку, предоставляя значительную хозяйственную

самостоятельность, возможность посильной продрозверстки, не покушались на семенной хлеб.

Судьбу коммунаров повстанцы решали три дня. Коммунистов вызывали на допросы, избивали, издевались. Изнасиловали и убили несколько женщин. Марию Заполеву, коммунарку, вышедшую замуж без венчания и родительского благословения, заколол вилами родной отец, не простивший дочери своего позора.

В слепой ненависти, решив навсегда покончить с легендарной коммуной «Заря», ставшей для повстанцев олицетворением ненавистной коммунистической власти, они зверски убили 144 коммунара, причем тела обреченных жертв, перемежеванные с рядами бревен, были ими сожжены. Страшный костер, словно кровью, обогрил февральское небо. Выражая всю ненависть зажиточного крестьянства к коммуне, коллективной хозяйственной собственности, поп Клавдий наставлял верующих: «Господь велел не только антихристово спелое семя, но и его зародыш огню предавать» [23]. Повстанческим штабом был издан приказ, который предписывал оставлять в живых только маленьких детей до двух лет, а всех остальных членов коммуны безжалостно уничтожать.

Причем убийства коммунистов происходили не только стихийно, но и санкционировались командованием мятежников, в частности, боевой приказ № 2 Евсинскому сельсовету от 9 февраля 1921 г. гласил: «С получением сего предлагается Вам в течение 3-х часов организовать отряд, арестовать всех коммунистов и истребить...» [15. С. 51]. Известны и факты, когда сельские общества, некоторые представители повстанческого руководства спасали своих односельчан, в том числе коммунистов, советских работников и членов их семей, от арестов, самосудов толпы, расстрелов.

Сама логика все обострявшейся борьбы повстанцев и большевистского режима возводила в культ чувства ненависти, мести, непримиримость по отношению к врагу. Печатный орган повстанцев, газета «Голос Народной Армии» в редакционной статье «Или вы, или они» призывала крестьян-повстанцев к жестокой борьбе с насильниками: «Теперь, братья крестьяне, отступления быть не может, теперь одно из двух: или они, коммунисты, сожгут вас живыми на костре, когда придут снова в ваши села и деревни,

а оставшихся в живых поработят так, что в сравнении с этим крепостное право и эпидемия чумы, взятые вместе, казались бы детской игрушкой Или вы должны уничтожить их и тем обеспечить свою жизнь, хозяйственное и культурное развитие ... **Победа или смерть — третьего быть не может** (выделено мною. — И.К.) [12].

Нередко крестьянская толпа, зараженная низменными инстинктами, представляла собой разрушительную силу. Школьный инструктор Ишимского отдела народного образования А.М.Городищенский, оправдывая перед следствием М.П.Созонова, служившего начальником гарнизона у повстанцев, подчеркивал: «Толпа совершенно не признавала его, была полнейшая неразбериха. Арестовывала без его ведома, били никого не спрашиваясь, и заступаться было невозможно, разъяренная толпа стирает с лица земли все, что ей кажется вредным» [10. Л. 479 об.].

Командование мятежников с целью улучшения боеспособности, повышения дисциплины, организованности на фронте и в тылу пыталось провести реорганизацию повстанческих формирований, установить определенный режим охраны порядка, судопроизводства, боролось с мародерством и прочими пороками, характерными для повстанческо-партизанского движения. Так, приказ № 30 начальника Сибирского фронта В.Родина от 20 февраля 1921 г. гласил: «...7. Приказываю невооруженных на фронт не отправлять, т.к. опыт показал, что эта часть армии при первом же выстреле с неприятельской стороны наводит только панику на войска и население своим стремительным бегством.

8. Опыт показал, что милиция, формируемая по назначению, всегда крайне неудовлетворительна по качеству и действует во вред народным интересам. Поэтому приказываю все обязанности ее возложить в волостях и городах выбранным представителям населения, из числа членов временных Советов, а самую охрану населения передать населению.

9. Приказываю организовать следственные комиссии по разбору дел: волостную — по одному члену от каждого населения волости, в городах — городскую, по соглашению общественных организаций с комендантом города из шести человек. Приговоры к смертной казни и ходатайства о помиловании отправлять мне.

10. Всех уличенных в расхищении народного добра из складов немедленно расстреливать.

11. Семьи всех расстрелянных коммунистов должны быть взяты под самый строгий надзор и, если местное население сочтет нужным, под арест.

12. Скот коммунистических семей закалывать и отправлять на фронт» [14. С. 242—243].

Общее собрание командиров 2-го Медведевского полка Народной повстанческой армии 4 марта 1921 г. обязало все штабы и воинские команды объявить населению и войскам, что за самосуд над военнопленными и арестованными, будь они партийные или беспартийные, те лица, которые совершат самочинные расправы, «будут отвечать такую же частью и даже более строже» [14. С. 294].

В докладе серьезного военного специалиста комбрига Рахманова внутренняя дисциплина и способы ее установления в повстанческих формированиях охарактеризованы следующим образом: «В первых добровольческих, собственно, партизанских отрядах, проявлявших свою инициативу и действовавших по своему желанию, дисциплина была очень слаба. При наступлении наших отрядов на ту или другую деревню повстанческие отряды, находившиеся в более или менее отдаленных пунктах, немедленно снимались и стремились защищать свои деревни, оставляя на произвол судьбы другие. В этот период было сильно развито дезертирство. Поэтому всякий командир, вступавший в командование тем или иным отрядом, прежде всего, от последнего требовал гарантии безусловного повиновения своей воле. В последующем периоде с пополнением отрядов призванными по мобилизации возрастами и сведением мелких отрядов в более сильные, командиры получали все более и более дисциплинарных прав в смысле наложения взысканий. А в последний период оставление рядов повстанческой части рассматривалось как тягчайшее преступление против народа и каралось расстрелом. Было вынесено даже постановление раскатывать избы дезертиров, как изменников народному делу. В целом ряде приказов волостным штабам, а затем и комендантам было предписано строго следить за всеми приезжающими и проходящими людьми и отрядами. Ни один народаредец не мог отлучиться от части без разрешения своего командира

батальона и увольнительной записки, а гражданское население в случае надобности переезда по своим надобностям получало соответствующие пропуска от комендантов. Отпускные повстанцы регистрировались в волостных коменданствах. Каждая часть и отряд имели документы о своей приписке к тому или другому штабу, если же таковых не было, то отряды считались блуждающими и разоружались. С принятием этих мер боеспособность повстанческих отрядов значительно повысилась» [20. С. 648].

Эти же сведения подтверждают и обнаруженные нами документы повстанцев.

Расписка:

1921 г. 22 февраля я, нижеподписавшийся гражданин мобилизационного отдела Орловского штаба Василий Демидов, дал настоящую подписку, что я получил с Мишинского совета для доставки в Истошино в хозяйственный отдел печеного хлеба 2 пуда 10 фунтов, в чем и подписуюсь. Демидов.

Удостоверение:

1921 г. февраля 20 дня, предъявитель сего, есть гражданин деревни Песьяной Пегановской волости Герасим Копытов. Командирован в деревню Мишино за сыромятной кожей, взятой у коммуниста Семибратова.

Начальник штаба. Адьютант [10. Л. 184].

Официальная сводка за 12 февраля:

Из Мокроусовой через Жилияково Орловской волости получено радостное известие, что Иркутск пал, и восточные войска спешно идут нам на помощь. Шадринск и Ялуторовск пали, в Кургане бой (явная дезинформация, направленная на то, чтобы поднять боевой дух повстанцев — *И.К.*) [10. Л. 201].

Сводка в Новолоктинский штаб:

В 4 часа утра 14 февраля 1921 г. прибыл перебежчик из деревни Завьяловой, сообщает: в Завьяловой куманьков (так повстанцы презрительно называли коммунистов. — *Авт.*) нет, должно быть,

в Завьяловой 2 милиционера и 1 куманек. На 37 разъезде стоит штаб куманьков. В Безруковой куманьки усилили караулы из крестьян, на каждом посту по 2 верховых. Куманьки находятся в панике. На протяжении железной дороги стоят рабочие и охраняют дорогу. Ночью 13 февраля в Безрукове на колокольне стоял пулемет [10. Л. 188].

В конце февраля 1921 г., под влиянием мощных ударов Красной Армии, в среде повстанцев отмечались раскол и недовольство своим командованием. Однако оборона мятежниками своих деревень отличалась крайним упорством и организованностью, как это было, в частности, в деревнях Травное, Лариха и Локти, многодневная атака которых стоила регулярным частям Красной Армии больших жертв.

После разгрома основных сил Народно-Крестьянской Армии в конце марта — начале апреля 1921 г. повстанческое движение в Приишимье неизбежно пошло на спад, в среде мятежников, ранее ожесточенно сражавшихся с Красной Армией, ярко проявлялись подавленность, страх, растерянность и усталость, недоверие к своим командирам. В сводке ишимского уездного отдела управления за 26 марта 1921 г. приводились, например, такие сведения из Успенского сельревкома Кротовской волости: «23 марта два перебежчика-мальчика сообщили, что бандиты держат путь в город Тобольск. Среди них наблюдается сильное желание разойтись по домам, но застрашивание репрессиями со стороны коммунистов удерживает в бандах; повстанцы почти все босые» [2, Л. 40]. При этом отдельные мелкие группировки мятежников скрывались длительное время и отличались крайней ожесточенностью и непримиримостью по отношению к коммунистической власти.

Трагически закончилась земная судьба многих видных руководителей крестьянского восстания в Западной Сибири, как, впрочем, позднее, в период массовых репрессий 1930-х гг., и его рядовых участников. Характерна в этом смысле, например, судьба главкома «Народной Сибирской Армии» В.А.Родина, убитого своими же сподвижниками. В конце февраля 1921 г. Владимир Родин, заподозренный в измене, был арестован повстанцами, раздет донага, очевидно, подвергнутый пыткам перед смертью, сознался, что «он, Родин, партийный» [19. Л. 15]. При окружении, в боях с Красной Армией, мятежными казаками был

убит и начальник штаба Казачьего войска «полковник» Кудрявцев, служивший до мятежа в Петропавловском военкомате на должности заведующего отделом учета конского состава.

Несмотря на разгром основных сил повстанческой армии, разрозненные формирования мятежников продолжали действовать еще в течение длительного времени (до поздней осени 1921 г.). Руководство оперативными действиями Красной Армии отмечало, что в лесисто-болотистых пространствах (например, на севере Ишимского уезда) бандиты, в совершенстве знающие местность, почти неуязвимы. В приказе по войскам Приуральского военного округа от 30 июня 1921 г. отмечалось, что состав банд (так называли, прежде всего, разрозненные отряды и группы повстанцев) и их численность непрерывно изменяются: то быстро тают, то быстро растут, причем, эти группировки чрезвычайно подвижны. Агентурно-войсковой разведкой было замечено, что каждая банда имеет свое насиженное гнездо, куда возвращается после любых переходов, а местное крестьянство определенных районов пополняет ряды этих формирований. Военными обращалось особое внимание на свойства бандитизма, чрезвычайно затруднявшие с ним борьбу. Так, указывалось, что при неудаче бандиты расходятся по домам и, как только станет легче «дышать», вновь собираются в «партию» и возвращаются в свои гнезда, чтобы пополнить свои ряды и прокормиться.

Летом 1921 г. в Ишимском уезде начался небывалый, массовый голод, который продолжался и в 1922 г. Вспыхнула эпидемия холеры. Крестьяне питались травой, трупами павших животных, собаками. По неполным официальным данным, имелось 8 159 случаев смертности от голода [21]. Небывалый голод, сбор часто непосильного продналога вновь усилили враждебность крестьянства по отношению к РКП (б) и ее представителям на местах. На почве голода принял серьезные масштабы уголовно-грабительский бандитизм, и даже в конце 1922 г. по Ишимскому уезду орудовали мелкие разбойничьи шайки, происходили грабежи и убийства [3. Л. 647, 648—648 об.].

Показательно, что и после жестокого подавления крестьянского восстания в Приишимье происходили самочинные расправы над освобожденными из-под следствия повстанцами, их убийства со стороны милиции и коммунистических ячеек. Данные факты

были порождены атмосферой безответственности и вседозволенности представителей власти и, по сути, являлись различными формами красного бандитизма в Сибири. Уже в конце 1919 г. полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П.Павлуновский в циркулярном письме № 6 под названием «Еще о красном терроре и красном бандитизме» отмечал: «...В Тюменской губернии природа имеющегося там бандитизма еще не выяснена... Начало замечаться следующее: Арестованные ЧК на местах убиваются. Арестованных редко доводят до места, по дороге «при попытке бежать» расстреливают... Устанавливается, что проводниками красного террора на местах являются политбюро (орган ЧК. — *И.К.*) и милиция» [16. С. 68—70].

Наделение органов ЧК и милиции чрезвычайными полномочиями в обстановке бесконтрольности нередко приводило к многочисленным злоупотреблениям и преступлениям. В секретном предписании от 26 февраля 1921 г. отмечалось, что «в губчека поступают сведения о том, что отряды при захвате в плен повстанцев расправляются с ними на месте, то есть расстреливают. А потому председатель губчека просит (убедительно) приказать начальникам отрядов всех задержанных главарей и активных повстанцев не убивать, а направлять в губчека. Так же прекратить массовые расстрелы и бесшабашные расправы над крестьянами в местностях, уже очищенных от повстанцев». Однако эта проблема приобрела длительный и острый характер.

Так, приказ № 76 по Управлению Ишимской уездной рабоче-крестьянской советской милиции от 23 марта 1921 г. гласил: § 5.

Всем районным начальникам Ишимского уезда объявляю выписку из приказа № 4 Президиума губисполкома и президиума Коллегии Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией:

«О милиции. Ни в коем случае не допускать самовольные убийства, самосуды и разьяснить крестьянству, что Советская власть наказывает, и будет наказывать всех тех, кто обманывал, сознательно призывал к восстанию и расстреливал деревенскую бедноту. Но это все должно быть организованным порядком, все активные кулаки и контрреволюционеры будут жестоко наказаны, как виновники восстания, только лишь тогда, когда будет закончено следствие и будет собран материал, обличающий их

в преступлениях против Советской Власти» [6. Л. 79]. Очевидно, что самочинные расправы над повстанцами обуславливались и всепроникающей ненавистью, жаждой мести, незамедлительного наказания своих противников и неуверенностью в том, что органы Советской власти на местах это наказание осуществят в должной мере.

В приказе всем райначальникам, старшим и младшим волостным милиционерам Ишимской уездной милиции от 10 августа 1921 г., отличавшемся уже большей категоричностью, указывалось следующее: «За последнее время Политбюро стало известно, что в некоторых районах милиции производятся самочинные расправы вплоть до убийства со стороны милиции и других личностей с возвращающимися домой гражданами, которые обвиняются в бандитизме и в настоящее время освобожденные под расписку до суда, и этими контрреволюционными выходками — произволами, действуя вопреки всех законов Советской власти, подрывая авторитет Р.К. Правительства, что является недопустимым, и за что Советская власть строго карает, разъясняя, что все возвратившиеся граждане, обвиняемые в бандитизме, к своему месту жительства, это не значит, что они освобождены Политбюро совсем. Нет, они освобождены под подписку до первого требования Политбюро, и ревтрибунал будет решать судьбу таких, и заслуженные меры наказания они должны отбыть» [7. Л. 70—70 об.].

Стихия необузданной мести еще долгое время сказывалась на поведении противоборствующих сторон, духовная атмосфера Гражданской войны способствовала закреплению в массовой психологии ожесточения, нетерпимости, непримиримости, гипертрофированных представлений о роли революционного насилия.

Итак, в заключение можно сделать следующие выводы: социальное поведение повстанчества Приишимья было обусловлено совокупностью социально-политических, экономических факторов, бессистемной, а порой преступной деятельностью губернских и уездных продовольственных органов, ознаменовавших собой крайнюю степень внеэкономического принуждения. По мере развития повстанческого движения оно приобретало все более ожесточенный, деструктивный характер, а социально-психологический облик повстанцев характеризовали всепроникающие

чувства ненависти, мести, жестокости, выливаясь в изощренные формы террористической деятельности. Сохранившаяся в очень незначительном количестве делопроизводственная документация, принадлежавшая собственно повстанцам, свидетельствует о попытках командования мятежников с целью улучшения боеспособности, повышения дисциплины, организованности на фронте и в тылу провести реорганизацию повстанческих формирований, установить определенный режим охраны порядка, судопроизводства, бороться с мародерством и прочими пороками, характерными для повстанческо-партизанского движения.

Среди мятежников можно выделить следующие социально-психологические типы: идейные лидеры (абсолютное меньшинство, например, В.А.Родин); палачи (те, кто принимал участие в расправах над коммунистами); люди, преследовавшие в ходе восстания узко прагматические, корыстные интересы; индифферентные к происходившим событиям, насильно мобилизованные крестьяне, для которых были свойственны политические колебания, непонимание происходивших событий.

Выводы русского историка крестьянства Н.Н.Фирсова, исследовавшего Пугачевщину, вполне актуальны и для изучения социальной психологии участников повстанческого движения 1921 г. в Западной Сибири: «Кто не знает, что психология народного мятежа — страшная психология. Чувства ненависти и мести, воспитанные в народной психике бесконечным рядом лет бесправия, произвола, унижений и всяческого гнета, но чувства, сдерживаемые господствующими порядками и страхом его жестоких кар, становятся внезапно активными, действующими психическими силами, лишь только хотя бы на миг один коллективному сознанию низших слоев представится, что пришло, наконец, время, когда можно покончить и со страданием вековым, и с вековым рабством народа» [22. С.212].

Список литературы и источников

1. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43 а. Д. 1678. Л. 2.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Ишиме» (ГБУТО «ГА в г.Ишиме»). Ф. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 31—31 об., 40, 48—49, 49, 121, 152, 238—238 об., 411 об.

3. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 2. Оп. 1. Д. 133. Л. 647, 648—648 об.
4. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 12. Оп. 1. Д. 101. Л. 64, 64 об.
5. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 18 сч. Оп. 1. Д. 2. Л. 523.
6. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 18 сч. Оп. 1. Д. 119. Л. 79.
7. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 18 сч. Оп. 4. Д. 5. Л. 70—70 об.
8. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 18 сч. Оп. 5. Д. 17. Л. 14—14 об., 491.
9. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 82 сч. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 142—142 об., 194, 200, 229, 350, 386, 404.
10. ГБУТО «ГА в г.Ишиме». Ф. 82 сч. Оп. 1. Д. 2. Л. 21—21 об., 184, 188, 201, 203-203 об., 479 об., 490.
11. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО). Ф.р. 2. Оп. 1. Д. 231. Л. 16—26.
12. Голос Народной армии (Тобольск). 1921. 19 марта.
13. Десять лет Советской власти в Ишимском округе (1917—1927 г.) / Под ред. Т.Д.Корушина. Ишим, 1927.
14. За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание 1921 г. в Тюменской области. 1921: Сб. док. / Сост. В.И.Шишкин. Новосибирск, 2000.
15. Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 г.) Ишим, 1926.
16. Кубрин Ю.Н., Петрушин А.А. Организация и деятельность Тюменской губчека (1918—1922 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1998. Тюмень, 1999.
17. РГВА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 99. Л. 32.
18. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 99. Л. 4.
19. РГВА. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 17. Л. 13 об., 14—14 об., 15.
20. Сибирская Вандея. 1920—1921. Документы: В 2 т. / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; Сост. В.И.Шишкин. М., 2001. Т. 2.
21. Трудовой набат (Тюмень). 1922. 22 сентября.
22. Фирсов Н.Н. Пугачевщина: Опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. М., 1921.
23. Швецов Н. «Зари» немеркнувшее пламя // Заря коммунизма (с.Казанское). 1986. 22, 27 февраля.
24. Шишкин В.И. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2. С. 46—54.
25. Шишкин В.И. К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 55—62.

Глава 2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В 1930-х гг.

Работа учреждений культуры округа в предвоенное десятилетие сосредоточивалась на таких приоритетных направлениях, как ликвидация неграмотности, агитационно-пропагандистская деятельность и политпросветработа. Развитие культуры, понимаемой в широком смысле, в этих условиях было тесно интегрировано с пропагандой новых советских ценностей, социалистического образа жизни, что относилось и к декларируемой необходимости развития национального искусства и литературы. Накануне войны были предприняты лишь первые шаги по развитию самобытных культурных традиций народов Севера, и эти шаги были также неотделимы от политико-просветительских мероприятий советской власти. В этом заключался противоречивый характер развития культуры в 1930-е гг.

Одним из направлений советской культурной политики являлась организация политико-воспитательной работы с населением. Охват взрослого населения политпросветработой в Ямало-Ненецком округе отражен в обзоре, составленном для руководства новой области — Обско-Иртышской (1934 г.). Сведения представлены неполно, и это говорило о том, что руководство округа не владело ситуацией и не знало реального положения дел в данной сфере.

Таблица 1

**Политпросветработа в Ямало-Ненецком округе в 1932—1934 гг.
[4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 48]**

	1932	1933	1934
Намечено обучить	466	2 015	1 300
Обучаются	466	сведений нет	сведений нет
Ликвидаторов	6	9	12
Посетивших красные чумы	сведений нет	сведений нет	сведений нет
Посетивших красные уголки	сведений нет	сведений нет	сведений нет

«Современный культурный уровень населения очень низкий. С организацией Обско-Иртышской области новое руководство области уделяет максимальное внимание поднятию культурного уровня тундрового населения. Грамотность коренного населения очень низка» [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 48].

В связи с наличием значительного количества спецконтингента в структуре населения округа в 1931 г. хозяйственным органам было поручено в спецпоселках закончить строительство клубов, изб-читален, красных уголков. Низкие темпы жилищного строительства оттягивали сдачу объектов социально-культурного назначения, поэтому во многих местах эта работа велась в непригодных зданиях или не велась вообще. Еще сложнее обстояло дело с подбором кадров для культурно-массовой работы. Чаще всего эта работа возлагалась на учителей.

В 1931 г. в Салехарде была создана окружная библиотека. В 1940 г. ее фонд составлял 22 тыс. экземпляров. Число читателей — 1 200 человек [4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 42].

На должность культработников, избачей назначались комсомольцы, в крайнем случае — молодежь из числа спецпереселенцев. Ставилась задача организации культурно-воспитательной работы среди спецпереселенцев, причем необходимость реализации этой задачи объяснялась не только целями закрепления населения в местах проживания, подготовки грамотных кадров, но и политическими — «перевоспитания кулаков».

Ответственность за развертывание воспитательной работы среди спецпереселенцев была возложена на Народный Комиссариат просвещения СССР. Необходимо было создать сеть школ и культурных учреждений в спецпоселках, принять меры по выполнению Закона о всеобщем начальном образовании, организовать работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Для работы привлекались не только учителя школ, но и учащиеся старших классов. Занятия проводились в добровольном порядке, в первые годы ссылки — на платной основе. Этот вопрос был на контроле окружных партийных и комсомольских организаций на протяжении 1930-х гг.

Постановлением СНК СССР о спецпереселенцах (август 1931 г.) определялись следующие меры «по отрыву молодежи от контрреволюционного влияния кулаков-стариков»: «Создание

на производстве особых молодежных бригад, вовлечение молодежи в трудовое соревнование и ударничество; для улучшения политико-просветительной работы в молодежных бригадах учреждение института политруков из числа коммунистов и комсомольцев; введение первоочередного снабжения спецпереселенческой молодежи литературой; организация различных кружков». Несмотря на правовые ограничения, этим циркуляром рекомендовалось использовать молодежь в аппаратах кооперативной сети на низовых должностях. Мало того, «учитывая необходимость скорейшего отрыва от контрреволюционной части кулачества», признавалось возможным досрочное восстановление в правах молодежи, если она проявит себя «с положительной стороны», вплоть до предоставления права свободного проживания.

Органы ОГПУ и ВЛКСМ должны были в короткий срок разработать подробные указания о работе с молодежью. 5 октября 1931 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе среди спецпоселковой молодежи», в котором перед местными организациями ВЛКСМ ставились задачи развертывания «широкой культурной и воспитательной работы», при этом особое внимание обращалось на широкое внедрение социалистического соревнования и ударничества — одного из факторов, способствовавших в короткий срок осуществлению подготовки кадров лесной и рыбной промышленности, переходу «от сохи» к машинному производству. Соревнование, ударничество, а затем стахановское движение стимулировали эффективное использование новой техники, освоение новых технологий, способов и методов работы. Были приняты меры, направленные на улучшение подготовки молодых рабочих.

Первые обследования культурно-массовой работы в спецпоселках обнаружили ее слабое развертывание. «Учительница в поселке не живет, а, следовательно, в поселке совершенно отсутствуют какие-либо культурные силы, которые бы могли производить воспитательную работу с переселенческой молодежью», — отмечалось в одном из актов проверки.

Большое значение в воспитательной работе придавалось печатному слову. Уже в 1933 г. спецпереселенцы имели возможность подписаться на центральные и местные газеты. В каждом спецпоселке выходили стенные газеты, которые своими материалами

должны были «мобилизовать внимание спецпереселенцев на борьбу за выполнение производственных заданий, за лучшее и быстрое хозяйственное освоение и оседание спецпереселенцев на местах ссылки, перевоспитание лояльной части спецпереселенцев, в особенности молодежи, вырабатывая из них будущих сознательных участников строительства социалистического общества».

Особое внимание партией и государством уделялось воспитанию молодежи, которая, согласно директивам ГУЛАГа, «должна быть поставлена в особо благоприятные условия, дающие возможность через систему культурно-воспитательной работы изолировать ее от вредного влияния кулачества» [2. С. 59—61].

Особенно охотно молодежь посещала драматические, хоровые, музыкальные кружки, меньший интерес вызывали занятия в кружках безбожников, политекружках. Особо хочется сказать о театральных постановках. О них и сегодня вспоминают с теплом те, кто в суровых условиях ссылки находил в себе силы, физические и духовные, общаться с искусством.

В циркулярном письме Обско-Иртышского обкома ВКП (б) (март 1934 г.), разосланном в районы и округа области, отмечалась неудовлетворительная работа по развертыванию культурно-массовой и просветительской работы. В частности, указывалось: «... помещения для культмассовой работы полностью не оборудованы» [5. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 114].

В докладной записке Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б) «О материальном и культурно-бытовом положении трудпоселенцев» от 27 июля 1935 г., направленной в Омский обком партии и начальнику Омского областного управления НКВД, сообщалось о четырех трудпоселках и объектах соцкультбыта в них. В трудпоселке в Обдорске имеющаяся школа не могла вместить всех учащихся, потому занятия проходили в две смены, что было запрещено Наркоматом просвещения. Отмечалось, что в Ново-Портовском трудпоселке действовали клуб, изба-читальня, однако размещались они в помещениях, первоначально предназначенных для жилья, что в условиях острой жилищно-бытовой проблемы было не совсем разумно. В Тазовском трудпоселке не было ни одного культурно-просветительского учреждения. Ни в одном из пяти спецпоселков округа в 1935 г. не было построено специальных зданий для клубов [5. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 234. Л. 3—4].

Борьба с неграмотностью в 1930-е гг. приобрела новую актуальность. Ежегодно государством выделялись средства на содержание изб-читален, библиотек и на выплаты зарплат избачам и ликвидаторам. Принимали участие в обучении неграмотных культармейцы из среды учащихся школ. В 1937 г. в Наркомате просвещения Н.К.Крупской было проведено совещание по вопросу ликвидации неграмотности среди народов Севера, сыгравшее известную роль в решении проблемы. В советской историографии было распространено мнение о том, что ликвидация неграмотности среди взрослого населения на Обском Севере была завершена к 1940 г. [8. С. 47]. Анализ же документов показал, что неграмотность полностью не была ликвидирована в округах к началу войны.

В Ямальском округе борьба с неграмотностью проходила с огромными трудностями. В газете «Нарьяна Нгэрм» от 12 мая 1937 г. говорилось: «Руководство ликвидацией неграмотности ограничивалось обследованями и проверками. На днях комиссия поселкового совета проверила состояние неграмотности в Салехарде. Проверка обнаружила вопиющие факты безразличного отношения хозяйственников и профработников к этому делу. В затоне Рыбтреста школа не имеет постоянного пристанища. Кочевать из помещения в помещение учащимся надоело, и поэтому они идут в школу весьма неохотно. Ликвидатор Беломоин уроки проводит неумело, в частности, он не объясняет учащимся непонятных слов. Учебная программа не выполнена. По русскому языку вместо 145 часов пройдено 11. По арифметике только 7 против 123 по программе. В артели “Заполярный строитель” положение с ликвидацией неграмотности еще хуже. К ним послали квалифицированного педагога, а председатель артели отказался оплачивать труд учителя. Тогда предложили ему подыскать культармейца, но Дронзиков заявил: “И культармейца искать не буду, отвяжитесь от меня”» [4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 11].

Отдельные предприятия и учреждения обязаны были составлять планы по ликвидации неграмотности и вести соответствующую работу. По системе Рыбколхозсоюза план был представлен в следующем виде:

Таблица 2

План по ликвидации неграмотности и малограмотности на 1938/39 учебный год в Ямало-Ненецком округе [4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 196]

Район	Подлежат обучению
Приуральский	233 чел.
Пуровский	98 чел.
Тазовский	215 чел.
Шурышкарский	143 чел.
ВСЕГО	689 чел.

В декабре 1939 г. руководство Омской области рассмотрело вопрос об итогах ликвидации неграмотности взрослого населения. Констатировалось, что в Ямальском округе неграмотные составляли 17,2%. Эти сведения нельзя признать достоверными, так как, согласно материалам переписи населения 1939 г., взрослое население коренных национальностей округа было почти сплошь неграмотно. Результаты кампаний ликвидации неграмотности были плачевны, однако руководство области умышленно или по неведению представляло ситуацию совсем в другом свете. Проблема грамотности в округах оставалась нерешенной до второй половины XX в., а на Ямале и в годы «развитого социализма» она не получила полного разрешения [13. С. 69—70].

Для Ямальского округа было характерно наличие специфических видов культурных учреждений, обусловленных особенностями края, — красные чумы, дома туземцев, культбазы. Красные чумы формировались как опорные очаги распространения идей советской власти и культурных начал в отдаленных и труднодоступных районах тундр и тайги. Распространенное в советской историографии утверждение, что красные чумы являлись проводниками советской культурной политики, не подкреплялось в трудах В.А.Зибарева, Л.Е.Киселева, М.Е.Бударина конкретными фактическими примерами, а ограничивалось лишь констатацией. Новые источники позволяют более пристально рассмотреть деятельность красных чумов, хотя стоит заметить, что источниковая база по изучению деятельности названных учреждений, весьма специфических и характерных только для Севера, невелика.

Обнаруженные документы не позволяют в полной мере прояснить ситуацию в вопросах создания, финансирования, состава кадров и деятельности этих учреждений в округе. Имеющиеся сведения представлены отрывочно, фрагментарно, однако общие тенденции выделить можно. Ямальский красный чум был первым в Обдорском районе. По решению Тобольского окрисполкома Ямальский чум планировался к созданию летом 1930 г. Ориентировочная смета на организацию чума и годичное его содержание для обслуживания Обдорской тундры составляли 11 820 руб. Другая смета для этого же чума, но составленная чуть позже, отпускала больше средств — 16 тыс. руб. Однако обещанные деньги в назначенный срок не поступили, о чем имеется тревожная телеграмма из Обдорска за подписью заведующего Ямальским красным чумом Сергеева. В «молнии», адресованной в Тобольский окрисполком и окроно, сообщалось, что нет сведений о штате и ставках работников чума. Выделенные 10 тыс. руб. все еще не поступили, что ставило под угрозу срыва запланированный выезд чума [4. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26 а. Л. 188, 189, 214].

В ответной телеграмме окрисполкома в Обдорск говорилось, что окроно переводит 2 тыс. руб. на содержание красного чума, и предлагалось найти виновных в задержке выезда чума в тундру. В телеграмме содержалась информация о том, что штатное расписание было предоставлено еще в марте 1930 г. Упоминалось также, что ранее были переведены деньги для чума, поскольку сообщение о его готовности поступило в октябре 1930 г. Фактически деньги были, по-видимому, истрачены, однако чум деятельность так и не развернул. Решением Тобольского окроно от 27 сентября 1930 г. для Ямальского чума выделялась кинопередвижка. Тогда же, осенью, в Свердловск в Совкино был командирован Тихомиров для решения вопроса о прокате и подборе кинофильмов для красных чумов Тобольского Севера. Так, в списке фильмов для кочующих красных чумов были следующие картины: «По дебрям Уссурийского края», «Тунгус с Хенычара», «Пасынки солнца», «Алкоголь», «Венерические болезни» [Там же. Л. 191, 226].

На I Ямальском съезде советов (февраль-март 1932 г.) в округе планировалось организовать 6 красных чумов [4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 35]. В «Положении о кочевых советах», рассмотренном

на II пленуме Ямальского окрисполкома в 1933 г. (в связи с развертыванием деятельности советов), упоминалось, что все красные чумы направлены в тундру для обслуживания кочевого населения, но сколько их было в действительности — об этом информации нет [Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 13 об.]. Можно предположить, что в первой половине 1930-х гг. в округе не удалось развернуть повсеместно работу чумов, что вытекало из политической ситуации. Во второй половине 1930-х гг. в связи с развертыванием коллективизации и созданием системы советов, а также открытием Ямальской культбазы, возникали условия и для создания красных чумов.

При Ямальской культбазе красный чум начал работу с 5 апреля 1938 г., до этого культбаза красного чума не имела. Районом деятельности красного чума являлась Южно-Ямальская тундра Ямальского района. В состав чума входили: заведующий чумом Хайкин, врач Савраткин, массовик-переводчик Яков Сметанин, пастух Вануйто Маку, чумработница Вануйто Варвара. Красный чум имел 100 голов транспортных оленей и оборудование на сумму 5 тыс. руб. В отчете заведующего культбазой за 1938 г. говорилось: «Состояние работы красного чума и его обеспеченность оборудованием из-за отсутствия связи и материалов определить нельзя» [Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 43, 47].

Накануне войны при Ямальской культбазе функционировало два красных чума. Они круглогодично кочевали с оленеводами, с ними всегда направлялись медицинский работник, ветеринарный или зоотехнический работник и инструкторы по колхозному строительству или массовой работе. Красные чумы проводили производственные совещания, беседы, организовывали праздничные торжества. В первый же год работы выяснилось, что многие ненцы обращаются в красный чум с жалобами на некоторых торгово-заготовительных работников или просят разобрать спор между самими ненцами. Решили, что надо обеспечить постоянное нахождение в красном чуме представителя власти, и с чумом стали кочевать работники райисполкома или кочевого совета.

В источниках упоминается Ныдинский красный чум, но известно о нем крайне мало. В 1936 г. его возглавлял Алексеев, который обучал в нем детей грамоте [5. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 980. Л. 52]. Красный чум накануне войны действовал в Приуральском

районе. В одном из отчетов Ямальского окружкома Омскому обкому ВКП (б) сообщалось об этом: «Красный чум — 1, который обслуживает коренное население во время календария по плану работы. Однако в настоящее время даже место пребывания этого чума неизвестно» [Там же. Д. 2385. Л. 95—96].

В 1938 г. работал Северо-Ямальский красный чум, который возглавлял Городилов, однако, где он размещался и какую территорию обслуживал, неясно. В связи с передачей Ямало-Ненецкому округу Шурышкарского района (ранее входившего в Остяко-Вогульский округ) был передан в округ и красный чум. С 1931 по 1940 гг. число красных чумов в Ямало-Ненецком округе возросло.

Таблица 3

**Число красных чумов в Ямало-Ненецком округе в 1931—1940 гг.
[4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 15]**

1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
1	3	4	5	5	6	7	8	8	8

Всего накануне войны в Ямало-Ненецком округе было 8 красных чумов. Очевидно, что чумы при культбазе были лучше оснащены и лучше обеспечены кадрами. Ямальский окрисполком в отчете о культурной работе в округе за 10 лет писал: «Красные чумы ведут свою работу в гуще кочевого населения. Они передовые форпосты культуры в тундре. В этом их огромная политическая роль и значение. Санитарно-гигиенический минимум, обучение грамоте, пропаганда школы и вербовка детей, постановка кинокартин, проведение докладов и бесед на политические и общенаучные темы — вот далеко не полный перечень работы красных чумов» [Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 43].

В одном из отчетов о деятельности культурных учреждений Омский обком ВКП (б) констатировал: «Работа красных чумов стоит на низком уровне, т.к. этой работой, начиная от района и кончая парторганизацией, никто не руководит» [5. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 7]. Преувеличивать деятельность красных чумов, по-видимому, не стоит. В большей степени она носила пропагандистский характер, не оказывала большого влияния на население, поскольку охватывала своей работой незначительную его

часть. Тем не менее, работники чумов старались донести наряду с политикой минимум культурно-просветительских навыков, что способствовало распространению культурных начал в быту коренного населения.

Сведения о Шурышкарском красном чуме почерпнуты из отчета чума за второе полугодие 1934 г., что позволяет предположить, что работа была развернута не ранее весны 1934 г. В составе чума работали 3 человека: заведующий, медик и культработник. Цель деятельности красного чума была сформулирована следующим образом: «развертывать культурно-массовую работу колхозов и трудящихся единоличников, оказывать медпомощь и прорабатывать постановления партии и правительства» [Там же. Л. 16]. В отчете были перечислены основные мероприятия чума: собрания (8), совещание техруков, производственные совещания с пастухами (5), работа по ликбезу, оказание медпомощи (298 человек). Авторитет медика Рогачева был весьма высок. Чум совершал выезды в туземные советы: Сынский, Шурышкарский, Мужевский, Кушеватский. Ощущался недостаток в работниках. Требовался ветзоотехник и переводчик. Анализируя работу чума, автор отчета писал, что нужно, чтобы чум работал круглый год, имел личное стадо для передвижения, конкретный план работы и границы обслуживаемой территории. У красного чума отсутствовали наглядные пособия, плохо обстояло дело с оборудованием. Не хватало самого необходимого: палаток, кинопередвижки, фотоаппарата, бинокля и др. [Там же. Л. 16—20].

Очагами распространения новой культуры были Дома народов Севера. Иногда они носили название «Дом туземца». В Ямало-Ненецком округе в крупных населенных пунктах были созданы Дома ненцев. В местах активной торгово-заготовительной деятельности народные дома возникли уже в начале 1930-х гг. В 1938 г. В Ямало-Ненецком округе насчитывалось 5 домов ненца [1. Ф. П-135. Оп. 8. Д. 1. Л. 108]. Чем занимался Дом ненцев? Главное развлечение — показ кино, а также кружки по интересам; как правило, действовал и кружок ликбеза. Работники дома и советские активисты организовывали выступления с лекциями, беседами, а также концерты.

В конце 1930-х гг. при Доме ненца в Салехарде работали кружки: драматический (15 постановок, обслужены 5 976 человек),

хоровой (18 человек, дано 2 концерта, обслужены 875 человек), духовой оркестр (17 человек). Киносеансов проведено 300, посетили их 31 200 человек.

При Ямальской культбазе также существовал Дом народов Севера. Накануне войны деятельность Дома народов Севера осуществлялась достаточно активно, что хорошо представлено и прослеживается в отчете его заведующей Н. Колесниковой [4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 30—32]. Теперь дом осуществлял работу не только стационарно — его сотрудники выезжали в рыболовецкие колхозы во время промыслов прямо на пески. Основной задачей являлось проведение культурно-массовой работы и организация школ ликвидации неграмотности. Для этой цели были организованы красные уголки в колхозе «Харп», а также в коллективных хозяйствах им. Сталина, им. 2-й пятилетки, им. Смидовича. Каждый уголок имел патефон, пластинки, шашки, шахматы, литературу, все необходимое для проведения занятий по ликвидации неграмотности. Уголки находились в Варне, Лае, Наричах. Работники дома выезжали регулярно на красной лодке к рыбакам, в красных уголках проводили беседы на политические, бытовые, медицинские темы, а также кампании по подписке на заем, вербовке детей в школу и др. Колесникова указывала, что беседы шли на пользу, особенно в части санитарии и гигиены. В чумах становилось чище, женщины регулярно мыли полы, начинали использовать мыло, просили сшить белье и одежду (костюмы), разрешали остричь волосы. «Массовик-ликвидатор неграмотности Алеша Капшев каждый выходной день в уголке открывал парикмахерскую. Бывали дни, когда он брил 8—9 человек и постригал до 10» [Там же. Л. 31, 32].

Публичные чтения газет и беседы на политические темы также давали результаты: некоторые колхозники обращались с просьбой написать в газету по той или иной проблеме. Так, в «Правду тундры» было написано 5 заметок. Работники Дома народов Севера показывали кино. Среди картин были следующие: «Ленин в Октябре», «Мы из Кронштадта», «Королевские матросы», «Новый Гулливер». Просмотр сопровождался переводом содержания и заканчивался беседой. «Картины пользовались большим успехом», — отмечала Колесникова [Там же]. На песках выпускались стенные газеты.

Дом народов Севера базировался в поселке Яр-Сале, размещаясь в одноэтажном помещении площадью 567 кв. м. Помещение было приведено в порядок, ему был придан соответствующий культурный вид, однако требовался ремонт печей и побелка. Зрительный зал был рассчитан на 80 человек. Имелась библиотека (507 экземпляров книг), бильярдная, комната для кружковой работы, квартира для уборщицы. Накануне войны было установлено звуковое кино и приобретено пианино — это было событие неимоверного значения. Кроме этого, имелись гармонь, 2 балалайки, 4 гитары, 3 мандолины. Проводились вечера, а также работали курсы по подготовке ликвидаторов неграмотности. За первое полугодие 1938 г. Дом народов Севера проделал следующую работу:

Таблица 4

**Мероприятия дома народов Севера на Ямальской культбазе
в 1938 г. [4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 31]**

№	Мероприятие	Приняли участие (чел.)
1	Ночлег	86
2	Юридическая помощь, заявления	19
3	и жалобы	
4	Беседы, лекции, доклады (50)	4 174
5	Слет стахановцев (2)	сведений нет
6	Киносеансов (18)	1 394
7	Постановки и концерты (18)	1 677
8	Стенгазеты (6)	—
9	Читателей в библиотеке	195
10	Ликбез	38
11	Кружки (3)	сведений нет

Сведения, приведенные в таблице 40, свидетельствуют о разнообразной работе, которую проделали работники дома народов Севера, оказывая различную помощь, предоставляя ночлег, проводя развлекательные мероприятия, ликбез и т.д.

Красные уголки упоминались довольно часто в ряду учреждений культуры. Так, смета на оборудование красного уголка в Ямальском окружном рыбацко-колхозном союзе предполагала приобретение бюста вождя, портретов руководителей государства,

а также мебели, радиолы с пластинками, шахмат, наглядных пособий.

В числе культурно-просветительских учреждений были красные лодки — явление, характерное только для Крайнего Севера. «Красные лодки» представляли собой плавучие средства, которые в летнее время использовались культбазами, Домами народов Севера, красными чумами для того, чтобы попасть в отдаленные юрты, пески и провести там соответствующие культурные и политико-просветительские мероприятия. Красная лодка имела на Ямальской культбазе, которая работала во время летнего рыбного промысла. На лодке находился медицинский работник, работники Дома народов Севера, работники школы, корреспондент газеты «Правда тундры». Весной и летом 1938 г. основная задача лодки состояла в организации медицинского обслуживания колхозников и единоличников, проведении санитарно-просветительской работы, помощи в организации социалистического соревнования, проверке и оказании помощи массовикам-ликвидаторам неграмотности.

Клубы как учреждения культуры также имелись в округе (Салехард и районные центры), но их было мало. В Приуральском районе накануне войны функционировало 2 клуба: в Аксарке и Щучьем («планов работы клубов нет, вся работа организуется от случая к случаю»), 3 избы-читальни, райбиблиотека (1 334 экз. книг), 4 красных уголка. В с.Мужи не удалось наладить работу клуба. В начале 1940 г. финансирование прекратилось, и клуб был закрыт. Кроме клуба, других культучреждений в селе не имелось [9].

В 1940 г. в Ямало-Ненецком округе имелось 8 клубов, 8 красных чумов, 6 библиотек, 13 изб-читален. Весь книжный фонд составлял 33 700 экземпляров. Имелось всего 5 киноустановок. Таким образом, культурные учреждения округа находились в стадии начального развития, их сеть не позволяла охватить все население края. Следует также иметь в виду, что основная масса культучреждений размещалась в окружном и районных центрах.

Специфическими учреждениями культуры на Крайнем Севере, действовавшими вдали от крупных населенных пунктов, являлись культбазы. В советской исторической литературе исследованию роли культбаз в приобщении народов Севера к внедряемой новым режимом советской культуре уделялось значительное внимание

[6, 11, 3]. Общей для трудов являлась однозначно положительная оценка деятельности данных учреждений, стремление представить культбазы как явление всеобщее и значительное для жизни Севера. Как правило, в работах исследователей замалчивалось реальное количество баз; лишь вскользь упоминалось о существовавших в их деятельности проблемах, причина которых, по мнению авторов, крылась в сопротивлении кулаков и шаманов культурным преобразованиям в крае.

В начале 1930 г. в районах Крайнего Севера функционировало 6 культбаз, на строительство которых было затрачено 2,5 млн руб. 28 марта 1930 г. комиссией по делам строительства культбаз Комитета Севера были уточнены задачи этих специфических учреждений. «Культбазы имеют целью ускорить и облегчить привлечение малых народностей северных окраин к общей работе трудящихся республики по строительству советской культуры и социалистической реконструкции народного хозяйства в условиях национального самоопределения. В будущем культбазы должны стать политическими и культурными центрами данной народности. Главными направлениями в работе культбаз на пути к достижению этих целей являются: всестороннее обслуживание коренного населения по определенному плану при одновременном укреплении национальных органов власти, которые в дальнейшем должны стать во главе этого обслуживания; оказание всесторонней помощи в целях поднятия хозяйства и улучшения жизни коренного населения в культурно-просветительском, медико-санитарном, хозяйственном, кооперативно-продовольственном и административно-правовом отношениях; создание из среды самих малых народностей культурного, воспитанного в духе идей нашей партии актива без отрыва его от местного быта и от масс коренного населения, владеющего научно-техническими навыками в области местных промыслов и ремесел; ведение научно-исследовательской и краеведческой работы, имеющей целью всестороннее изучение природы, быта и хозяйства населения, обслуживаемого базой» [7. С. 163].

С учетом этих задач, Президиум Комитета Севера 5 октября 1932 г. утвердил новое положение о культбазах [12. С. 151—152]. На них возлагались функции организации не только культурно-просветительской, но и хозяйственной деятельности среди

коренного населения. Культбазы мыслились как центры, в которых будут сконцентрированы все важнейшие учреждения, необходимые для осуществления хозяйственной, политической и культурной жизни на определенной территории. Для выполнения поставленных задач, прежде всего, необходимо было создать саму культбазу. Культбазы создавались целенаправленно, поэтому проводилась первоначальная работа по выбору места для их сооружения, и задача эта была не из легких; обследовать огромную территорию за короткий промежуток времени было невозможно как по погодным условиям, так и по материальным соображениям. В.А.Зибарев указывал, что в 1930 г. на всем Севере России было сформировано 8 таких баз. Ф.Ф.Кронгауз писал, что с 1927 по 1935 гг. на Севере России было построено всего 19 баз. Столь незначительное число их можно объяснить как географической удаленностью от крупных административных центров, так и трудностями строительства, оборудования и содержания. В округе известны две культбазы — Ямальская и Тазовская. Н.И.Меляков утверждал, что имелось 3 базы, которые были построены в Хоседа-Хард (Большеземельская тундра), Ярсале (Ямал), Хальмер-Седэ (Таз) [11. С. 39].

Ямальская культбаза была построена в весьма отдаленном месте. Наиболее сложным в ее деятельности был организационный период. В 1932 г. строительство и оснащение базы в основном завершилось. В 1934 г. Комитет Севера при ВЦИК направил на работу в должности заведующего базой М.М.Броднева, которому удалось превратить культбазу в центр хозяйственной и культурной жизни Ямальского района. Кронгауз, посетивший базу в 1936 г., писал: «За год работники культбазы добились больших сдвигов в работе, в особенности по линии коллективизации, организационного укрепления колхозов и организации ППТ: проводили работу непосредственно в тундре, охватывая массовыми мероприятиями даже Северный Ямал, куда до этого времени никогда еще не проникало влияние культуры» [10. С. 33].

Броднев проработал на культбазе несколько лет. Общение с ненцами пробудило у него интерес к изучению их прошлого. Он приступил к собиранию и обобщению материалов по истории и этнографии аборигенов Ямала. Служба Броднева на Ямальской культбазе оборвалась неожиданно. Ему приписали «вредительство»,

сняли с работы, исключили из партии и отправили в Салехард. Последовал арест. Два года М.М.Броднев находился под следствием в тюрьмах Салехарда и Омска, выдержал угрозы и пытки, не дал оговорить себя и своих товарищей, доказал свою невиновность. После выхода на свободу Броднев вернулся на Север и служил ему долгие годы.

Во второй половине 1930-х гг. на культбазах Ямальского Севера были введены должности парторгов. Из политдонесения от 9 июня 1938 г. начальнику политуправления Главсевморпути сообщались сведения о парторгах культбаз.

Таблица 5

Сведения о парторгах культбаз

Наименование базы	Фамилия, имя, отчество парторга	Биографические сведения
Ямальская	Вайда Степан Лаврентьевич	Родился в 1894 г., из рабочих, образование среднее, имеет двухлетний опыт низовой партработы
Тазовская	Хозанов Исаак Лазаревич	Родился в 1908 г., из рабочих, имеет двухлетний опыт низовой партработы

Назначенные парторги были людьми малообразованными, подбирались по классовому принципу и опыту работы в массах. Их прибытие на культбазы совпало с развертыванием репрессивной кампании государства.

Исследователи советского времени положительно и даже восторженно оценивали значение деятельности культбаз. Кронгауз считал, что их возникновение имело поворотное значение в подлинной советизации хозяйственной и бытовой жизни Севера [10. С. 35].

Административно культбазы подчинялись Комитету Севера при Президиуме ВЦИК; отсюда же осуществлялось и финансирование. Следует отметить, что известные нам культбазы материально оснащались (по тем временам) вполне удовлетворительно. Планирование работы культбаз спускалось местными партийными комитетами; перед ними база отчитывалась о своей работе, им же и подчинялась. Создаваемые в глухих местах, культбазы своей

деятельностью должны были ускорить процесс трансформации традиционного общества у коренных народов, внедрить в их быт и культуру прогрессивные начала. В этом смысле культбазы, деятельность которых хоть и распространялась на небольшое количество людей, свою задачу выполнили. Однако преувеличивать их роль не стоит, поскольку на Обском Севере было всего 4 подобных комплекса. Среди многочисленных функций, которые выполняли культбазы, просматривается важнейшая из них — просветительская. Именно от успеха просвещения зависело все остальное. Проблемы создания школ при культбазах, обучения детей аборигенов во многом решались благодаря тем людям, которые работали на культбазах. Север строго экзаменовал людей на прочность. Здесь приживались те, кто обладал высоким интеллектом, чистой душой, крепким здоровьем. Коллективы показательных баз (и прежде всего Ямальской) объединяли истинных энтузиастов своего дела, прибывших из Москвы, Ленинграда, Омска, Тобольска. Специалисты передвигались по стойбищам, делили с кочевниками кров и хлеб. Взаимопонимание рождало доверие, способствовало решению больших и малых проблем. Работники культбаз не ставили под сомнение важность тех мероприятий, проводниками которых они являлись. Их чувства были искренни, они верили в светлое будущее туземцев.

Список литературы и источников

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «ГАСПИТО».
2. Загороднюк Н.И. Культурная жизнь спецпереселенцев // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв.: Материалы VII Тюменской областной научн.-практ. конференции, посвящ. памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998. С. 59—61.
3. Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 82—85.
4. Казенное учреждение «Государственный архив ЯННО».
5. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области».
6. Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.
7. Клещенко И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972.
8. Костецкий Ю.В. Культурное развитие автономных округов Севера Тюменской области в предвоенные годы (1930—1941) // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. Тюмень, 1994.

9. Красный Север. 1940. 10 февраля.
10. Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. М., 1948. С. 33.
11. Меляков Н.И. Ленинская национальная политика и просвещение народов Севера // Летопись Севера. М., 1977. Т. VIII. С. 39.
12. Советский Север. 1932. № 5. С. 151—152.
13. Созонова А.В. Решение проблемы грамотности аборигенов Ямала // Д.И.Менделеев и Сибирь: история и современность. Тобольск, 1999. С. 69—70.

Глава 3

НЕМЦЫ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЭВАКУИРОВАННЫЕ, МОБИЛИЗОВАННЫЕ, РЕПАТРИИРОВАННЫЕ)

С 1941 по 1945 гг. на спецпоселения в Коми АССР¹ были высланы граждане СССР немецкой национальности в составе эвакуированных и репатриированных, которые относились к разным категориям спецпереселенцев (граждане, ограниченные в правах, и принудительно выселенные в административном порядке с мест постоянного проживания).

К началу Великой Отечественной войны на территории Коми АССР уже проживали трудпереселенцы² немецкой национальности, выселенные в составе раскулаченных в 1931—1932 гг. В частности, 1932 г. из 38 902 переселенцев было учтено русских — 35 149 человек, немцев — 2 359, татар — 505 и др. [8].

С 1941 г. начинаются выселения советских немцев с мест постоянного проживания по национальному признаку (депортации). Граждане немецкой национальности стали считаться «враждебно относящимися к советскому союзу элементами» [9] и подлежали выселению в отдаленные районы страны. В 1939 г. в СССР насчитывалось 1 427 232 немца [6. С. 3]. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» была начата их массовая депортация в Сибирь и Казахстан. Выселения осуществлялись и из других центральных регионов. Как указывает исследователь Н.Ф.Бугай, всего в 1941—1942 гг. было переселено 1 209 430 немцев [2. С. 173].

В Коми АССР не переселяли граждан СССР немецкой национальности из Республики немцев Поволжья, но в начале войны осуществлялись перемещения спецпереселенцев немецкой

¹ Республики Коми (1929—1936 гг. — Коми автономная область, 1936—1991 гг. — Коми АССР).

² С 1934 г. спецпереселенцы — «бывшие кулаки» стали именоваться как «трудпереселенцы», а спецпоселки, в которых они размещались — «трудпоселки».

национальности из прифронтовых районов. В 1941 г. в республику спецпереселенцы немецкой национальности прибывали в составе эвакуированных, как «эвакуированные трудпереселенцы». Большинство из эвакуированных трудпереселенцев были крестьяне, раскулаченные и высланные из мест постоянного проживания в Карелию в 1930-е гг., а затем в 1941 г. высланные повторно из Карело-Финской ССР в Коми АССР.

Учет спецпереселенцев немецкой национальности, высланных из КФССР, был осложнен двумя обстоятельствами. С одной стороны, они относились к эвакуированному населению и в большинстве документов общей статистики не вычленялись из общего числа эвакуированных как отдельная категория. Учет всех эвакуированных осуществлялся СНК Коми АССР, который по вопросам учета и устройства эвакуированных отчитывался перед отделом хозяйственного эвакуационного населения СНК РСФСР. С другой стороны, по правовому статусу они относились к трудпереселенцам («бывшим кулакам»), поэтому сразу стали учитываться в общей статистике по трудпереселенцам, и крайне редко выделялись в отчетных и статистических документах как трудпереселенцы немецкой национальности.

По данным Отдела трудспецпоселений НКВД Коми АССР, в августе 1941 г. в Коми АССР прибыло 710 семей (2 529 человек) трудпоселенцев немецкой национальности, эвакуированных из Беломоро-Балтийского комбината и УББЛАГ НКВД Карело-Финской ССР [10].

К концу 1941 г. число эвакуированных увеличилось. На 25 декабря 1941 г. в Коми АССР было размещено 8 147 эвакуированных граждан и 8 410 эвакуированных трудпереселенцев (в том числе граждан СССР немецкой национальности — 2 949 человек). Кроме того, в республику с момента объявления войны прибыло 2 540 спецэвакуированных, всего прибыло в порядке эвакуации 19 097 человек [11]. На 1 апреля было учтено 13 389 эвакуированных, в том числе 7 930 трудпереселенцев, к которым относились и трудпереселенцы немецкой национальности [12].

В период Великой Отечественной войны, как указывает исследователь В.А.Исупов, сведения о естественном и механическом движении населения Советского Союза фиксировались с большими погрешностями, несмотря на то, что государство было

крайне заинтересовано в точном учете мобилизационных и трудовых ресурсов. По его мнению, за рамками статистического наблюдения остались заключенные, ссыльные, высланные, армия и контингент госпиталей. В 1942 г. эти группы населения составляли почти 25 млн чел., в 1945 г. — 16 млн чел. [5. С. 140—141].

Проблемы учета численности в Коми АССР фиксировались как среди эвакуированных, так и среди труд(спец)переселенцев. Например, контролерами от СНК была проведена проверка в местах приема эвакуированных по трудоустройству и размещению в Усть-Вымском районе. На 1 марта 1942 г. было учтено 1 530 эвакуированных вольных граждан, из которых было устроено на работы 819 человек, и 729 эвакуированных трудпереселенцев, из которых устроено 428 человек. По итогам проверки в СНК Коми АССР и в Эваксовет была представлена докладная записка, в которой о численности эвакуированных говорилось: «Надо сказать, что эти данные в силу ряда обстоятельств (временный характер работы многих эвакуированных, частые болезни детей и престарелых в связи с длительными и тяжелыми переездами, смертность, многодетность семей при одном трудоспособном или отсутствия таковых, и целого ряда причин) чрезвычайно сильно меняются... с учетом дело обстоит исключительно плохо» [13].

По официальным данным, указанным в документах, в некоторых случаях затруднительно установить, были ли расселены немцы в составе какой-либо группы эвакуированных. Но при сопоставлении определенных фактов общая картина может проясниться. Например, в Корткероском районе летом 1943 г., исходя из документов Корткероского райисполкома, было расселено 380 эвакуированных (121 мужчина и 259 женщин) без указания социального положения и национальности [14]. При этом список эвакуированных гражданских (вольных) лиц составили 44 человека [15]. Следует предположить, что большинство из эвакуированных были трудпереселенцами. Были ли среди них немцы, в документах не указывается. При этом в списке закрепленных на снабжение хлебом и обедом через Корткеросское сельпо на август 1942 г. было зарегистрировано значительное количество работников с немецкими фамилиями. В частности, в колхозе, амбулатории, артели инвалидов «Вычегда», доме культуры, райпромкомбинате, доручастке, столовой и сельпо трудились рабочие и служащие,

имеющие фамилии Шульцер, Штоль, Бер, Биненфельд, Гольдшмидт, Бергер, Шейнберг, Готлельф, Розенберг, Бресслер, Зайншток, Грамкер, Цертнер, Гринбаум, Горх. Такое количество лиц немецкой национальности в 1942 г. в селе Корткерос могли составить только эвакуированные немцы-трудпереселенцы [16].

Эвакуированные трудпереселенцы, в том числе немецкой национальности, в феврале 1942 г. были размещены в 37 труд(спец)поселках [17]. Размещение и трудоустройство эвакуированных обеих категорий (свободных граждан и трудпереселенцев) производилось в основном в центральных и южных районах республики. Расселение эвакуированных по районам не было равномерным как по численности, так и по соотношению эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев, а также по числу устроенных (проживание, работа, детские учреждения). В целом среди эвакуированных женщин и детей было значительно больше, чем мужчин (Таблица 1).

Таблица 1

**Размещение эвакуированных в отдельных районах
Коми АССР в 1942 г.**

Пол/возраст	Размещение эвакуированных							
	Железнодорожный р-н 28.02.42				Усть-Вымский р-н 12.05.42			
	Свободные граждане		Трудпере- селенцы		Свободные граждане		Трудпере- селенцы	
	При- было	Устро- ено	При- было	Устро- ено	При- было	Устро- ено	При- было	Устро- ено
Всего	1 006	529	1 221	739	1 481	992	896	758
Мужчин трудоспособных	76	69	229	213	165	164	247	247
Мужчин нетрудоспособных	33	1	132	29	28	14	32	13
Мужчин всего	109	70	361	242	193	178	279	260
Женщин трудоспособных	295	193	337	253	498	478	264	264
Женщин нетрудоспособных	104	2	155	10	108	17	63	16
Женщин всего	399	195	492	263	607	495	327	280
Пенсионеров	23	1	—	—	27	4	—	—
Детей ясельного возраста	69	48	73	58	108	56	67	48

Детей дошкольного возраста (в т.ч.)	143	47	114	52	195	64	77	45
Детей 1—4 кл.	155	125	96	92	203	143	75	54
Детей 5—7 кл.	108	43	85	32	148	52	71	71
Детей всего	475	263	368	234	654	315	290	218

Составлено и подсчитано по: НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 21, 21 об., 46.

В 1941—1944 гг. при учете всех спецконтингентов выделялась особая категория «трудпоселенцы, в том числе немцы» (трудссылка, трудпоселенцы, трудпереселенцы), численность которых увеличилась с 17 492 на 1 января 1941 г. до 25 077 человек на 1 января 1942 г. Основной приток в эту категорию произошел за счет эвакуированных трудпереселенцев, в том числе немцев [18]. (Таблица 2).

Таблица 2

**Наличие и движение трудпереселенцев,
расселенных в Коми АССР за 1941—1943 гг.**

Период (полугодие)	Прибыло из других республик, краев и областей за период	Количество человек на конец полугодия
С 1.07.1941 по 1.01.1942	7 425	23 506
С 1.07.1942 по 1.01.1943	322	20 122
С 1.01.1943 по 1.07.1942	115	16 657
С 1.07.1943 по 1.01.1944	17	15 859

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 74. Л. 207; Д. 106. Л. 42; Д. 133. Л. 257.

Численность трудпереселенцев-немцев постепенно увеличилась с 2 949 человек в конце 1941 г. до 3 654 человека в начале 1945 г. Как видно из таблицы, увеличение происходило не за счет естественного прироста (рождений), а за счет механического, т.е. дополнительного переселения небольших партий спецпереселенцев (Таблица 3).

**Сведения о движении и наличии трудпереселенцев-немцев
(«бывших кулаков») за 1944 г.**

Наименование показателей	Количество спецпереселенцев			
	человек	В том числе		
		Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет
Состояло на 1.01.1944 г.	3 455	875	1 144	1 436
Прибыло за отчетный год	401	383	—	18
В том числе родилось	18	18	—	—
Убыло за отчетный год	202	125	51	26
Убыло в места лишения свободы	137	97	40	—
Умерло	65	28	11	26
Состоит на 1.01.1945 г.	3 654	1 133	1 093	1 428

Источник: Информационный центр МВД по Республике Коми. Отдел спецфондов. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.

Эвакуированные размещались в разных населенных пунктах: трудпереселенцы в труд(спец)поселках, а свободные граждане — в основном в селах, г.Сыктывкаре и пригородах, но работали они иногда на одних предприятиях. По данным на февраль 1942 г., на предприятиях треста «Вычегдосплав», осуществлявшего сплав леса, было трудоустроено (с членами семей) 267 трудпереселенцев. Они трудились на Чернойрской сплавной запани вместе с 41 эвакуированным «вольным гражданином». На остальных пяти сплавных участках работали только эвакуированные свободные граждане [19]. На предприятиях Наркомлеса также были трудоустроены обе категории: 443 эвакуированных и 2 331 трудпереселенец [20].

Наибольшее число эвакуированных трудпереселенцев было трудоустроено на предприятиях лесной промышленности. Что касается других ведомств, то, в частности, Наркомат местной промышленности использовал эвакуированных для работы в различных мастерских. Например, в спецпоселке Воквад работала кустарная промартель, которая выполняла спецзаказ по изготовлению военных саней. В отчетных материалах НКВД Коми АССР осенью 1942 г. указывалось: «на данном производстве заняты

исключительно немцы... В сентябре месяце были начаты военные сани 16 штук». Рабочий режим на этом предприятии предполагал 10-часовой рабочий день [21].

В начале войны государственная политика в отношении использовании труда граждан СССР немецкой национальности, в том числе спецпереселенцев, изменяется в сторону трудовой мобилизации. Немцы не должны были призываться на фронт, а в обязательном порядке привлекались на производство и в строительство. Те, кто уже находился в действующей армии, на фронте, отзывались в «трудовую армию», на различные стройки, в основном в лагеря [7. С. 109—140].

В октябре 1941 г. в республике в соответствии с постановлением ГКО № 2383 было распространено распоряжение о проведении мобилизации немцев-граждан СССР мужчин в возрасте 15—16 лет и 51—55 лет и женщин в возрасте 16—45 лет, годных к физическому труду. В директивных документах указывалось, что мобилизованные немцы должны быть переданы «предприятиям Наркомугля и нефти» [22].

Планировалось использовать немцев на строительных работах, но руководство Коми АССР обратилось к вышестоящим органам с просьбой отдать предпочтение лесозаготовительным предприятиям, в связи с постоянной нехваткой рабочих рук на лесозаготовках. Коми Обком ВКП (б) предпринял усилия по сохранению спецпереселенцев на рабочих местах в лесозаготовительных предприятиях. Секретарем Коми ОК ВКП (б) 28 февраля 1942 г. В ГКО была направлена телеграмма следующего содержания: «(На) Основании Указа Президиума Верховного Совета ССР призываются в строительные батальоны проживающие (в) республике немцы. Всего 1 095 человек (в) основном трудпереселенцы кулаки, находящиеся в трудпоселках, работающие (на) лесозаготовках, выполняют большой план спецдревесины. Просим призванных (в) строительные батальоны оставить (на) работе (на) решающих лесозаготовках...» [23].

Следует предположить, что запрос Коми ОК ВКП (б) был решен положительно, так как уже в марте в тресте «Комилес» немцы были распределены по «военизированным отрядам на лесозаготовках». Для работы в лесной промышленности мобилизация немцев проводилась непосредственно в спецпоселках республики.

В секретном распоряжении № 028 Управления треста «Комилес» от 14 марта 1942 г. указывалось: «Мужское немецкое население из состава трудпереселенцев... призванные военными медкомиссиями здоровыми будет концентрироваться в специальные лесозаготовительные участки, и комплектоваться в трудовые военизированные отряды под руководством органов НКВД СССР. Отряды будут разбиты повзводно в составе 30—40 человек во взводе и по отделениям. Будут назначены соответствующие командиры отрядов, взводов и отделений. Размещение будет казарменное, от семей немцы должны жить отдельно. Распорядок трудового дня в отрядах должен быть строго военный. Выполнение нормы выработки совершенно обязательно для каждого немца. За невыполнение будут применяться соответствующие меры и взыскания. Зарплата должна начисляться в обычном порядке». Особо выделены следующие директивные указания: «Установите для каждого немца в трудотряде в соответствии с древостоем и условиями работ жесткие дневные нормы выработки. Переброску немцев на участки произвести в нерабочее время с тем, чтобы ни одного рабочего дня не пропало. Операцию по переброске на участок трудотряда начать немедленно и закончить в пятидневный срок по согласованию с НКВД» [24].

В итоге проведенной мобилизации мужчины, «организованные по взводам», работали на дальних лесных делянках, а их семьи остались в трудпоселках. Всего в Коми АССР 606 трудпереселенцев-немцев было организовано в 17 взводов непосредственно в леспромхозах на 8 лесоучастков в четырех районах республики [25].

Для отдельных предприятий немцы, мобилизованные на лесозаготовки, были решающей рабочей силой. В отчете треста «Комилес» перед Управлением Главвологдокомилес 21 июля 1942 г. отмечалось: «На Ваш запрос от 23 июня с.г. за № 14-122сс о количестве работающих на предприятиях треста “Комилес” немцев сообщаем... всего 698 человек работающих и 507 человек иждивенцев... Об изъятии трудоспособных немцев с предприятий, трест “Комилес” возражает, так как немцы трудпереселенцы в данный период на наших предприятиях являются основной рабочей силой по выполнению производственной программы» [26]. В течение года число мобилизованных в «рабочие колонны»

принципиально не менялось и составляло на 1 июля 1943 г. по статистике НКВД СССР 635 человек [27].

Необходимо отметить один момент, связанный с правовым положением мобилизованных трудпереселенцев. Трудпереселенцы («бывшие кулаки», высланные на спецпоселения в начале 1930-х гг. в ходе коллективизации), призванные на фронт в годы войны, с 1942 г. освобождались от статуса спецпереселенцев, так же, как их семьи, которые могли покинуть трудпоселки. Но трудпоселенцы-немцы, мобилизованные в рабочие колонны, не считались призванными в Красную Армию, в силу чего действие общего для трудпереселенцев положения на них и их семей не распространялось. При этом трудпоселенки-немки, «мужья которых русские и находятся в Красной Армии», подлежали снятию с учета трудссылки, в соответствии с приказом НКВД СССР от 22 октября 1942 г. за № 002303 на общих основаниях [28].

Осенью 1942 г. прошел второй этап мобилизации немцев на производство в Коми АССР, ужесточивший режим работы мобилизованных немцев. Секретный приказ по Управлению Государственного Лесозаготовительного треста «Комилес» № 382 от 10 ноября 1942 г. предписывал «в связи с организацией рабочих колонн на лесозаготовки из мобилизованных немцев, финнов, румын и других, враждебно относящихся к Советскому Союзу элементов» организовать на трех участках в двух районах дополнительно «рабочие колонны» в составе 1 300 человек. В приказе особо отмечалось: «Требования к указанным категориям со стороны руководящего состава лесозаготовителей должны быть предъявлены со всей строгостью законов военного времени, как к враждебно относящимся к Советскому Союзу... при малейшем попустительстве виновные будут сурово наказаны» [29].

К немцам предъявлялись жесткие требования относительно производственного режима. Устанавливался 10-часовой рабочий день «без дополнительной оплаты», и отряды из немцев работали на самых тяжелых участках лесозаготовки до конца войны [30]. Категорически запрещалось выдавать отпуска по болезни, это считалось «потворничеством саботажу» [31].

В упомянутом выше секретном указании № 028 Управления треста «Комилес», разосланном 14 марта 1942 г., кроме прочего, отмечалось, что немцы, мобилизованные на лесозаготовки, должны

быть обеспечены общественным питанием (столовая и котлопункт) и коммунально-бытовыми условиями (баней, дезокамерой, сушилкой, освещением и отоплением), койками-топчанами, «а если их не хватит подготовить материал для устройства двухрядной вагонки» [32]. На практике не обеспечивались даже минимальные условия.

По официальным документам все категории спецпереселенцев должны были снабжаться, как рядовые рабочие предприятий, но эти нормы никогда не выполнялись. Обследования, проводимые на местах работы мобилизованных немцев, выявляли вполне типичную и печальную картину социально-бытового обустройства. В частности, при обследовании в 1943 г. Усть-Немского ЛПХ, где основным кадром были трудпереселенцы-немцы из Карело-Финской ССР, была выявлена следующая картина: «Из-за неправильной расстановки рабочей силы и организации выполнил план на 22%. Жилищно-бытовые условия в этом ЛПХ-зе для семей трудпереселенцев характеризуются полной неподготовленностью. Рабочие размещены в общих бараках с 2-этажными сплошными нарами. Клопы, вшивость. Бани, сушилки мало организованы. Бригадная система не организована... Есть спецпереселенцы во всех леспромпхозах, которые выполняют нормы от 40 до 70%, или на 30%» [33]. Выполнение плана для трудпереселенцев было жизненно важным показателем, так как разница в оплате труда была достаточно большой. В частности, во второй половине 1942 г. средний дневной заработок трудпереселенцев на лесозаготовках составлял от 8 до 15 руб., у стахановцев, выполняющих нормы на 150—200%, доходил до 30—40 руб. в день [34].

В СССР, согласно справке НКВД о численности трудпереселенцев, мобилизованных немцев и заключенных, работающих на стройках и предприятиях наркоматов промышленности (угольная, нефтяная, авиационная, танковая, химическая, целлюлозно-бумажная, рыбная, резиновая, судостроительная, пищевая, путей сообщения, металлургическая, машиностроительная и др.) и в военно-морском флоте на 28 июля 1943 г., на работах были задействованы трудпоселенцы — 259 678 человек, мобилизованные немцы — 141 950, окруженцы и военнопленные — 48 956, заключенные — 206 050, всего 656 634 человек [35].

Всего трудпереселенцев немецкой национальности (в том числе мобилизованных в «рабочие колонны» на лесозаготовки) в Коми АССР в начале 1944 г. насчитывалось 3 654 человека, на работах было занято 2 329 человек, из которых 2 167 человек (93%) использовались на лесозаготовительных работах (Таблица 4).

Таблица 4

Занятость трудпереселенцев-немцев, в Коми АССР, 1-й кв. 1944 г.

	Наркомат (предприятие)	Человек	Занято на работах
1	Наркомлес: леспромхозы	3 357	2 167
2	Наркомзем: колхозы в спецпоселках	284	149
3	Наркомат путей сообщения: строительство ж/дороги	9	9
4	Наркомместпром: Промартель «Ворью»	4	4
	Всего	3 654	2 329

Подсчитано и составлено по: Информационный центр МВД по Республике Коми. Отдел спецфондов. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 110—110 об.

В общее число занятых на производстве мобилизованных немцев входило также несколько финнов и румын, которые так же, как и немцы, по принципу принадлежности к национальности воюющих с СССР государств, должны были быть мобилизованы на трудовой фронт на время войны.

В докладной записке НКВД Коми АССР в ГУЛАГ НКВД 8 мая 1944 г. о состоянии рабочих колонн немцев и финнов указывалось: «Мобилизованные в рабочие колонны немцы, а также мобилизованные финны используются на работах в лесной промышленности в трех трестах: “Комилес” — 800 человек (в том числе 403 мужчины и 397 женщин), “Печорлес” — 345 (118 мужчин, 227 женщин), “Лузтранлес” НКПС — 368 человек мужчин. Средний заработок — 71 р., некоторые зарабатывают около 1 000 р. Убыло 97 человек, в том числе демобилизованы — 32, умерло — 47, дезертировало — 1, осуждено — 14, по другим причинам — 3 человека. Вследствие недостаточного снабжения мобилизованные болеют, в том числе дистрофией» [36]. К июлю 1944 г. число мобилизованных, занятых на производстве, сократилось на 37%, с 2 329 до 1 462 человек. (См. Таблицу 5)

Таблица 5

**Численность мобилизованных немцев, немок, румын и финнов,
работающих на предприятиях Коми АССР, 1 июня 1944 г.**

Наркомат и предприятие	Работы, на которых используются мобилизованные	Нацио- нальность	чело- век	муж.	жен.
Нарком-леспром Трест «Печор- лес»	Лесозаготовки (рубка, свалка, навалка, возка)	немцы	301	84	217
		румыны	1	1	—
		финны	6	6	—
Нарком-леспром Трест «Комилес»	Лесозаготовки (рубка, свалка, сплав)	немцы	812	415	397
Наркомат путей сообщения Трест «Лузтран- лес»	Разделка дров для Северо-Печорской ж/д магистрали	немцы	342	342	
Итого (в том числе)			1 462	848	614
немцы			1 455	841	614
финны			6	6	—
румыны			1	1	—

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 188. Л. 221.

В послевоенные годы категория мобилизованных немцев (трудпереселенцев) не исчезает, но продолжает сокращаться. В середине 1946 г. численность мобилизованных составила 976 человек, в том числе 656 мужчин и 320 женщин. Из общего числа мобилизованных 643 человека были заняты на лесозаготовительных работах, 210 на заготовке дров для железнодорожного строительства, 91 на судостроительных работах на Вычегодской судовой верфи и 32 человека на добыче угля в Воркуте [37].

В работах современных исследователей термин «мобилизованные немцы» закрепился в основном за теми, кто был размещен в ИТЛ (лагерях). Для Коми АССР следует выделять несколько категорий мобилизованных: первая (о них речь шла выше) — трудпереселенцы («бывшие кулаки») немецкой национальности, мобилизованные для лесозаготовительных работ в трудпоселках; вторая — трудпереселенцы, мобилизованные из трудпоселков

на территории Коми АССР для работы в ИТЛ, расположенных как на территории Коми АССР, так и в других регионах страны; третья, самая многочисленная, — немцы, мобилизованные из разных регионов страны для работы в ИТЛ, расположенных на территории Коми АССР.

Что касается второй категории мобилизованных, трудпереселенцев, мобилизованных из спецпоселков в ИТЛ, то эта категория была достаточно малочисленной, так как руководство лесозаготовительных трестов прилагало постоянные усилия для того, чтобы трудпереселенцы оставались на лесозаготовительных работах — основном месте использования их труда в Коми АССР.

В 1943 г. неоднократно объявлялись мобилизации трудпереселенцев в ИТЛ за пределы Коми АССР. Например, в ноябре 1942 г. 700 человек мобилизованных немцев из спецпоселков Прилузского и Кожвинского района были направлены на предприятия Челябинска [38]. НКВД СССР 13 апреля 1943 г. направил в НКВД Коми АССР распоряжение № 52/6758: «В целях обеспечения быстрее окончания строительства оборонных объектов, проведите мобилизацию по трудпоселкам республики для строительства Вятлага НКВД (станция Яр Фосфоритная Пермской ж/д) — 300 чел. трудпоселенцев-мужчин (из числа семейств “бывших кулаков”). Мобилизации подлежат трудпоселенцы из числа занятых на работе в сельскохозяйственных, кустарно-промысловых артелях, совхозах и мелких предприятиях, не имеющих оборонного значения (подсобные хозяйства, госучреждения, конторы и пр.)... Обязать всех мобилизованных явиться на сборный пункт в исправной одежде и обуви с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и с запасом продовольствия, не менее чем на 15 суток. Мобилизованных оповестить, что они будут отправлены на работу на время войны. Предупредить их, что за уклонение от явки на призывные и сборные пункты, неявку к месту работы и самовольный уход с работы (дезертирство), они будут привлечены к ответственности по Указу Президиума Верховного совета СССР от 26 дек. 1941 г.» [39].

Данная практика мобилизаций за пределы республик сохранилась и в послевоенное время. Во исполнение распоряжения Совета министров СССР за № 13 756 от 22 сентября 1947 г. и указаний МВД СССР за № 2 179 от 27 сентября 1947 г. было отправлено

в распоряжение треста «Сталинск-промстрой» на станции Новокузнецк и Таштагон Томской ж/д — 1 082 чел., из них «власовцев» — 852, немцев — 185, членов семей ОУНовцев — 45. Из этого количества спецпереселенцев было взято с предприятий министерства лесной промышленности — 601 чел., жилищно-гражданского строительства — 123, коммунального хозяйства — 127, и из прочих (в том числе 128 человек из Печорлага и Воркутлага) — 201 [40].

Мобилизация трудпереселенцев проводилась и для ИТЛ Коми АССР. В 1943 г. в Воркутстрой планировалось мобилизовать 300 трудпереселенцев. Однако при проведении мобилизации трудпереселенцев 108 человек по заключению врачебной комиссии были признаны негодными к физическому труду для работы в условиях Воркуты и на этом основании возвращены обратно к прежнему месту жительства (в спецпоселки) [41]. В итоге мобилизация «бывших кулаков» по Коми АССР не была выполнена в запланированных объемах, как и в целом по стране. К 1 июня 1943 г. из предполагавшихся 14 850 человек в лагеря НКВД было мобилизовано 5 360 трудпереселенцев (36%) [42].

Во второй половине 1943 г. мобилизация в Воркутлаг продолжилась. В частности, 27 сентября 1943 г. в РО НКВД Сыктывдинского района была направлена телеграмма следующего содержания: «В Вашем районе имеются трудпоселенцы, ссыльно-поселенцы, не занятые на предприятиях оборонного значения 97 человек, из них в течение 48 часов отберите и мобилизуйте в Воркутстрой трудоспособных мужчин в возрасте 18—55 лет 40 человек. Мобилизованных направьте водным путем до ст. Айкино для проезда железной дорогой в Воркуту» [43].

Если выявлялось, что мобилизации на фронт подверглись дети спецпереселенцев, имевших национальность «воюющих с СССР стран», то они также, как и их родители, направлялись в рабочие колонны НКВД, т.е. подвергались трудовой мобилизации. Например, в декабре 1943 г. выяснилось, что при призыве в РККА граждан 1926 г. рождения, райвоенкоматами Коми АССР были приняты на учет «призывники, воюющих с СССР стран, подлежащие передаче в рабочие колонны НКВД на все время: 18 немцев, 5 финнов и 3 румына» [44].

Что касается третьей категории мобилизованных, которые обозначаются как трудмобилизованные (трудармейцы), то они состояли в основном из немцев, перемещенных из других регионов СССР. Установить общую их численность достаточно проблематично, так как подвижность контингента в лагерях была гораздо большей, чем в спецпоселках, фиксировать численность возможно только на какой-то определенный период времени.

В адрес Коми Обкома ВКП (б) от НКВД СССР 5 марта 1942 г. поступило письмо № 52/2596 следующего содержания: «НКВД СССР сообщает, что в течение марта месяца и второго квартала с.г. лагеря будут пополняться необходимым количеством рабочей силы, а именно: Воркутлагу и Интинскому строительству — 10 000 человек, Севжелдорлагу на строительство моста через Северную Двину — 10 000 человек, Ухтинскому лагерю — 1 000 человек. Кроме того, на строительство моста в феврале направлено 4 000 человек немцев-переселенцев, организованных в рабочие колонны? и будет отправлено в марте из этого же контингента Севжелдорлагу — 3 000 человек» [45].

Исходя из данных «Справки о количественном состоянии мобилизованных немцев в Воркутлаге НКВД», в марте-апреле 1943 г. в Воркутлаг из Волжлага НКВД прибыли и находились на строительстве 3 341 человек, мобилизованных по линии райвоенкоматов. Национальный состав мобилизованных был таков: немцы — 3 296 человек, финны — 10, русские — 10, болгары — 12, поляки — 4, украинцы — 3, а также итальянец, кореец, грузин, еврей, чех и австриец. Особо отмечалось: «основательность пребывания в числе этих мобилизованных русских, украинцев, грузин, евреев, а также других национальностей государства, не враждебных Советскому Союзу, выясняется». Указывалось также, что среди мобилизованных было 100 членов и кандидатов в члены ВКП (б), 188 членов и кандидатов в члены ВЛКСМ, бывший депутат Верховного совета бывшей АССР немцев Поволжья и «несколько человек орденосцев» [46].

С конца 1944 г. до 1948 г. на территорию Коми АССР переселяли спецпереселенцев-немцев, которые относились к категории репатриированных, т.е. возвращенных с освобожденных территорий. Процесс репатриации — возвращения граждан СССР с оккупированных Германией во время войны территорий

и с территории Германии начался в 1944 г. После проверки в проверочно-фильтрационных пунктах репатриированные частично возвращались свободными гражданами, частично, в связи с определенной «неблагонадежностью», отправлялись на спецпоселения и в лагерь. На спецпоселения в это период направлялись немцы и «власовцы» (советские военнослужащие, побывавшие в плену), которые относились к репатриированным, а также ОУНовцы (члены семей участников организаций украинских националистов) и высланные из Прибалтики и Молдавии (Таблица 6).

Таблица 6

Спецпереселенцы в Коми АССР в 1941—1945 гг.

№	Спецпереселенцы	1941	1942*	1943	1944	1945
1	Трудпереселенцы — «бывшие кулаки»	18 399	25 077	20 122	15 869	14 275
2	Польские «осадники» и «беженцы»	12 292	8 104	8 240	8 525	—
3	Высланные из Прибалтийских республик	818	733	1241	1431	2 154
4	Ссылнопоселенцы из Прибалтийских республик, Молдавской ССР и западных областей УССР и БССР	—	3 106	Нет св.	Нет св.	Нет св.
5	Спецпереселенцы — немцы**	—	—	—	—	310
6	Члены семей ОУНовцев	—	—	—	—	872
7	Ссылные	277	458	833	2 124	нет св.
8	Другие	62	57	54	53	нет св.

* — с 1942 г., в том числе трудпереселенцы, эвакуированные из Карело-Финской ССР, в том числе немецкой национальности.

** — репатриированные граждане СССР немецкой национальности.

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 118. Л. 127; ГУ РК «НА РК». Ф. П-1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 90; Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 160; Д. 129. Л. 54; Информационный центр МВД по Республике Коми. Отдел спецфондов. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 19; Д. 57. Л. 23, 27; Д. 50. Л. 1-27; Д. 49. Л. 36.

Немцы, высланные с конца 1944 г., учитывались в документах как отдельная категория — «спецпереселенцы-немцы», и в статистике не объединялись с немцами, высланными до 1944 г. Немцы, выселенные в Коми АССР с 1930 до 1944 гг., относились к трудпереселенцам («бывшим кулакам»).

В конце 1944 г. в Коми АССР прибыло 160 спецпереселенцев-немцев. В течение 1945 г. их численность увеличилась до 7 378 человек. Мужчин среди спецпереселенцев-немцев на 1 января 1946 г. насчитывалось только 14%, основную долю составляли женщины — 44% и дети — 42% [47]. Наибольшая численность спецпереселенцев-немцев в Коми АССР приходится на середину 1946 г. (4 365 семей, 12 924 человека), в том числе мужчин — 2 168, женщин — 5 397, детей — 5 341 [6. С. 16]. В течение второй половины 1940-х гг. численность спецпереселенцев-немцев остается достаточно стабильной (Таблица 7).

Таблица 7

**Движение спецпереселенцев-немцев,
расселенных в Коми АССР в 1945—50-е гг.**

№	Дата	Количество спецпереселенцев				
		Всего		В том числе		
		Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
1	1.01.1945	160	310	68	176	66
2	1.01.1946	2 325	7 401	1 064	3 231	3 106
3	1.01.1947	4 146	12 491	2 117	5 199	5 175
4	1.01.1950	3 810	11 244	2 476	4 820	3 948
5	1.12.1950	3 869	11 256	2 423	4 782	4 051

Составлена по: Информационный центр МВД по Республике Коми. Отдел спецфондов. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 19; Д. 167. Л. 11, 56; Д. 57. Л. 13, 18.

Всего в СССР на спецпоселении в 1946 г. находилось более 1 млн немцев. Среди переселенных в Коми АССР спецпереселенцев-немцев преобладали уроженцы Одесской, Николаевской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской областей Украины. Наибольшее число репатриированных немцев было заселено в г.Сыктывкар и пригороды (2 821 человек). В целом по республике немцы были расселены в 171 населенном пункте [6. С. 20].

Спецпереселенцы-немцы, высланные с формулировкой «навечно», стали ценным кадром для лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий. Из 7 045 человек, занятых на различных работах в конце 1946 г., 5 986 человек были заняты на предприятиях лесной промышленности. На одном из крупнейших в 1940-е гг. лесоперерабатывающих предприятий, Сыктывкарском лесозаводе, работало 386 немцев из Николаевской и Одесской областей [48].

Таблица 9

**Занятость спецпереселенцев-немцев
(с членами семей) в Коми АССР, 4-й кв. 1946 г.**

№	Министерство	человек	мужчин	женщин	детей до 16 лет	трудоспособных	работает
1	Лесной промышленности	10 715	1 671	4 494	4 550	5 496	5 986
2	Речного флота	19	3	13	3	12	13
3	Внутренних дел	428	103	156	169	228	276
4	Местной промышленности	495	123	196	176	264	302
5	Жилищно-гражданского строительства	237	50	108	79	132	174
6	Коммунального хозяйства	49	8	18	23	21	28
7	Стройматериалов	296	69	122	105	164	186
8	Здравоохранения	14	2	6	6	6	6
9	Земледелия	140	38	47	62	69	74
	Итого	12 393	2 060	5 160	5 173	6 392	7 045

Источник: Информационный центр МВД по Республике Коми. Отдел спецфондов. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 33.

В послевоенный период значительно увеличилось количество мест, в которых проживали высланные на спецпоселение. Они жили не только в спецпоселках, но и в селах, при сплавных участках, при различных заводах, подсобных предприятиях,

на лесоучастках. В конце 1930-х гг. спецпереселенцы в Коми АССР проживали в 36 трудпоселках, в начале 1940-х гг. — в 92 труд(спец)поселках в пределах 14 спецрайкомендатур, в 1950 г. в Коми АССР действовало 62 спецкомендатуры, а «населенных пунктов, где расселены спецпереселенцы и выселенцы» было 344 [49]. Это говорит о значительном расширении использования труда спецпереселенцев и размывании понятия «ограниченное поселение для высланных».

К концу 1940-х гг. самой многочисленной группой среди спецпереселенцев были немцы. С 1947 по 1955 гг. их число остается стабильным, около 12 тыс. человек. К 1953 г. в Коми АССР было учтено 24 420 спецпереселенцев и выселенцев, в том числе 12 141 немцев [3. С. 157]. Всего в СССР на январь 1953 г. на спецпоселении находилось 1 820 140 человек, в основном немцы — 788 975, чеченцы — 183 445, украинцы — 163 653, татары — 111 037, литовцы — 75 024, русские — 56 589 человек, а также калмыки, ингуши, греки и многие другие [1. С. 142].

В отличие от других категорий спец(труд)переселенцев немцы не подлежали частичному освобождению, поэтому численность немцев-спецпоселенцев практически не изменилась, и в 1953 г. По Коми АССР составила 12 531 из 17 474 человек общего числа спецпереселенцев в спецпоселках и лагерях [50]. По данным на 1 января 1953 г., всего на учете спецпоселений в СССР состояло 208 388 репатриированных немцев [4. С. 11].

Частичное освобождение немцев начинается с 1954 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1439-649 от 5 июля 1954 г. с немцев-спецпоселенцев были сняты некоторые ограничения: они могли свободно передвигаться в пределах республик, краев, областей, выезжать в командировки, являться на отметку в органы МВД один раз в год. С учета спецпоселения были сняты дети немцев. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. были сняты ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении. Однако права возвращения на места, откуда они были высланы, немцы по-прежнему были лишены. На 1 ноября 1955 г. в Коми АССР было учтено 11 327 спецпереселенцев-немцев из 15 986 человек спецпереселенцев (выселенцев и спецпоселенцев) [51]. Лишь по прошествии почти десяти лет, в 1964 г., с советских

немцев были сняты обвинения. Они освобождались из-под административного надзора. Но только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в родные места.

В итоге следует отметить, что в 1941—1946 гг. на спецпоселения Коми АССР было выселено около 15 тысяч граждан СССР немецкой национальности. В период войны трудпереселенцы немецкой национальности были мобилизованы в «рабочие колонны» на лесозаготовки, а также на стройки в ИТЛ (лагеря).

Список литературы и источников

1. Бугай Н.Ф. 40—50-е годы: последствия депортации народов // История СССР. 1992. № 2.
2. Бугай Н.Ф. 40-е годы. Автономия немцев Поволжья ликвидировать // История СССР. 1991. № 2.
3. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5.
4. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.) // Социс. 1995. № 6.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
6. Немцы в Республике Коми. Коми (страницы репрессивной политики первой половины XX в). Сыктывкар, 1997.
7. Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008.
8. Национальный архив Республики Коми (далее — НАРК). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 911. Л. 3.
9. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 12, 13.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 71. Л. 176.
11. НАРК. Ф. П-1. Д. 775. Л. 72.
12. НАРК. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 93. Л. 19.
13. НАРК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1011. Л. 82, 85.
14. НАРК. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.
15. НАРК. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 87. Л. 7.
16. НАРК. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 66. Л. 8—14.
17. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 775. Л. 73.
18. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 106. Л. 42; Д. 74. Л. 207.
19. НАРК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 12.
20. НАРК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 14.
21. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 106. Л. 43 об.
22. НАРК. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 113. Л. 129.
23. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 880. Л. 32.

24. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 1, 2.
25. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 1, 2.
26. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 11.
27. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 139. Л. 60.
28. Информационный центр МВД по Республике Коми. Отдел спецфондов
(далее — ИЦ МВД по РК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 34. Л. 70.
29. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 12, 13.
30. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 2.
31. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 33.
32. НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 1, 2.
33. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 133. Л. 258.
34. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 106. Л. 42.
35. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 138. Л. 24.
36. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 168. Л. 286.
37. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. 66. Л. 40.
38. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 880. Л. 184.
39. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 34. Л. 78.
40. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 78. Л. 86.
41. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.
42. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 139. Л. 46.
43. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 974. Л. 40.
44. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 33. Л. 103.
45. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 880. Л. 23.
46. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 974. Л. 5.
47. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.
48. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.
49. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 167. Л. 1-12.
50. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 759. Л. 119, 124.
51. ИЦ МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 179. Л. 47.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список с рапорта гражданскому губернатору советника
Тобольского губернского правления Серебренникова
от 25.01.1826 г.

№ 19.

Вашему превосходительству благоугодно было предписать от 29.12.1825 года за №5011 удостоить поручением по § 293 Устава об инородцах в обозрении обитаемых по Березовскому и Тобольскому округам. Что исполнил с всевозможным усердием, доезжая до юрт Юпомпельских¹ ниже Березова 565 верст и был на учрежденной ярмарке в крепосце Обдорской и по тракту останавливаясь, входил в жилище кочевых и в чумы и везде встречал отзывы о худом промысле зверя по случаю бывшей в конце осени оттепели и при оной дождей на выпавший снег, отчего сделалась гололедица, называемая шарым, что способствовало бегству зверя по таковому случаю имели в сравнение прежних годов, в улове менее и посему весьма затрудняют о взносе платежного ясака. А кочевые все отрицаются невозможностью от раскладки на земские повинности. Осенью большая прибыль воды многократно ломала по рекам запоры и лодки, отчего зимний промысел рыбы был весьма мал, то в недостатке продовольствия прибегают к займам из казенных запасов муки, выдаваемой им в долг на установленных правилах, местное начальство письменно уверило меня, что при установленном правительством благотворительном пособии продовольствию инородцев обеспечено.

На земских чиновников в притеснениях и обидах жалоб не изъявили и в особенности относятся довольными и в благосклонном обращении правящего деятельность земского исправника Спорыжева и отдельных заседателей Кондинского Ширяева и Деньщиковского Козьмина.

¹ Сведений о них не обнаружено, на картах они не указаны. Возможно, при прочтении допущено искажение.

Инородцы на большем пространстве занимаются промыслами зверя и из ответов их по переводу толмачей по урочищам или так называемыми полосами владение имеют бесспорные, а в приобретенных местах по рекам возле кочевий их ловят рыбу и пески отдают в картом судовщикам по условиям на упомянутых правилах составляемых, кои свидетельствуют местным начальством.

В работу поступают из самоедов немногие и то только на самих местах для пастьбы олений, а из бедных остяков подражаются у уполномоченных и у русских для неводьбы и чищения рыбы и даже в домовые работы. По письменным условиям инородцы платят ясак зверем с числа душ по переписи, но с некоторых городов остяки, желая по-прежнему ясак вносить в Тобольск, почитая высшую оценку противу Березова подали мне на имя Вашего превосходительства прошение, у сего в начальственное благоусмотрение прилагаемое.

Бумаги, какие видел у инородцев, заключающие более в квитанциях, начальственных предписаниях и условий в наймы работников все писанные на простой бумаге. За взносом ясака на ярмарке избытки свои сбывают, меняясь на товар или продажею разным торговцам без всякого стеснения, но чтобы чиновники делали на них торговые спекуляции не приметно. Торговцы, приезжавшие с разных мест, давно занимаются торговлею, и, зная потребные местные обстоятельства, не требуют посредничества от заседателя так и находящиеся и на время прибывшего правящего должность земского исправника.

В жительстве инородцев открытой продажи вина нет и никого у них пьяных не видел.

Крещенные остяки ходят в церковь, были при освещении воды, но, не зная молитв, только крестились и плакались.

Помета на полях: О сем снести к преосвященному.

Не преосвященные светлым крещением издали смотрели безбоязненно на крестный ход, в своих местах языческие обряды исполняют без стеснения. Духовенство обходится противными правилами, отнеся сие более по Березовскому округу к заботам и попечительству тамошнего протоиерея Вергунова². Но его

² Семья Вергуновых, как свидетельствуют источники, была очень большая. Почти все были священниками. «Иерей Василий Вергунов вступил на службу из

благосклонное обращение свидетельствуется, безусловно, местным к нему уверениям не только крещеным, но и самих язычников.

Кочующие по дикости своей не понимают о пользах через отдачу детей своих в школы и даже почетные из них князцы и старейшины, но деланные ими приглашения никакого согласия не изъявили. Прививание оспы при всех стараниях окружного лекаря Самборского остается малоуспешным.

Помета: NB: Для сего отправился в Березов г. инспектор Албертов. Б.К.

Торгующие под своз товаров, привозимых на ярмарку, и с оной купленное и выменянное по Березовскому округу потому более что инородцы по исправлении своих надобностей по окончании

нижнего отделения Тобольской духовной семинарии. Духовенство северных приходов, как правило, не отличалось образованностью: в лучшем случае — курс семинарии. Сама жизнь учила их постигать истину православной веры и тонкости богословия. С 1791 г. он трудился пономарем, а с 1804 по 1850 гг. — священником в ларьякской Знаменской церкви». «У о. Василия были несомненные заслуги перед церковью. С 1812 г. по его настоянию было получено разрешение на постройку в Ларьяке новой церкви взамен обветшавшей. Епархиальное начальство отметило его труды, пожаловав в 1818 г. бронзовый крест. С 1828 по 1830 гг. о.Василий исполнял должность благочинного сургутских церквей. А в 1848 г. он награжден фиолетовой бархатной скуфьей. Усердный в службе, отец Василий был примером для своих сыновей: Ивана, Михаила, Петра, Александра и Василия, также ставших на путь служения Богу в селах Ларьякском, Вазовском (Локосово), Нижне- и Верхне-Лумпокольском, в городах Сургуте и Березове.

Известным среди северного духовенства был и его брат — протоиерей Иоанн Вергунов. В Тобольске в 1818 г. открылось отделение Библейского общества, которое поставило перед собой задачу перевести на язык остяков и вогулов Евангелие и некоторые молитвы. Эта работа была поручена березовскому протоиерею Вергунову. Отец Иоанн сделал перевод на остяцкий язык, которым он, как коренной северянин, хорошо владел, Евангелия от Матфея и Деястисловия «десяти заповедей» (По свидетельству В.Вайнуто, «В 1821 году протоиерей Вергунов перевел на остяцкий язык Евангелие, но Священный Синод нашел перевод неудачным и вернул для исправления, которое также оказалось неудачным»). «Рукописное Евангелие от Матфея на русском и остячком языке в переводе протоиерея Иоанна Вергунова из Березова» сохранилось до наших дней и экспонировалось как реликвия в 2004 г. в Новодевичьем монастыре, где проходила выставка «Апостолы нового времени о миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (Вергунова Е. Священническая династия Вергуновых // Сибирская православная газета. 2012. № 1). Речь, по всей видимости, идет об Иоанне Вергунове.

разъезжаются, а по дорогам весьма в малом числе их находить можно. По Тобольскому же округу наймывают крестьян.

Из казенных запасов хлеб выпускается хорошего качества и полного весу, так же и порох, вытребованный местным начальством. Весы и меры имеются правильные. Инородцы не столь уж дики, чтоб не имели понятия, как в весе, так и в счете и даже довольно осторожны, ибо все квитки получают от отдельного заседателя и не только исправнику, но и грамотным показывают неоднократно, удостоверясь, то ли написано число, какое им велено или сколько пудов берут из магазина и всю мену и покупку производят при нескольких человек своего поколения и будь бы кто из них, что и не разумел, и многие даже имеют толмачей, кои знают по-русски.

Болезнью венерической видел довольно зараженных. Лекарь Самборский отзывался, что преподаваемые им средства остались безуспешны и даже использованные снова заражались, так как имеют нераздельное жительство, но отделить их нет ни средств, ни возможности. На оленей хотя упадка не было, но по мелкости снегов волкам удобнее нападать на стада пасущихся по тундрам и убивают вдовольном количестве.

Между самими остяками и самоедами в юртах приметна обоюдная вражда чему главная вина, что остяцкий князь Матвей Тайшин³

³ О роде Тайшиных впервые упоминается в русских летописях в 1601 г. После Гынды в Обдории княжил его сын Тайша, давший начало фамилии Тайшиных. Среди членов обдорской княжеской династии Н.А.Абрамов называет Тучабалду, упомянутого в архивных документах 1706 г. (Бахрушин предположил, что Тучабалда — брат Тайши Гындина, Микифор Гындин (Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 134)). Именно тогда Москва официально признала правителем всей Обдории до берегов Ледовитого океана остяцкого богатыря Василия, вменив ему в обязанность «в Обдорских городках и волостях ясашных людей ведать и государев ясак собирать». Тогда предок Тайшина получил первую жалованную грамоту, утверждавшую его княжеское достоинство.

Тайшины были правителями, которые, обладая предприимчивым умом, смогли встать во главе нескольких семей, потом общин, а затем и родов.

Свидетельств «самобытного» поведения остяцких князей сохранилось множество. Матвей Тайшин, например, появлялся на Обдорской ярмарке в XVIII в. «не иначе как в жалованном бархатном халате, при кортике, с медалью на шею и в сопровождении служителя, несущего грамоту на княжеское достоинство.

наследственно, пользуясь сим званием от деда, пожалованного блаженной памяти государыни императрицы Екатериной II в 1768 г. грамотою за собственноручным подписанием и бархатным кафтаном⁴, но при последней награде в 1824 г. не удостоен он монаршего соизволения.

Сие обстоятельство предано на благоусмотрение Вашего пресвосходительства.

Из вновь же пожалованных самоедских старшин Пайгол Нырмин⁵, гордясь новым предпочтением, не имеет прежнего к князю уважения, при том менее входит в положение самоедов, слаб в правлении и не разделяет с бедными своих избытков. Напротив

А когда его разбирала охота выказать свой сан, то он время от времени бросал на землю свою шапку, которую телохранитель с поклонами поднимал».

Знаменитый путешественник А.Брэм писал, что «в 1850 году князь Тайшин владел огромным стадом оленей — до 8 тысяч голов, и лежали у него в сундуке 20 тысяч рублей наличными деньгами. Скуп был князь до крайности» (www.gornoknyzevsk.ru). В 1831 г. Матвею Яковлевичу «за благонамеренные и полезные действия по управлению подвластными ему инородцами» была высочайше пожалована золотая медаль на аннинской ленте с подписью «За полезное» (Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Русского географического общества. СПб., Кн. 12. С. 336—337).

⁴ «В январе 1768 года Екатерина II подписала высочайшую грамоту, которая подтверждала княжеские достоинства Матвея Тайшина. Вместе с грамотой ему была выдана парадная одежда: бархатный малиновый кафтан, тонкого льна белое, расшитый золотом атласный камзол, красные сафьянные сапоги и кортик, на рукоятке которого была изображена орлиная голова» (Ковальский М. Северный Урал и береговой хребет Пайхой. СПб., 1853. Т. 1).

⁵ Согласно Уставу и в соответствии с решением Совета тобольского губернского общего управления от 17 октября 1823 г., подтвержденным Сибирским комитетом в 1824 г., самоеды Обдорской волости были отнесены к разряду «бродячих» и тем самым формально отделены от «кочевых» обдорских остяков. На должность главного самоедского старшины был избран Пайгол Нырмин. Однако Матвей Тайшин не намерен был терять своего влияния среди самоедов. По словам очевидца событий Ф.Белявского, «не одни только остяки оказывают почтение Тайшину: еще более его уважают самоеды, у которых хотя с недавнего времени свой особенный старшина, но как они повиновались прежде тем же князьям Тайшиным,... то по сие время Князя Тайшина предпочитают своему старшине Пайголу». Между остяцким князем и главным самоедским старшиной сложились весьма натянутые отношения, «ибо Тайшин лишился первобытного своего права над самоедами», а «Пайгол негодует за оказываемое князю Тайшину почтение прежними его подчиненными» (Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 170—171).

того, князь Тайшин взыскателен, испомощенствует ведомственным ему и пользуется более уважением от инородцев.

Возникшею же ссору, желая прекратить по обязанности моей, смирял, но по необразованности и свойственной им простоте явно обнаруживают свои чувства, показывая при том несогласие, оказывать одному перед другим предпочтение, о чем вашему превосходительству донести имею честь.

Верно: гражданский губернатор. Дмитрий Каменский

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17592. Л. 39—44.

Тобольское общее губернское управление
с предоставлением отчетов по обозрению
березовских и пелымских инородцев
по канцелярии главного управления.
Отделение 1. Стол 2.
24 марта 1826 года
№ 1118.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири¹

Имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства списки донесений ко мне господина советника тобольского губернского правления Серебренникова от 25 января (№ 19) и записку, поданную от господина титулярного советника Найденова о том, что найдено ими при обозрении первого Березовского, а последним Пелымского края. Долгом почитаю донести, что по донесению господина Найденова учинено мною согласно с положением совета о губернском управлении следующее распоряжение: 1) о внушении инородцам² пользы, которую могут иметь они от распространения картофеля и о приохочивании их к сему предписано Туринскому земскому судье; 2) земскому начальству поставлено на вид безмерное пьянство инородцев, происходившее в Пелыме во время сдачи ясака, велено оному благородным наставлениям советами и другими законными мерами удерживать их от сего, а чтобы не было ввозимо горячительных напитков в их жительство строжайше подтверждено иметь бдительное за сим наблюдение; 3) о числе находящихся в крайней бедности инородцев и о способах улучшения их состояния требуются сведения от правящего должность Туринского исправника, а между тем поручено ему тотчас распорядиться

¹ Капцевич Петр Михайлович (1772—1840) — генерал от артиллерии, генерал-губернатор Западной Сибири с 22.07.1822 по 25.07.1827 г.

² Термин «инородцы» использовался в административной практике царской России, пожалуй, шире и чаще, чем любой другой, включая термин «туземцы». Он зафиксирован во множестве документов (законах, распоряжениях, деловой переписке) XVI—XIX вв., к наиболее известным среди которых относится Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.

о доставлении им пособия в жизненном продовольствии из хлебных казенных запасов; 4) земскому суду предписано стараться ввести в обыкновение у инородцев готовить хлеб из крапивы подобно как уже делается сие в Тахтанской³ волости⁴; 5) от правящего должность земского исправника требуются сведения — где и в какое время удобнее учредить ярмарку для сбыта произведений и промыслов инородцев; 6) заключение господина Найденова об уничтожении обыкновения платить калым за невест сообщено комиссии для рассмотрения законов инородцев; 7) о слабом понятии крещенными инородцами христианского закона и соблюдении обрядов доведено до сведения его Высокопреосвященства архиепископа Tobольского и Сибирского⁵, дабы со стороны духовенства приняты были на основании § 291⁶ устава о инородцах⁷ ко внушению им христианских обрядов приличной меры; 8) из донесения господина Найденова видно, что Пелымские инородцы поныне считают себя обязанными вносить в казну подати мягкою рухлядью и потому покупают оную дорогими ценами, а как на основании Устава об инородцах и отчасти

³ Туринский уезд (Туринский округ) — административно-территориальная единица в составе Tobольской губернии. В Туринский округ входила и Тахтанская инородная волость.

⁴ Волость — нижняя единица административно-территориального деления в России в сельской местности. Образована в 1797 г. первоначально для казенных крестьян, после реформы 1861 г. волости были образованы также для бывших владельческих и удельных крестьян.

⁵ Евгений (Казанцев), архиепископ Tobольский и Сибирский в 1826—1831 гг.

⁶ § 291. Не подвергать инородцев никаким изысканиям, если они, исповедуя Христианскую веру, окажутся по невежеству в упущении церковных обрядов. Внушения и убеждения суть одни приличные в сем случае меры (Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. 120. С. 394—416).

⁷ Устав об управлении инородцев (1822) — законодательный акт Российской империи, определивший систему управления неславянскими народами Сибири (инородцы). Большинство его положений действовало вплоть до Февральской революции. Устав был составлен М.М.Сперанским после его экспедиции для изучения состояния Сибири с помощью Г.С.Батенькова. Устав разделял инородцев в рамках права Российской империи на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» и согласно этому разделению определял их административный и правовой статус. Это был уникальный правовой документ, который состоял из 4 частей, 43 глав и 372 параграфов. В нем впервые в мировой практике предлагалось юридическое решение проблем народов, в том числе народов Севера и Сибири, образ жизни которых не вписывался в обычные нормы гражданского общества.

той же главы они обязываются платить подати деньгами, то по сему подтверждено земскому суду внушить о сем Пелымским инородцам; 9) также поручено внушить им о том, каких лишаются они выгод, отдавая за бесценок в кортом рыбной ловли и потому не пожелают ли они, чтобы ловли сии отдавались в оброк через посредство земского начальства с публичных торгов? 10) об удобности соединения нескольких малонаселенных волостей в одну извещена от меня Казенная палата с настоянием об учинении о сем распоряжения; 11) на счет обучения мальчиков российской грамоте на случай определения их писарями предписано земскому начальству отобрать от вогул сведения согласны ли они на сие? 12) предположение господина Найденкова о том, чтобы в Пелыме иметь особого лекаря, признавая весьма основательным, я имею честь придать обстоятельство сие в благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Гражданский губернатор Д.Н.Каменский⁸.

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17592. Л. 1—3.

⁸ Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850), в 1825—1828 гг. занимал пост тобольского гражданского губернатора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Любовь Васильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Букренева Ксения Геннадьевна — аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Игнатова Надежда Максимовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Курышев Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова.

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г.Нижневартковске; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Омского государственного технического университета в г.Нижневартковске.

Пузанов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета.

Салимова Наталья Сергеевна — кандидат исторических наук, преподаватель истории Нижневартковского социально-гуманитарного колледжа.

Сапожникова Наталия Васильевна — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Солодкин Яков Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Стась Игорь Николаевич — аспирант кафедры истории и культурологии Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

Глава 1. ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА КНЯЗЦУ ЛУГУЮ И РАННЯЯ РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ (О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ УНИКАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА)	7
Глава 2. ОТПРАВИЛИСЬ ЛИ «ЕРМАКОВЫ КАЗАКИ» В ЮГОРСКУЮ ЗЕМЛЮ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СВОЕГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ?	13
Глава 3. БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД: ГОСУДАРСТВО И СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ	20

Раздел 2

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Глава 1. РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1941 гг.)	41
Глава 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА)	56
Глава 3. РАЗМЕЩЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ПЕРИОД ЭВАКУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА	61
Глава 4. УРБАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ХМАО (1960—1980-е гг.)	69

Раздел 3

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

Глава 1	
ФОРМИРОВАНИЕ ДУМЫ I СОЗЫВА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА: ПОЛНОМОЧИЯ, СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1994—1996 гг.).....	85
Глава 2	
НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА (1990—2011 гг.)	98
Глава 3	
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ СИМПТОМАТИКИ 2008—2011 гг. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА).....	110

Раздел 4

ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Глава 1	
КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 ГОДА В ИШИМСКОМ УЕЗДЕ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ УЧАСТНИКОВ	121
Глава 2	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В 1930-х гг.	146
Глава 3	
НЕМЦЫ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЭВАКУИРОВАННЫЕ, МОБИЛИЗОВАННЫЕ, РЕПАТРИИРОВАННЫЕ).....	164
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	185
<i>Приложение 1</i>	185
<i>Приложение 2</i>	191
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	194

Научное издание

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть IV

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Редактор *Т.А.Фридман*
Художник обложки *К.В.Латыпова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 28.05.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 00
Тираж 300 экз. Заказ 1544

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*